

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Scw 42 36.1.950

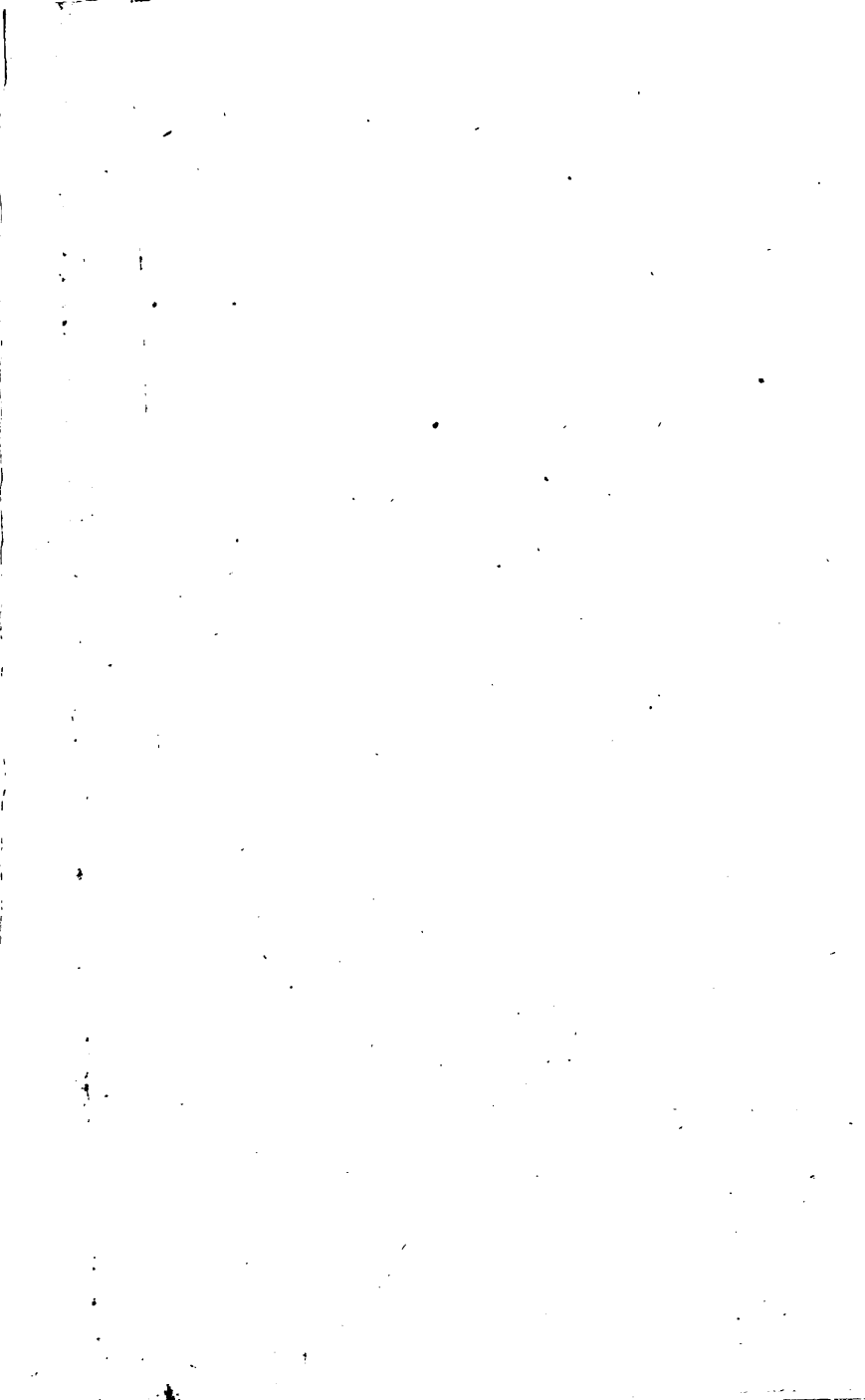
HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

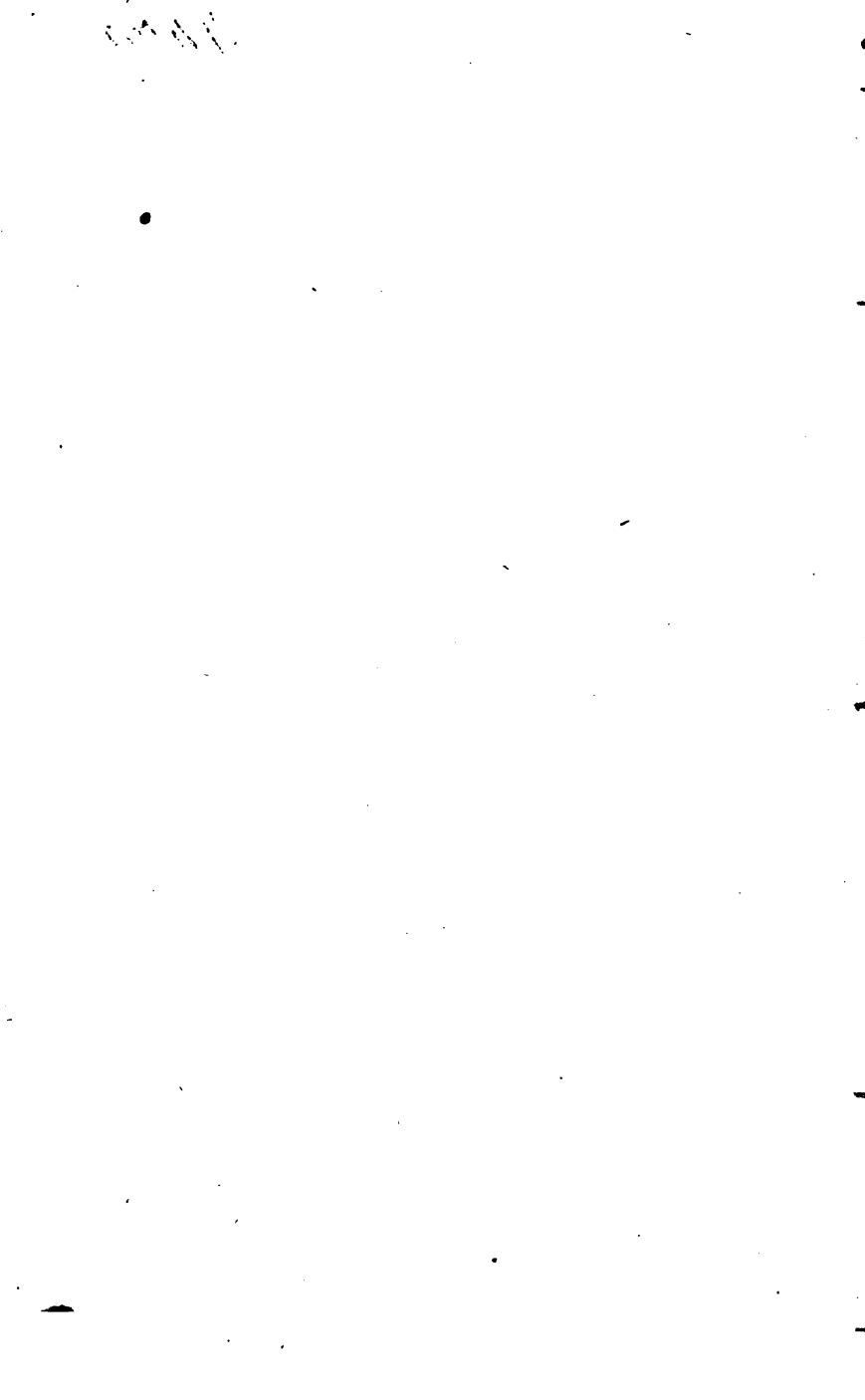

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

ЛОМОНОСОВА.

$$\begin{array}{r}
 4479 \\
 \hline
 \text{III} \\
 \hline
 3 \\
 \hline
 5
 \end{array}$$

Холмъ. Н. ГАРНИЕР

изд. 1840 г.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ НИКОЛАЕВЪ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

ЛОМОНОСОВА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕГО ПОРТРЕТА

ИСПОЛНЕННАГО РЕЛИОТИПНОЮ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Н. ЛЮБИМОВА

Профессора Московскаго Университета.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

1872.

Slav 4236.1.950 (1)

Reeler

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы.	Стр.
I и II. Дѣтство Ломоносова. Бѣгство въ Москву. Ученіе въ Спасской школѣ.	1
III. Вызовъ въ Академію Наукъ.	15
IV и V. Пребываніе за границею	24
VI. Ода на взятіе Хотина и Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства.	40
VII. Возвращеніе въ Россію и вступленіе въ Академію.	49
VIII и IX Первые академическіе труды Ломоносова.	57
X и XI. Реторика Ломоносова. <i>Вольфіанская экспериментальная физика</i>	77
XII и XIII. Духовныя стихотворенія и похвальные оды.	88
XIV и XV. Похвальные слова Ломоносова	106
XVI и XVII. Ломоносовъ и Пушкинъ какъ выразители народнаго сознанія по отношенію къ Петру Великому. Поэма <i>Петръ Великій</i> ..	120
XVIII и XIX. Рѣчи Ломоносова ученаго содержанія. Наблюденія Рихмана и Ломоносова надъ электричествомъ облаковъ.	138
XX и XXI. Смерть Рихмана. Академическій актъ 1753 года	152
XXII. Разборъ рѣчи Ломоносова <i>О явленіяхъ воздушныхъ</i> Общія замѣчанія о его ученыхъ заслугахъ	172

Предлагаемое сочиненіе вызвано желаніемъ доставить воспитанникамъ старшихъ классовъ Лицея Цесаревича Николая и вообще учащемуся юношеству пособие при изученіи эпохи въ исторіи нашего образованія отмѣченной трудами Ломоносова. Наши отцы высоко чтили произведенія перваго русскаго поэта, ученаго и оратора и носили въ своей памяти его возвышенную рѣчь, его стихи, меткія и остроумныя выраженія, обороты слова и мысли, всегда оригинальные и сильные, нерѣдко вдохновенные. Желательно, чтобы это доброе преданіе сохранили и наши дѣти. Авторъ думалъ, что для поддержанія его, быть можетъ, не будетъ лишнею книга, въ которой,—набрасывая очеркъ поучительной жизни и стараясь сдѣлать правдивую оцѣнку трудовъ Ломоносова, безъ фальшиваго освѣщенія и безъ преувеличенія, но съ сознаніемъ ихъ истинно великаго для насъ значенія, — составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду извлечь изъ произведеній Ломоносова и пояснить то что составляетъ вѣчный вкладъ, внесенный имъ въ умственный капиталъ своего народа. Наиболѣе оригинальную часть книги представляетъ разборъ ученыхъ трудовъ Ломоносова какъ натуралиста, по сравненію съ трудами другихъ ученыхъ его эпохи.

II

Въ обзорѣ произведеній авторъ придерживался хронологическаго порядка, соединяя, впрочемъ, вмѣстѣ разборъ однородныхъ сочиненій. Обзорънѣ трудовъ ученаго содержанія въ настоящей части доведено до 1754 года. Выдавая ее въ свѣтъ до полнаго окончанія сочиненія, авторъ руководился отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что она представляетъ уже значительную долю труда, а отчасти желаніемъ выдать ее въ настоящую минуту, когда повсюду въ нашемъ отчествѣ только что отпраздновано двухсотлѣтіе рожденія Петра. Есть много похвальныхъ словъ великому преобразователю. Но едва ли не краснорѣчивѣйшее изъ нихъ—самъ Ломоносовъ. Сынъ обновленной Россіи онъ живое похвальное слово обновителю. Наконецъ, имя Ломоносова связано съ именемъ Петра еще и тѣмъ, что Ломоносовъ и Пушкинъ суть истинные выразители народнаго сознанія о Петрѣ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ЛОМОНОСОВА.

I.

Въ 1711 году, въ эпоху когда Петръ I совершалъ свои великія преобразованія и когда плодъ этихъ преобразованій, Полтавская побѣда, — „наше русское воскресеніе“, по выраженію Петра, — уже рѣшила вопросъ о будущности Россіи, какъ могущественнаго европейскаго государства, въ семидесяти верстахъ отъ Архангельска, въ виду Холмогоръ, въ Куроостровской волости, въ деревнѣ Денисовской, Болототожъ, у крестьянина Василья Дорощеева Ломоносова родился сынъ Михаилъ, будущій славный русскій ученый, витія и поэтъ.

Не много сохранилось извѣстій о дѣтствѣ и юности Ломоносова. Нѣсколько строкъ въ его письмахъ къ Ивану Ивановичу Шувалову, замѣтки въ запискахъ академика Штели-на, * близко знавшаго Ломоносова и заготовившаго матеріалъ для похвальнаго слова своему славному товарищу, нѣсколько добавленій въ біографіи помѣщенной въ академическомъ изданіи сочиненій Ломоносова ** и составленной главнымъ образомъ по запискамъ Штелина, наконецъ нѣсколько свѣдѣній

---

* *Москвитянинъ*, 1851 г., № 2. Бунина: *Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ*, Петербургъ. 1864 г.

** *Полное собраніе сочиненій Ломоносова*, Петербургъ 1784 г., въ четырехъ томахъ.

собранных на родинѣ Ломоносова академикомъ Озерецковскимъ во время путешествія его съ академикомъ Лепехинымъ на сѣверъ Россіи * — вотъ всѣ источники для біографіи юности Ломоносова.

„Я имѣлъ, пишетъ Ломоносовъ, „отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы.“ „Когда онъ подросъ, говоритъ Штелинъ, отецъ его, рыбаекъ, бралъ его нѣсколько разъ съ весны до поздней осени съ собою на рыбную ловлю, въ Колу, въ Бѣлое и даже въ Сѣверное море, до 70 градуса сѣверной широты, о чемъ онъ самъ припоминать въ послѣдствіи. По десятому году, въ зимнее время учился онъ читать и писать у священника своего села, который не зналъ латинскаго языка, выучилъ его только чтенію церковныхъ книгъ, но возбудилъ его любознательность разказами про Заиконоспаскій монастырь въ Москвѣ.“ Отецъ Ломоносова, прибавлено въ академической біографіи, „первый изъ жителей сего края соорудилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ, подъ своимъ селеніемъ, галіотъ и прозвалъ его чайкою: ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, Бѣлому морю и по Сѣверному Океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы, казенныхъ и частныхъ людей, отъ города Архангельскаго въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Сомояда, и на рѣку Мезень.“ Онъ имѣлъ „въ рыбномъ промыслѣ счастье, а собою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ

---

* *Путешествія академика Ивана Лепехина въ 1772 г., Петербургъ 1805 г.* Четыре части, изъ которыхъ послѣдняя съ 81 страницы принадлежитъ Н. Озерецковскому и содержитъ въ себѣ въ числѣ прочаго свѣдѣнія (стр. 298 — 303) о Ломоносовѣ.

сосѣдами обходителенъ, только грамотѣ не ученъ *.” Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ Ломоносовъ въ первый въ жизни своей разъ недуховныя книги. То были старинная славянская грамматика и ариметика напечатанная въ С.-Петербургѣ, въ царствованіе Петра Великаго, для навигацкихъ учениковъ. Неотступныя и усиленныя просьбы чтобы старіей Дудинъ ссудилъ его ими на нѣсколько дней, оставались всегда тщетными. Отрокъ пылающій ревностію къ ученію, долгое время умышленно угождая тремъ стариковымъ сыновьямъ, довелъ ихъ до того что выдали они ему сіи книги, и съ сего самаго времени не разставался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и непрестанно читая затвердилъ наизусть. Самъ онъ потомъ называлъ ихъ вратами своей учености.” Въ свѣдѣніяхъ Озерецковскаго, учителемъ Ломоносова названъ крестьянинъ Иванъ Шубный и прибавлено что Ломоносовъ грамотѣ „обучился въ короткое время совершенно, охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны и по здѣшнему обычаю житія святыхъ напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а при томъ имѣлъ у себя природную глубокую память. Когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ нѣнія разказывалъ сидящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеніе на словахъ обстоятельно.” Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ „была такъ велика ** что нерѣдко биванъ былъ, не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію, за то что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно, а при томъ и съ особою пріятностію и комкостію голоса“.

Мы привели подлинными словами источниковъ все существовавшее изъ сохранившихся свѣдѣній о дѣтствѣ Ломоносова. Г. Максимовъ, посѣтившій въ 1856 году сѣверное побережье, такъ говоритъ *** о мѣстности, гдѣ родился и провелъ первые двадцать лѣтъ своей жизни будущій знаменитый писатель: „Скуденъ видъ окрестностей деревни Денисовки:

* Свѣдѣнія собранныя Озерецковскимъ.

** Академическая біографія.

*** *Годъ на сѣверъ*, 2-ое изд. 1864 г., стр. 587.

низменный островъ, едва не понимаемый въ полую воду разливомъ Двины; низенькія болотистыя вочки, разсыпанныя между деревнями, которыхъ такъ много на Куръ-островѣ; сѣсныя, бревенчатыя избы деревень этихъ; кое-гдѣ незначительной высоты холмы, затянутые мохомъ; болотины между этими холмами съ просачивавшейся грязною водой; побережья со всѣхъ сторонъ затянутыя чахлымъ ивнякомъ, изъ-за котораго въ одну сторону видны Холмогоры со своими старинными церквами, давними преданіями. Повсюду жизнь закованная въ разбѣренную, однообразную среду, въ одни помыслы о тяжелой трудовой жизни на промыслахъ; и нѣтъ ничего въ этой жизни рѣзко-поэтического, нѣтъ ничего могущаго питать душу и сердце.“ Печать генія лежала на ребенкѣ, среди скудной и пустынной обстановки почувствовавшемъ жажду знанія и оставившемъ рыбачьи сѣти, чтобы повиноваться внутреннему призванію, тайно уйти въ Москву искать книжнаго ученія, чрезъ нѣсколько лѣтъ явиться равноправнымъ членомъ въ ряду представителей науки своего времени и доказать что русскій народъ отозвался на великій призывъ Петра, могущественно двинувшаго Россію въ семью европейскихъ народовъ, въ потокъ всемірной исторіи. Этотъ призывъ громко раздавался въ мѣстности гдѣ возросъ Ломоносовъ; онъ былъ здѣсь обращенъ къ населенію крѣпкому и предприимчивому, исторіей связанному съ богатымъ и свободолюбивымъ Новгородомъ, природой поставленному предъ лицомъ моря, вызывающаго на борьбу силу духа человеческого. Здѣсь все было полно памятью великаго государя, въ двухъ достопамятныхъ поѣздкахъ посѣтившаго поморье и оставившаго всюду слѣды своей могучей руки. Тамъ въ Унскихъ Рogaхъ онъ спасся отъ бури и своими руками сработалъ и поставилъ пяти-аршинный сосновый крестъ въ память избавленія; здѣсь въ Архангельскѣ „цѣлые дни проводилъ на городской биржѣ,* ходилъ по городу въ илѣтѣ голландскаго корабельщика, часто гулялъ по рѣкѣ Двинѣ, входилъ во всѣ подробности жизни приходившихъ

* Тамъ же, 553.

въ городу торговцевъ"; строилъ хлѣбные магазины и верфи, закладывалъ корабли, заводилъ „царскіе торги," воздвигалъ крѣпости, тѣшилъ пушечною пальбой, молился въ Соловкахъ и пѣлъ на клиросѣ съ пѣвчими; по сѣуду десятки верстъ по мосткамъ народомъ перевозилъ яхты, выписывалъ быковъ для Холмогоръ и утвердилъ за жителями этого городка понынѣ сохранившееся прозвище *заутольниками* за то что прятались по угламъ и выглядывали изъ налитокъ когда неугомонный царь ходилъ по улицамъ. Изъ-за ивняка своей деревни Ломоносовъ ежедневно могъ видѣть на горѣ село Вавчуги, гдѣ свѣжо еще было преданіе о томъ какъ Петръ „гостилъ тамъ не одни сутки у богатаго, унмачи владѣльца Вавчуги Важенова, котораго любилъ ласкать и жаловать" *.

Съ другой стороны, семья изъ которой вышелъ Ломоносовъ принадлежала къ числу весьма достаточныхъ и наиболѣе предприимчивыхъ въ своей мѣстности. Мы упоминали что отецъ его построилъ собственное судно и съ успѣхомъ занимался рыбнымъ промысломъ; зять Ломоносова, Головинъ, говоритъ преданіе, былъ основателемъ промысла костяными подѣлками, которыми славятся Холмогоры; сынъ учителя Ломоносова крестьянина Ивана Шубнаго, Ѳедотъ Ивановичъ Шубинъ, сдѣлался въпослѣдствіи извѣстнымъ художникомъ и академикомъ. Грамотность была вѣроятно довольно распространена въкраѣ, отчасти благодаря наплыву раскольниковъ учителей, находившихъ въэтой дали безопасное убѣжище и перенесшихъ на сѣверныя тундры споры о старыхъ и новыхъ книгахъ и тѣ невѣжесвенныя ученія, борьба съ которыми была главнымъ событіемъ бѣдной умственной жизни нашего общества въ эпоху предшествовавшую Петру. Расколъ нашелъ убѣжище въ самомъ Соловецкомъ монастырѣ. Въ 1656 году присланы были туда изъ Москвы новоисправленные Никонѣ церковныя книги. Соловецкіе старцы не приняли ихъ и замечатавъ сложили въ ружейную палату, продолжая отправлять службы по старымъ книгамъ. Ни увѣщанія, ни угрозы изъ Москвы не помогли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ

* Тамъ же, 588.

прислана была военная сила; монахи затворились въ монастырѣ и семь лѣтъ выдерживали осаду, пока въ 1676 году монастырь не былъ взятъ приступомъ, и главные мятежники не были частію порублены, частію казнены, а иные сосланы въ ссылку. Г. Максимову разказывали въ Денисовѣ (дѣячекъ да одинъ досужій сельскій старичекъ, единственныя лица въ околоткѣ, которыя въ 1856 году знали имя Ломоносова и могли пересказать немногое что сохранила о немъ мѣстная память) что и отецъ Ломоносова * былъ раскольникъ. Съ другой стороны въ академической біографіи сказано: „на тринадцатомъ году младшій умъ его (Ломоносова) уловленъ былъ раскольниками такъ-называемаго толка безпоповщины; держался онаго два года, но скоро позналъ что заблуждается.“

Разказы о столичныхъ школахъ, слышанные Ломоносовымъ, побудили его покинуть родной кровъ и тайно уйти

---

* Г. Максимову говорили, что Михайло Васильевичъ назвался Ломоносовымъ послѣ побѣга; на мѣстѣ же назывался по отцу Доросеевымъ. Но это противурѣчитъ приведенной въ *Путешествіи Лепехина* ревизской сказкѣ 1744 года, въ которой значится что въ деревнѣ Митанинской, по генеральному свидѣтельству 1722 года, показано 11 дворовъ, въ тѣхъ дворахъ мужескаго пола душъ:

Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносова..... 73 лѣтъ, умре 1727 г. марта 30 дня.

Сынъ Иванъ..... 20 лѣтъ, умре 1720 г. декабря 7 дня.

Внукаго же Никита Федоровъ. 18 лѣтъ, умре 1726 г. декабря 8 дня.

Василій Федоровъ (перемѣнено противъ сказки 1722 года, гдѣ значится *Доросеевъ*, а не Федоровъ) сынъ Ломоносовъ. .... 38 лѣтъ, потонулъ въ морѣ 1741 года.

Сынъ его Михайло ..... 7 лѣтъ, бѣжалъ въ 1732 году.

въ Москву. „На [семнадцатомъ году *, пишетъ Штелинъ, зимою, въ ночь ушелъ онъ тайно изъ отцовскаго дома, вслѣдъ за обозомъ съ рыбою, который отправлялся въ Москву. Онъ догналъ его на другой день, въ 80 верстахъ отъ своей деревни, на большой [дорогѣ. Прикащикъ не хотѣлъ взять его съ собою; но онъ просилъ со слезами дать ему случай взглянуть на Москву. Въ Москвѣ, гдѣ у него не было ни души знакомыхъ, спалъ онъ первую ночь [на возу. Проснувшись на зарѣ, онъ сталъ думать о своемъ положеніи, и съ горькими слезами палъ на колѣна, усердно моля Бога ниспослать ему помощь и защиту. Въ то же утро пришелъ господскій дворецкій на рынокъ закупать рыбу. Онъ былъ родомъ съ той же стороны, и разговорившись съ Ломоносовымъ, узналъ его. Онъ пріютилъ его на господскомъ дворѣ между дворнею. Этотъ дворецкій просилъ своего пріятеля, монаха изъ Заиконоспасскаго монастыря, исходатайствовать у архимандрита для Ломоносова позволеніе вступить въ семинарію. Между тѣмъ его домашніе въ деревнѣ искали его по всей окрестности, и не нашедъ, считали безъ вѣсти пропавшимъ, пока наконецъ, съ послѣднимъ зимнимъ путемъ, возвратился изъ Москвы тотъ обозъ, и прикащикъ сказалъ отцу Ломоносова что его Михайло остался въ Москвѣ, въ монастырѣ, и просить его объ немъ не сокрушаться.“ О поступленіи Ломоносова въ Спасскую школу въ академической біографіи прибавлено слѣдующее: „А какъ не принимаютъ въ сію семинарію положенныхъ въ подушный окладъ, то назвался Ломоносовъ дворяниномъ. Покойный Новгородской архіерей Теофанъ Прокоповичъ въ Кіевѣ его узналъ и полюбя за отличныя въ наукахъ успѣхи, призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: „небойся ничего; хотя бы со звономъ въ большой Московскій соборный колоколъ стали тебя публиковать „самозванцемъ, я твой защитникъ“.

Бѣгство Ломоносова въ Москву въ свѣдѣніяхъ Озерецковскаго разказывается съ нѣсколькими иными подробностями. Тамъ

---

* Ошибка: какъ увидимъ ниже, Ломоносовъ ушелъ на двадцатомъ году.

читаемъ: * „Взявъ себѣ онъ паспортъ не явнымъ образомъ, посредствомъ управлявшаго тогда въ Холмогорахъ земскими дѣлами Ивана Васильева Милюкова, съ которымъ,—выпросивъ у сосѣда своего Оомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ,—не сказавъ своимъ домашнимъ, ушелъ въ путь и дошедъ до Антоньева Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по Петербургскому тракту во стѣ верстахъ, былъ въ ономъ нѣкоторое время, отправлялъ псаломническую должность, заложилъ тутъ взятое имъ у Оомы Шубнаго полукафтанье мужику Емчанину, котораго послѣ выкупить уже не удалось, ушелъ оттолѣ въ Москву, присталъ на Сухареву башню обучаться ариметикѣ, которой науки показалось ему мало, то пришелъ онъ къ тогдашнему московскому архіерею, объявивъ себя поповскимъ сыномъ, просилъ о принятіи себя въ Заиконоспасское училище для обученія славяно-греко-латинскихъ наукъ, куда былъ и принятъ и имѣлъ въ обученіи хорошій успѣхъ; носилъ тогда платье сермяжнаго сукна черкаскаго покрою, а между прочимъ въ томъ монастырѣ отправлялъ пономарскую должность. Во время бытности его въ Москвѣ каждый годъ пріѣзжалъ для торговыхъ надобностей сосѣдъ его Куростровецъ Фѣдоръ Пятухинъ и будучи по знакомству посѣщалъ его и временно, по недостатку и снабждалъ деньгами, конихъ и задавалъ ему до семи рублей, а получили отъ него при отѣздѣ его за морѣ, въ Санктпетербургѣ, которому Пятухину онъ о' состояніи своемъ и гдѣ какъ находился самолично разказывалъ.... За просрочку даннаго ему Михайлу Васильевичу 1730 года ** паспорта и не явившагося на срокъ, приказомъ тогдашняго ревизора Лермантова показанъ онъ въ бѣгахъ, того ради изъ подушнаго оклада и

* Извѣстіе сообщенное Озерецковскому Гурьевымъ, земскимъ въ Куростровской волости „чѣловѣкомъ разумнымъ и престарелымъ“.

** Отсюда слѣдуетъ что Ломоносовъ оставилъ родину на двадцатомъ, а не на семнадцатомъ году, какъ пишетъ Штелинь. Это согласно и съ показаніемъ самого Ломоносова.

выключенъ. А платежъ подушныхъ денегъ за душу Михайла Ломоносова происходилъ по смерти отца его со второй 1741 до второй же 1747 года, половиною изъ мірской общей той Буростровской волости отъ крестьянъ сумы“.

II.

Кіевская Академія и находившіяся съ ней въ ближайшей связи, пріютившія Ломоносова Спасскія Школы (Славяно-Греко-Россійская Академія) были въ ту эпоху, единственными расадниками высшаго образованія въ Россіи, изъ которыхъ выходили не только служители церкви, но и образованные свѣтскіе люди. Потребность въ школахъ давно чувствовалась въ Московскомъ государствѣ. Когда въ 1680 году Газскій митрополитъ Паисій Лигаритъ посѣтилъ Москву и ознакомился съ расколомъ, плодомъ невѣжества, онъ говорилъ: „Искалъ я корня сего духовнаго недуга, поразившаго нынѣ христіанское царство русское и старался открыть откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу, и наконецъ придумалъ и нашелъ что все зло произошло отъ двухъ причинъ: оттого что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я бы отвѣчалъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и въ-третьихъ училища.“ Но не скорошло осуществленіе благого дѣла, и мысль о заведеніи въ Москвѣ школъ долго оставалась въ формѣ предположенія. Рѣшено было ввѣзвать учителей изъ Грецїи; царь Федоръ Алексѣевичъ въ 1682 году подписалъ грамоту объ учрежденіи въ Москвѣ Академіи, которую наименовалъ Славяно-Греко-Россійскою, но умеръ въ томъ же году, не успѣвъ привести проектъ въ исполненіе. Дѣятельность Академіи началась со времени прибытія въ Москву въ 1685 году ученыхъ Грековъ, братьевъ Лихудъ. Академія помѣщалась при Заиконоспасскомъ монастырѣ, откуда и названіе Спасскія школы, встрѣчающееся у Ломоносова. Преобразование Академіи свершенное въ 1701 году Петромъ внесло новую жизнь въ учрежденіе. Великій преобразователь, прорубая на

сѣверѣ одно въ Европу, въ то же время желалъ связать Москву съ древнимъ Кіевомъ, гдѣ уже съ восьмидесятихъ годовъ XVI вѣка существовало высшее училище, главный центръ русскаго просвѣщенія, наименованное указомъ Петра отъ 26 сентября 1701 года Кіевскою Академіею. Петръ говорилъ патріарху Адріану: * „Ставятся у насъ священники маго-грамотные, святыхъ таинствъ неразумѣющіе. Надобно бы ихъ учить, чтобъ они могли вразумлять православный народъ и просвѣщать иновѣрцевъ, не вѣдущихъ Господа: для того хотя бы въ Кіевъ послать нѣсколько десятковъ въ тамошнія школы для обученія. Есть у насъ своя школа, да мало въ ней пользы. Надо бы поручить ее человѣку знатному съ именемъ, и вѣсомъ!“ Такимъ человѣкомъ Петръ выбралъ въ 1701 году присланнаго по одному дѣлу Кіевскимъ митрополитомъ игумена Стефана Яворскаго, сказавшаго въ присутствіи государя надгробное слово надъ Шеннымъ. Преобразованная Московская Академія устроилась по образцу Кіевской. Изъ Кіева были вызваны наставники; латинскій языкъ получилъ преобладающее значеніе въ преподаваніи (прежде это значеніе принадлежало языку греческому); новые наставники привезли даже подготовленныхъ учениковъ изъ Кіева **. „Ученіе доброе и основательное, писалъ Петръ въ Дуковномъ регламентѣ, есть корень, сѣмя и основаніе всякой пользы какъ для отечества такъ и для церкви.“ Онъ дозволилъ потому чтобъ „и градокіе лучшіе приказные люди и дворяне отдавали дѣтей въ Академію.“ Такъ продолжалось и послѣ Петра. „При императрицѣ Аннѣ ***, Академія наполнилась недорослями изъ многихъ знатныхъ фамилій: въ 1736 году, по опредѣленію сената, поступило въ Академію въ одинъ разъ 158 дворянскихъ дѣтей, между которыми были князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе и друг.“ Вмѣстѣ

* Устрялова, *Исторія Петра Великаго*, т. III, 511.

** Смирнова, *Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи*, стр. 81. Москва, 1855 г.

*** Тамъ же, стр. 107.

съ дѣтьми знатныхъ фамилій обучались дѣти священнослужителей и лицъ всякихъ сословій. Такимъ образомъ Академія имѣла почти то же значеніе какое потомъ получили университеты.

Относительно пребыванія Ломоносова въ Спасской школѣ, имѣемъ два его собственныхъ показанія. Въ коротенькой автобіографической запискѣ представленной имъ, въ началѣ 1754 года, въ канцелярію Академіи Наукъ онъ пишетъ: „Въ Московскихъ Спасскихъ школахъ записался 1731 года января 15 числа. Жалованья въ шести нижнихъ школахъ по 3 копѣйки на день, а въ седьмой 4 копѣйки на день“. „Обучаясь, говоритъ онъ въ письмѣ къ Шувалову отъ 10 мая 1753 года, въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ то довольство, по тамошнему состоянію, которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхищать. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстомъ указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться.“

„Въ монастырѣ, повторяетъ за Штелинымъ академическая біографія, обучался Ломоносовъ съ великою охотою и оказалъ примѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугодя перевели его изъ нижняго класса во второй, въ томъ же году изъ втораго въ третій классъ. Черезъ годъ послѣ того столько сталъ онъ силенъ въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинить небольшіе стихи. Тогда началъ учиться

по-гречески, а въ свободные часы, вмѣсто того что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ монастырской библіотекѣ. Находимыя въ оной книги утвердили его въ языкѣ славянскомъ. Тамъ же сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцовъ и другихъ богословскихъ книгъ, попалось въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ." Сохранились стихи (доставленные въ 1788 году Озерецковскому г. Кочневымъ) написанные Ломоносовымъ въ школѣ „за учиненный имъ школьный проступокъ. Calculus dictus“:

Услышали мухи	Попали въ напасти;
Медовые духи,	Увязли бо ноги:
Прилѣтѣвши съли,	Ахъ, плачутъ убоги,
Въ радости заплѣли,	Меду полизали,
Егда стали ясти,	А сами пропали.

Учитель надписалъ: pulchre.

Объ начальникахъ и наставникахъ Ломоносова въ академической біографіи сказано: „Вступленіе его въ Законостасское училище было при ректорѣ архимандритѣ Германѣ Копцевичѣ и префектѣ Софроніи Мегалевичѣ; за латинскую азбуку посадилъ его іеромонахъ Модестъ Ипполитовичъ. Въ 1730 году переведенъ въ латинскій грамматическій классъ іеромонаха Германа Канашевича; ... синтаксъ преподавалъ ему бѣлецъ Тарасій Посниковъ; ... въ латинской и российской поэзіи наставлялъ іеромонахъ Теофилактъ Квѣтницкій; ... слушалъ риторику у іеромонаха Порфірія Крайскаго, который послѣ того заступилъ мѣсто ректора сего училища.“

„Къ счастію Ломоносова, замѣчаетъ академикъ Гротъ (въ рѣчи, произнесенной на академическомъ празднованіи юбілея Ломоносова 6-го апрѣля 1865 г.), классическое ученіе Спасскихъ школъ поставило его на твердую почву европейской цивилизаціи: оно положило свою печать на всю его умственную дѣятельность, отразилось на его ясномъ и правильномъ мышленіи, на оконченности всѣхъ трудовъ его.“

Изъ класса философія, какъ свидѣтельствуетъ Штелинъ (а за нимъ и академическій біографъ), Ломоносовъ не вполнѣ

удовлетворенный въ своей жадѣ познанія, „просилъ начальство отослать его на годъ въ Кіевъ для изученія философій, физики и математики. Тамъ нашелъ онъ одни сухія бредни вмѣсто философій и совершенно не нашелъ матеріаловъ для физики и математики. А потому не остался и года въ этой академіи, гдѣ за недостаткомъ другихъ книгъ прилежно перечитывать лѣтописи и творенія святыхъ отцевъ.“

Въ 1735 году Ломоносовъ вновь находится въ Спасскомъ училищѣ. Въ свѣдѣніяхъ Озерецковскаго упоминается что когда онъ „обучился богословію, то требовались изъ ученыхъ нѣсколько человекъ въ Карелу въ священнической чинѣ. Въ томъ числѣ и онъ Ломоносовъ былъ назначенъ; однако онъ въ духовный чинъ не похотѣлъ.“ Этому разказу противурѣчить то обстоятельство что Ломоносовъ, не дойдя еще до богословскаго класса, былъ изъ философскаго вызванъ въ Академію Наукъ. Это случилось къ концу 1735 года. Въ это время пришелъ изъ Петербурга синодскій указъ о высылкѣ въ Академію Наукъ изъ Спасскаго училища двадцати учениковъ. Въ указѣ (*Полное Собраніе Законовъ*, т. IX, № 6816) было сказано: „Понеже въ нынѣшнемъ 1735 году Академія Наукъ требовала чтобы при оной учредить семинарію изъ тридцати человекъ шляхетныхъ юношей, дабы оные со временемъ государству полезныя услуги показывать могли; а на содержаніе и воспитаніе ихъ опредѣлить сумму 4398 рублей 25 коп., и по тому доношенію поданъ о томъ Ея Императорскому Величеству докладъ, на который еще оказу не получено; а нынѣ та Академія въ Сенатѣ требуетъ чтобъ между тѣмъ изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ двадцать человекъ чрезъ назначенныхъ къ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ нынѣшняго времени у профессоровъ лекціи слушать и въ нынѣшнихъ наукахъ съ пользою происходить могли; а на содержаніе-де ихъ, также на книги и платѣ меньше изойти не можетъ 150 рублей на каждаго въ годъ, въ началѣ притомъ потребны книги, о которыхъ книжная лавна на всякій годъ въ Сенатѣ счетъ подавать будетъ. Того ради Правительствующій Сенатъ при-

казали: по тому Академіи Наукъ доношенію изъ учениковъ, кои въ Москвѣ въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ двадцать человѣкъ и во свидѣтельствѣ ихъ наукамъ подписаться ректору и учителямъ, и выслать въ С.-Петербургъ въ Академію Наукъ, давъ имъ ямскія подводы и на нихъ прогонныя деньги и въ дорогу имъ на кормъ по разсмотрѣнію.“ Ректоръ Калиновскій избралъ двѣнадцать человѣкъ, отозвавшись что больше нельзя выбрать „по причинѣ малочисленности учениковъ и по малоспособности“ *. Въ числѣ высланныхъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ можно упомянуть Виноградова (товарища Ломоносова по заграничному путешествію) и Никиту Попова, впоследствии перваго русскаго астронома **.

---

* Смирновъ, стр. 238.

** Имя Никиты Попова, перваго русскаго астронома получившаго притомъ свое ученое образованіе исключительно въ Россіи, при Академіи Наукъ, не должно быть забыто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ представленной имъ въ Академію вѣдомости въ февралѣ 1854 года онъ сообщаетъ о себѣ слѣдующія автобіографическія свѣдѣнія (подобныя вѣдомости, одновременно съ Поповымъ, представили о себѣ Тредіаконскій, Ломоносовъ и Крашенинниковъ): „Въ исходѣ прошлаго 1735 году взятъ я нижеписанной изъ Москвы, изъ Спасской школы по сенатскому указу въ Санктпетербургскую Императорскую Академію Наукъ ученикомъ для обученія наукамъ, 15-ти лѣтъ отроду, и обучался до 1738 году въ гимназіи той Академіи ученикомъ же, и былъ содержанъ во всемъ на государевомъ коштѣ; въ 1738 году по учиненному въ той гимназіи экзамену произведенъ я былъ съ прочими моими товарищами по указу канцеляріи Академіи Наукъ въ студенты, и будучи въ ономъ чинѣ сверхъ квартиры и мундиру Государева по силѣ того же указа получалъ кормовыхъ денегъ на мѣсяцъ по три рубли; въ исходѣ 1740 году по учиненному въ собраніи Академіи Наукъ экзамену и по указу бывшаго тогда высокаго кабинету пожалованъ изъ студентовъ въ переводчики съ жалованьемъ по 120 рублевъ на годъ. Въ 1748 году по данному отъ меня спецімену объ астрономической наукѣ, которой по свидѣтельству въ Академіи Наукъ апробованъ, а по указу канцеляріи Академіи Наукъ пожалованъ я адъюнктомъ астрономіи съ жалованьемъ противъ прочихъ адъюнктовъ по 360 рублевъ на годъ. А въ 1751 году по удостоенію собранія академическаго за науку мою, которая изъ спеціменовъ моихъ усмотрѣна, по указу канцеляріи же Академіи Наукъ пожалованъ я дѣйствительнымъ профессоромъ астрономіи съ жалованьемъ противъ прочихъ младшихъ профессоровъ по 660

III.

Вызовъ въ Петербургъ одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Ломоносова. Оно рѣшило его дальнѣйшую судьбу и открывъ путь къ наукѣ первому русскому ученому, послужило къ оправданію великаго замысла преобразователя, смѣло воздвигнушаго въ странѣ едва пробужденной къ умственной жизни высшее ученое учрежденіе. Спасскому училищу и Петербург-

рублевъ въ годъ, и даннымъ мнѣ отъ Его Высочайшаго Сіятельства Академіи Наукъ господина президента Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго дипломомъ учиненъ я тогда же дѣйствительнымъ членомъ собранія академическаго, въ которомъ чинъ я понынѣ обрѣтаюсь имѣя отъ роду 34-той годъ. Дѣтей у меня мужеска полу одинъ которому отъ роду шестой годъ, на смотрѣхъ за малолѣтствомъ нигдѣ не явленъ, и нигдѣ еще не въ службѣ, а обучается дома русской грамотѣ читать. Крестьянъ за мною ни людей никакихъ крѣпостныхъ нѣту.“ Г. Пекарскій на стр. 33 своего „Отчета о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи Наукъ“ помѣщеннаго въ *Запискахъ Академіи* т. VII², 1865 г. говоритъ: „Первый трудъ Попова *Methodus observandi eclipses luminarium* напечатанъ въ „*Novi Commentarii Academiæ Petropolitanae*,“ т. II, 413. О немъ Эйлеръ писалъ къ Шумахеру 19 апрѣля 1749 г.: „Статью г. Попова я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ и удивлялся очень его даровитости, такъ какъ изъ нея видно что ему не только совершенно извѣстны всѣ способы наблюденія затмѣній, и онъ ясно понимаетъ недостатки ихъ, но что онъ чрезвычайно свѣдущъ въ астрономіи. Въ особенности предложенный имъ методъ не только новъ и весьма счастливо задуманъ, но и будетъ безъ сомнѣнія одобренъ величайшими изъ астрономовъ и гораздо лучше тѣхъ, которые доселѣ употреблялись. Я замѣтилъ только нѣкоторыя мелочи, которыя, впрочемъ, не вредятъ сущности.“ Лейпцигскій астрономъ Гейнзій, 10 сентября 1749 г., писалъ къ Шумахеру: „въ приложеніи имѣю честь сообщить желанный отвѣтъ на сочиненіе г. Попова. То что отвѣчалъ онъ на выраженные мною сомнѣнія имѣетъ свои основанія, и теперь я съ нимъ объ этомъ предметъ одного мнѣнія. Но будетъ ли довольно точно оправдываться его теорія въ различныхъ случаяхъ на практикѣ, въ томъ я вѣрнѣе сомнѣваюсь, о чемъ уже и упоминалъ. Между тѣмъ его способъ очень хорошо задуманъ, и меня радуешь что г. Поповъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ астрономіи, и Академія можетъ ожидать отъ него всего хорошаго. Было бы желательно, чтобъ у него не было во многихъ мѣстахъ растянутости и часто темноты, но это сгладится при дальнѣйшемъ упражненіи.“

ской Академіи Наукъ обязана Россія тѣмъ что можетъ въ своемъ Ломоносовѣ привѣтствовать европейскаго ученаго.

Сношенія и бесѣды съ Лейбницемъ *, а затѣмъ посѣщеніе въ 1717 году Парижской Академіи Наукъ, которая произвела на Петра самое благопріятное впечатлѣніе, побудившее его вступить въ ряды ея дѣйствительныхъ членовъ, породили въ великомъ государѣ мысль основать въ обновленной Россіи самостоятельный центръ научной жизни, пригласивъ представителей европейской науки, „самолучшихъ ученыхъ людей,“ вступить въ члены „Петербургской Академіи Наукъ“ и послужить дѣлу насажденія науки въ странѣ, могущественно поднявшейся на горизонтѣ Европы. Какіе планы имѣлъ Петръ, за-

---

* Еще въ 1697 году, когда русское посольство, съ царемъ, проѣзжало чрезъ ганноверскія владѣнія и слухи о великихъ намѣреніяхъ Петра преобразовать Россію достигли Лейбница, онъ составилъ записку въ которой изложилъ свои мысли относительно средствъ исполнить великій замыселъ. „Я намѣренъ, пишетъ онъ, говорить теперь только о томъ что можетъ послужить этому намѣренію, оставляя въ сторонѣ то что относится къ устройству государства, къ войнѣ, къ торговлѣ и къ мореплаванію, хотя на самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть такъ важно въ этомъ отношеніи, какъ науки и искусства. Для того чтобы перенести ихъ и въ Россію сообразно съ намѣреніемъ царя, было бы полезно предоставить заботу объ этомъ извѣстнымъ лицамъ и поручить имъ составить общій проектъ, который имѣлъ бы слѣдующія два основанія: привлечь въ Россію все что ни есть лучшаго у иностранцевъ какъ относительно умныхъ и свѣдущихъ людей, такъ и относительно вещей рѣдкихъ и полезныхъ; вторыхъ, совершенствовать у себя въ отечествѣ людей, страну и все что съ этимъ въ связи. Людей можно развивать, заставляя ихъ путешествовать и обучая ихъ дома. Страну же можно совершенствовать, точно изучая все что въ ней есть и чего нѣтъ, и стараясь дополнить то чего ей недостаетъ. Итакъ, вотъ нѣсколько статей, которыя заключаютъ въ себя все что необходимо сдѣлать: 1) основать центральное учрежденіе для наукъ и художествъ; 2) привлечь способныхъ иностранцевъ; 3) выписать изъ за границы такія вещи, которыя стоятъ этого; 4) посылать подданныхъ путешествовать принявъ надлежащія предосторожности; 5) просвѣщать народъ у себя; 6) составить точное описаніе страны, чтобы узнать ея нужды и 7) доставить ей то, чего ей не достаетъ“. (*Журн. Мин. Нар. Просв.*) 1870, январь, статья г. Герье „Отношенія Лейбница къ Петру Великому.“

думывая учреждение которому хотѣлъ главнымъ образомъ ввѣрить дѣло просвѣщенія въ Россіи, лучше всего видно изъ проекта новаго' учрежденія составленнаго царскимъ лейбъ-медикомъ Блюментростомъ, по прямымъ указаніямъ Петра. Послѣ указанія что для размноженія художествъ и наукъ „употребляются обыкновенно два образа зданія“: университеты и академіи наукъ, въ проектѣ говорится что въ Россіи оба эти учрежденія должны быть соединены, и необходимо „такое зданіе учинить, чрезъ которое бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и распложеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была. При заведеніи простой академіи наукъ обои намѣренія не исполнятся, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся, однакожь-де оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета меньше того, ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназій и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы младые люди началамъ обучаться и потомъ выше градусовъ наукъ воспріять и угодными себя учинить могли, то невозможно дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ. Итакъ потребнѣе всего чтобъ здѣсь таковое собраніе заведено было еже ли бы изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло, которые довольны суть: 1) науки производить и совершить, однакожь-де тако чтобы они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей (ежели которые изъ оныхъ угодны будутъ) публично обучали, и чтобъ они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы молодыхъ людей первымъ фундаментамъ (основательствамъ) всѣхъ наукъ паки обучать могли.“ Такимъ образомъ Академія должна была соединить въ себѣ: академію наукъ, университетъ и гимназію. „Но чтобы сіе зданіе непремѣнно и полезно было, то имѣть оно токмо подъ вѣдѣніемъ императора, яко протектора своего, быть и само себя править, еже учиняется когда изъ оныхъ или непремѣнный президентъ или попеременно одинъ по другому каждый годъ или полгода выбирается.“ Кромѣ того предполагалась должность кураторовъ, которые бы „на оную (ака-

демію) смотрѣли, о благосостоятельствѣ ихъ (академиковъ) и надобномъ приуготовленіи старались, нужду ихъ императору при всѣхъ оказіяхъ предлагали и доходы въ своемъ вѣдѣніи имѣли.“ Мотивировалось это тѣмъ что „ученые люди, которые о произведеніи наукъ стараются, обыкновенно мало думаютъ на собственное свое содержаніе“.

Въ послѣдній годъ своей жизни Петръ дѣятельно приступилъ къ исполненію плана объ Академіи. По его порученію были приглашены въ новое учрежденіе многіе замѣчательные ученые въ Германіи, Франціи, Италіи и уже подписали контракты. Но просвѣтителю Россіи не было суждено увидѣть осуществленіе задуманнаго имъ предпріятія. Въ январѣ 1725 онъ скончался, взявъ съ Екатерины, какъ говоритъ преданіе, слово исполнить въ точности его предначертанія объ Академіи. 15-го августа 1725 года императрица уже принимала на аудіенціи въ Лѣтнемъ Саду, разведенномъ и украшенномъ Петромъ, двухъ первыхъ прибывшихъ академиковъ, Германа (изъ Франкфурта-на-Одерѣ, по высшей математикѣ) и Бюльфингера (изъ Тюбингена, для логики, метафизики и нравственной философіи), изъ числа, по выраженію Ломоносова, „Петромъ Великимъ выписанныхъ славныхъ людей.“ Императрицу окружали цесаревны Анна Петровна и Елизавета Петровна, герцогъ Голштинскій, Меншиковъ, поручившій наставленіямъ прибывшихъ ученыхъ своего сына, и многіе сановники. „Оба прибывшіе академика принадлежали * къ числу ученыхъ знаменитостей своего времени и при открытіи Академіи одни имена ихъ могли доставить ей почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Германъ считался однимъ изъ первыхъ математиковъ: Фридрихъ-Вильгельмъ I, отецъ Фридриха Великаго, при всемъ своемъ нерасположеніи къ наукамъ, съ трудомъ однако согласился отпустить его и то лишь изъ угожденія къ другу своему, Петру Великому. Тюбингенскій профессоръ Бюльфингеръ былъ изъ числа тѣхъ ученыхъ XVIII вѣка, которымъ Тюбингенскій университетъ обязанъ славою разсадника сильныхъ и творческихъ умовъ. Подобно другимъ тюбингенскимъ ученымъ вступившимъ въ нашу Академію, онъ обладалъ классическимъ

образованіемъ; природное остроуміе, благодаря воспитанію, достигло въ немъ блистательнаго развитія. И онъ, подобно Герману, былъ отпущенъ герцогомъ виртембергскимъ лишь въ уваженіе къ высокимъ цѣлямъ связаннымъ, по мысли Петра, съ нашею Академіею.“ Оба ученые прибыли исполненные горячаго желанія явиться проводниками европейской науки въ Россіи и содѣйствовать ея просвѣщенію. „Мы признаемъ, сказалъ Бюльфингеръ, всемілостивѣйшее воззваніе ваше за гласъ Божій, которому угодно было привести насъ въ эту страну служить безчисленному народу распространеніемъ и умноженіемъ наукъ.“ Затѣмъ прибыли Данииль и Николай Бернулли (послѣдній скоро умеръ), Бекенштейнъ, Делиль, Байеръ, Гольдбахъ и другіе. Новая Академія, на которую было ассигновано по 25000 рублей въ годъ, вступила въ дѣйствіе.

Не разъ высказывалось мнѣніе что учрежденіе Академіи Наукъ въ странѣ гдѣ почти не было еще училищъ было болѣе роскошью чѣмъ истинною потребностію. Дѣятельность Академіи и ея великое, доселѣ еще не довольно оцененное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія лучший отвѣтъ на этотъ близорукій взглядъ на одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ Петра, сознававшего что ученіе требуетъ учителей и ясно представлявшего себѣ какимъ великимъ орудіемъ насажденія науки можетъ быть корпусъ ученыхъ стоящихъ на высотахъ знанія. Не забудемъ что Академія, возникшая уже по смерти великаго начертателя ея плана, съ самаго начала была поставлена въ условія мало благоприятныя, отдана на волю случая, подъ управленіе президента (лейбъ-медика Блюментроста) по году отлучавшагося изъ Петербурга и „подъ команду“ * канцеляріи, которою завѣдывалъ библіотекаръ Шумахеръ, человѣкъ пронырливый, ловкій, умный, но не свѣдущій въ ученыхъ дѣлахъ и руководствовавшійся мелкими побужденіями личнаго интереса въ дѣлѣ требовавшемъ

---

* Академикъ Кунигъ въ статьѣ объ аудіенціи Германа и Бюльфингера въ *Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ*, 1853 г. Т. I, 337.

любви къ Россіи и возвышеннаго взгляда на цѣли просвѣщенія. Академія оставалась безъ устава; не было соблюденно главнаго положенія Петрова проекта что „Академія должна сама себя править и для того изъ профессоровъ выбирать президента неотмѣннаго или по-годно“; отпускавшаяся на Академію сумма тратилась безъ всякаго спроса профессоровъ, часто сидѣвшихъ безъ жалованья; при Академіи была цѣлая экспедиція художества и ремеслъ (изъ которой Петръ предполагалъ сдѣлать особое учрежденіе) съ малярами, шлифовщиками камней, рѣщиками печатей и т. д.; академическая гимназія и университетъ, особенно по отношенію къ правильному приему учениковъ, были совсѣмъ почти не организованы. Неустройство Академіи, на которое еще въ 1729 году указывали академики въ донесеніи на высочайшее имя, и притязанія Шумахера, прозваннаго, какъ свидѣтельствуеть Ломоносовъ, бичемъ профессоровъ (*flagellum professorum*) были причиною что славные ученые Германъ, Бернулли, Бюльфингеръ и другіе, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Академіи, не возобновили контрактовъ и уѣхали изъ Петербурга, чрезъ что, какъ замѣчаетъ Ломоносовъ, „Россія лишилась великой отъ нихъ чаемой пользы.“

Но несмотря на всѣ не благопріятныя условія, Академія въ короткое время успѣла многое сдѣлать на пользу русскаго просвѣщенія. Въ 1728 году изданъ на латинскомъ языкѣ первый томъ академическихъ *Комментаріевъ* (за 1726 годъ). Не мало трудностей надлежало побѣдить чтобы сдѣлать возможнымъ изданіе въ Петербургѣ, въ то время, ученыхъ мемуаровъ съ математическими выкладками, таблицами, чертежами, рисунками. Все было исполнено въ типографіи и мастерскихъ Академіи, благодаря которымъ сдѣлалось такимъ образомъ возможнымъ печатаніе ученыхъ сочиненій въ Россіи. Въ томъ же году изданъ былъ и русскій переводъ перваго тома *Комментаріевъ* подъ заглавіемъ *Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи Наукъ*. Предисловіе начинается словами: „доброхотному руссійскому читателю радоватися:

---

* Выраженіе Шлецера.

здѣ предлагается тебѣ книга въ ней же все то содержится, въ чемъ профессоры здѣшнія Академіи Наукъ потрудились 1726 года“. Эта книга лучше всего свидѣтельствуешь въ какомъ состояніи былъ русскій ученый языкъ въ эту до-Ломоносовскую эпоху и съ какими трудностями приходилось бороться переводчикамъ, придумывавшимъ термины и выраженія. Мемуаръ Бюльфингера „О силахъ присущихъ движущемуся тѣлу и ихъ измѣреніи“ (De viribus corpori motu insitis et illarum mensura) переведенъ „О силахъ тѣлу подвиженному въ данныхъ и о мѣрѣ ихъ“; мемуаръ Бернулли „Объ интеграціи дифференціальныхъ уравненій“, названъ: „О вѣлоприложеніяхъ равенія разнственнхъ“, и т. д. Книгу, пишетъ академикъ Миллеръ, никто не хотѣлъ похвалить; не умѣли понять что читали и свое неумѣніе называли темнотою изложенія и невѣрностію перевода. Вслѣдствіе того, изданіе не продолжалось.“ Вмѣстѣ съ изданіемъ первой, въ строгомъ смыслѣ, ученой книги, Академіи принадлежитъ (1728г.) изданіе перваго полнаго учебника математики (на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ, по мнѣнію г. Пекарскаго, Ададуровымъ): „*Сокращеніе математическое* для употребленія Его Величества Императора Всея Россіи“. Первая часть, содержащая ариметикѣ, геометрію и тригонометрію, и третья, заключающая въ себѣ фортификацію, написаны Германомъ; вторая, содержащая астрономію и географію, Делилемъ. Въ то же время изданъ курсъ древней исторіи Байера и курсъ геральдики Бекенштейна (оба по нѣмецки). Первая русская постоянная газета С.-Петербургскія Вѣдомости съ 1726 года издавалась Академіею (Петръ учредилъ изданіе русской газеты въ 1706 году, съ тѣхъ поръ она выходила по временамъ, безъ опредѣленныхъ сроковъ); первый русскій учено-литературный журналъ началъ Академіей подъ именемъ *Примѣчаній къ Вѣдомостямъ* и имѣлъ большой, по своему времени, успѣхъ. „Изданіе, говоритъ г. Пекарскій, прекратилось (въ 1742 году) по приказанію токаря и механика Нартова, который въ это время, за неимѣніемъ президента, получилъ въ свои руки управленіе Академіею, и между прочимъ готовъ былъ, по своимъ поняті-

ямъ, поставить за правило академикамъ—писать и печатать свой комментарий не на латинскомъ языкѣ, а на греческомъ!“ Календарь издавался также Академіею. На Академію, наконецъ, возлагались самыя разнообразныя порученія. „Такъ, говоритъ г. Пекарскій * „географическій департаментъ, кромѣ приготовленія ученыхъ и учебныхъ пособій, долженъ былъ иногда чертить карты для арміи. Въ Академіи же вскрывались трупы, находимые полиціею; тамъ составлялись планы иллюминацій, сочинялись для нихъ надписи и „вирши“ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на разные торжественные случаи. Академія должна была содѣйствовать устройству придворныхъ увеселеній, поддерживать ботаническій садъ, устраивать свои художественно-ремесленные мастерскія, смотрѣть за исполненіемъ поручаемыхъ имъ разнообразныхъ работъ и т. д.“

Всего труднѣе было исполнить Академіи указанное ей Петромъ учебное назначеніе. Академическій университетъ существовалъ болѣе по имени чѣмъ на дѣлѣ; ученики профессорамъ доставались случайно и большею частію дѣти иностранцевъ и Нѣмцевъ жившихъ въ Петербургѣ. Ничто не побуждало академиковъ, сверхъ ученыхъ занятій, брать на себя еще тяжелый педагогическій трудъ, а все скорѣе ихъ отъ того отклоняло. Въ первый годъ, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго донесенія Академіи, поданнаго въ 1727 году и поднесеннаго бібліотекаремъ Шумахеромъ, профессора усердно занялись преподаваніемъ, но не имѣли правильного состава слушателей. Въ исчисленіи нуждъ академическихъ первымъ параграфомъ поставленъ слѣдующій: „Понеже нынѣ во всѣхъ наукахъ присутствуютъ профессора для общей пользы народа, надобно всякому пять или шесть, а хотя и больше изъ русскихъ молодыхъ людей, въ латинскомъ языкѣ обученныхъ изъ московскихъ школъ или иныхъ мѣстъ что бы той науки могли приучиться, въ которой онъ будетъ обращаться. И такъ лѣтъ въ шесть или восемь произошли бы ученые, которые полезныя службы отечеству отправлять могутъ. И на содержа-

---

* Уч. Зап. Академіи, 1853 г. т. I. стр. XXVIII.

ніе оныхъ надобна особлива сумма“. Но никто не позаботился дать какую-нибудь правильную организацію академическому университету; дѣло обученія заглохло, и по свидѣтельству Ломоносова, „съ 1733 года по 1738 *никакихъ лекцій* въ Академіи не преподавали россійскому юношеству“. Преподаваніе въ академической гимназіи шло сравнительно успѣшнѣе; съ 1726 по 1731 годъ было 342 ученика. Въ оправданіе свое профессора въ 1732 году доложили Сенату что „всякій трудъ приложили тѣхъ которые отчасти имъ въ обученіе отданы, отчасти же которые и сами къ нимъ въ обученіе дались, радѣтельно обучать“, но что „оныхъ учениковъ числомъ зѣло мало бывало, того ради и не такая польза принесена какова быть могла бѣ, однако жъ по такому малому числу явно что не профессорская въ томъ вина“. О гимназіи отзывались: „о гимназіи оные профессора ничего показать не могутъ, для того что она не подъ ихъ дирекціею состоитъ, но и особливаго надсмотрителя имѣеть, который о томъ обстоятельный рапортъ президенту отъ Академіи подалъ.“*

Дважды, впрочемъ, вызывались въ Академію студенты изъ Москвы. Въ первый разъ въ 1732 году „взяты были, говорить Ломоносовъ“, изъ московскихъ Законоспасскихъ школъ двѣнадцать человѣкъ школьниковъ въ Академію Наукъ, между коими находился бывшій ~~дослѣ~~ профессоръ натуральной исторіи Крашенинниковъ.... Оныхъ половина взяты съ профессорами въ Камчатскую экспедицію, изъ коихъ одинъ удался Крашенинниковъ, а прочіе отъ худаго присмотра всѣ испортились. Оставшаяся въ Петербургѣ половина, бывъ нѣсколько времени безъ призрѣнія и ученія, распредѣлены въ подъячіе и къ ремесленнымъ дѣламъ.“

Въ 1735 году, по требованію Академіи, состоялся новый вызовъ, о которомъ мы говорили выше. Между присланными въ этотъ разъ школьниками былъ и Ломоносовъ.

---

* Уч. Зап., т. III, 566.

** Биларскій *Матеріалы для біографіи Ломоносова*, 1865. стр. 052.

IV.

Двѣнадцать московскихъ школьниковъ „пріѣхали, говорить Ломоносовъ, * въ Санктпетербургъ всѣ вмѣстѣ 1 января 1735 года и содержаны былъ сперва на довольной пищи“ у родственника Шумахера Фельтинга. Едва прошли два мѣсяца какъ въ судьбѣ двухъ изъ нихъ, Ломоносова и Виноградова, произошелъ переворотъ. 19 марта имъ объявлено „что они отправляются по именному указу въ Германію для обученія натуральной исторіи.“ Распоряженіе это состоялось по слѣдующему случаю. Президентъ Академіи, баронъ Корфъ, обратился къ извѣстному Фрейбергскому ученому, горному совѣтнику Генкелю, съ просьбою рекомендовать въ русскую службу „въ горномъ дѣлѣ свѣдущаго химика“. Затрудняясь выборомъ, Генкель сдѣлалъ предложеніе „не благоугодно ли будетъ ея величеству назначить извѣстную сумму для посылки на горные заводы нѣсколькихъ человекъ изъ подданныхъ ея величества, которымъ повелѣно было бы избрать для своего пребыванія такое мѣсто, гдѣ, по мнѣнію ея величества, лица эти, сверхъ обыкновеннаго пробирнаго и маркшейдерскаго искусства, рудокопнаго и плавильнаго дѣла, могли бы вполне изучить и металлургію или минеральную химію, какъ практически, такъ и теоретически“. Для обученія посланныхъ, Генкель предлагалъ свои услуги. Баронъ Корфъ одобрилъ предположеніе Генкеля и распорядился выбрать молодыхъ людей изъ студентовъ Академіи. Выборъ палъ на Густава Райзера, родившагося въ Москвѣ, сына совѣтника бергъ-коллегіи, Дмитрія Виноградова, поповича изъ Суздаля, и Михаила Ломоносова. Въ докладѣ Корфа въ кабинетъ министровъ упоминается что „хотя Дмитрій Виноградовъ съ Михайломъ Ломоносовымъ нѣмецкаго языка и не знаютъ, однако еще въ бытность свою здѣсь чрезъ три мѣсяца столько научиться могутъ, сколько имъ надобно“. Состоялось высочайшее повелѣніе, и въ дѣлахъ Академіи за-

---

* Тамъ же, стр. 053.

писано слѣдующее распоряженіе: * „Государыня Императрица, по всеподаннѣйшемъ Ея Величеству докладѣ, указомъ изъ Высокаго Кабинета отъ 13 марта сего года Всемилоостивѣйше повелѣтъ соизволила: трехъ предложенныхъ студентовъ, Райзера, Виноградова и Ломоносова, для изученія металлургіи и другихъ физическихъ наукъ отправить въ Фрейбергъ къ бергфизику Генкелю, а на путевыя издержки и содержаніе ихъ назначить въ годъ 1200 рублей, изъ которыхъ впрочемъ выдавать имъ лишь столько, сколько дѣйствительно окажется нужнымъ, остальное же оставить въ запасъ и хранить счетомъ. Но такъ какъ изъ полученныхъ нынѣ отъ бергфизика Генкеля писемъ отъ 7-го и 17-го мая сего года оказывается что сумма требуемая имъ на дальнѣйшее обученіе и содержаніе означенныхъ студентовъ, далеко превышаетъ сумму Всемилоостивѣйше назначенную на это Ея Императорскимъ Величествомъ, то постановлено: упомянутыхъ трехъ учениковъ отправить сперва въ Марбургъ, въ Гессенъ, съ тѣмъ чтобы они тамъ усвоили себѣ начальныя основанія металлургіи, химіи и прочихъ относящихся сюда наукъ, къ изученію которыхъ здѣсь не представляется случая. Они обязаны продолжать свои занятія подъ руководствомъ профессора Вольфа, къ которому объ этомъ имѣетъ быть написано особо, и, согласно инструкціи которую получаютъ, должны повести эти занятія и устроить свой образъ жизни такъ, чтобы по прошествіи двухъ лѣтъ, въ видахъ достиженія предположенной Ея Величествомъ цѣли, могли еще практически изучить дѣло во Фрейбергѣ и другихъ горныхъ мѣстахъ, въ Голландіи, Англіи, Франціи и т. д. Каждому изъ нихъ назначается въ годъ по 300 рублей, изъ которыхъ они должны не только содержать себя, но и покрыть издержки на проѣздъ въ Марбургъ и всѣ другіе необходимыя расходы. Остальные 300 рублей остаются въ запасъ, съ тѣмъ чтобы изъ нихъ могли быть уплачены могущіе встрѣтиться экстренные расходы и путевыя издерж-

---

* Сборникъ ак. Куняка, ч. II, 242.

ки въ случаѣ дальнѣйшей поѣздки въ Голландію, Англію и Францію.“ Деньги изъ кабинета были отпущены 15 іюня; чрезъ мѣсяцъ Ломоносову выдано 300 рублей векселями, въ августѣ онъ получилъ паспортъ и инструкцію и въ сентябрѣ двинулся въ путь вмѣстѣ съ товарищами *. „Мы 8 сентября, писалъ Райзеръ изъ Любека къ барону Корфу, сѣли на корабль, но вслѣдствіе сильной бури вернулись опять черезъ два дня и затѣмъ лишь 19 сентября отправились въ Кронштадтъ, оттуда 23 поѣхали дальше и 29 прошли мимо Ревеля. 4 октября мы миновали Готландъ, а 16 прибыли наконецъ въ Травемюнде. Съ соизволенія вашего превосходительства мы располагаемъ пробить здѣсь въ Любекѣ нѣсколько дней, а потомъ немедленно продолжать нашъ путь“. О плаваніи изъ Кронштадта до Травемюнде Ломоносовъ ** замѣчаетъ: „будучи четыре недѣли на морѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ едва не потонули“. Изъ Любека молодые люди на почтовыхъ отправились въ Гамбургъ, а оттуда чрезъ Ніенбургъ, Минденъ, Ринтельнъ и Кассель, 3 ноября по старому стилю, благополучно пріѣхали въ Марбургъ и явились къ Вольфу. Какъ видно изъ общаго рапорта студентовъ посланнаго въ Академію въ іюнѣ 1737 г., первыя лекціи которыя они слушали были лекціи химіи профессора Дуйзинга и механики самаго Вольфа. Кромѣ того Ломоносовъ и Виноградовъ „до апрѣля мѣсяца брали уроки нѣмецкаго языка, ариѳметики, геометріи, тригонометріи“, а съ мая начали учиться французскому языку и рисованію. Брали также уроки фехтованія и танцованія. Въ сентябрѣ Вольфъ писалъ къ барону Корфу что Ломоносовъ и Виноградовъ „начинають уже говорить по нѣмецки и довольно хорошо понимаютъ то о чемъ говорится“. Въ томъ же

---

* Послѣ скуднаго содержанія Спасскаго училища новое жалованье должны было казаться Ломоносову весьма значительнымъ. „Посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ“, говоритъ онъ въ послѣдствіи Шувалову въ письмѣ отъ 10 мая 1753 года.

** Въ *Исторіи Академической Канцеляріи*. Билярскій, 053.

мѣсяцѣ Ломоносовъ могъ написать нѣмецкое письмо къ барону Корфу.

Пользуясь свободой студенческой жизни, незнакомые съ бережливостью, молодые люди жили весьма не хозяйственно, тратили деньги не по средствамъ и, приобрѣтая кредитъ, впади въ значительные долги. Объ этомъ Вольфъ не однократно писалъ къ барону Корфу и Шумахеру. „Не мѣшало бы, совѣтовалъ онъ въ письмѣ къ Шумахеру отъ 30 марта 1738 г., напоминать господамъ русскимъ студентамъ быть побережливѣе, съ тѣмъ чтобъ при отъѣздѣ не оказалось долговъ, которые замедлили бы его. Лучше всего, впрочемъ, устроить это такъ какъ будто Академія дѣлаетъ имъ увѣщанія по своему собственному побужденію“. О занятіяхъ и способностяхъ Ломоносова онъ постоянно отзывался съ похвалой. „У г. Ломоносова, пишетъ онъ 17 августа 1738 г. къ барону Корфу, повидимому, самая свѣтлая голова между ними; при хорошемъ прилежаніи онъ могъ бы уже научиться многому, выказывая большую охоту и желаніе учиться (und sollte er schon was rechtes lernen, wenn gehöriger Fleiss dazu nemmet, wie er denn auch dazu grosse Lust und Begierde bezeuget)“. Въ письмѣ отъ 13 января 1739 г. читаемъ: „Студентамъ, которые уже давно безъ денегъ, я выдавалъ отъ себя еженедѣльно впередъ по талеру съ тѣмъ чтобы уберечь ихъ отъ новыхъ долговъ... Лучше всего, конечно, будетъ если они оставятъ университетъ и поступятъ къ химику, потому что у него они не будутъ имѣть той свободы которой ихъ въ университетѣ никакъ нельзя лишить. Въ нѣмецкомъ языкѣ, они уже на столько успѣли что не только понимаютъ все о чемъ говорится, но и сами могутъ объясняться по-нѣмецки. Во французскомъ же языкѣ они по всей вѣроятности недалеко ушли впередъ, потому что преподаватель этого языка не хотѣлъ ихъ учить безъ платы, а сами они не сочли нужнымъ беречь на это деньги. Болѣе всего я еще полагаюсь на успѣхи г. Ломоносова: онъ повидимому и раскаивается въ сдѣланныхъ долгахъ“. А долговъ было не мало, — именно 1619 рейхсталеровъ, изъ которыхъ 411 приходится на долю Рейзера, 593 на долю Ло-

моносова и 614 Виноградова. Изъ академіи былъ присланъ студентамъ строгій выговоръ и рѣшеніе (мартъ, 1737), „чтобъ они къ отъѣзду изъ Марбурха готовились и около Троицы-на дня въ нынѣшнемъ лѣтѣ въ саксонскую землю въ Фрейбургъ для изученія металлургіи ѣхали“. Потребныя деньги переведены были на имя Вольфа; студентамъ предписано: „дабы они въ обученіи и въ поступкахъ добрыхъ себя оказывали и довольствовались опредѣленными, а не чрезвычайными расходами; а за показанныя ихъ роскоши и невоздержное житіе въ число полного трехъ сотъ рублей съ сего времени опредѣлить имъ половинное жалованье постопятидесять рублей въ годъ дабы воздержнѣе въ житіи поступали, да и тѣ деньги не имъ самимъ вручать, но отдавать господину бергъ-физику Генкелю, дабы онъ изъ сей суммы за ихъ квартиру, дрова и свѣчи и на другіе необходимыя для нихъ расходы держалъ, а за науку ихъ будетъ Академія Наукъ особливо платить“. Самимъ же студентамъ „на карманныя деньги и мелочныя расходы, какъ-то на письменныя матеріалы, пудру, мыло и т. п. выдавать каждому не болѣе 1 талера въ мѣсяцъ“. При отъѣздѣ студентовъ изъ Марбурга, Вольфъ далъ Ломоносову (о которомъ въ письмѣ къ барону Корфу отъ 1 августа 1739 г. писалъ: „не могу не сказать, что въ особенности Ломоносовъ сдѣлалъ успѣхъ и въ наукахъ“) слѣдующее свидѣтельство:

„Молодой человѣкъ съ прекрасными способностями Михаилъ Ломоносовъ со времени своего прибытія въ Марбургъ прилежно посѣщалъ мои лекціи математики и философіи, а преимущественно физики и съ особенною любовью старался приобрѣтать основательныя познанія. Нисколько не сомнѣваюсь что если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то онъ со временемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству, чего отъ души и желаю. Давно въ Марбургѣ Каттійскомъ, іюля 20 дня 1739 года.

(М. П.)

Христіанъ Вольфъ,
проректоръ марб. акад.

Подобное свидѣтельство было дано Ломоносову и профессоромъ химіи Дуйзингомъ. Въ немъ значилось:

„Что весьма достойный и даровитый юноша Михаилъ Ломоносовъ, студентъ философіи, отличный воспитанникъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Всероссійской, съ неутомимымъ прилежаніемъ слушалъ лекціи химіи, читанныя мною въ теченіе 1737 года, и что, по моему убѣжденію, онъ извлекъ изъ нихъ немалую пользу, въ томъ я, согласно желанію его, симъ свидѣтельствую. Въ Марбургѣ іюля 18 дня, 1739 года.

(М. П.)

Юстинъ Гергардъ Дуйзингъ,
Д-ръ и Орд. Проф. Медицины,
Деканъ Медиц. факультета.

Доказательства успѣховъ Ломоносова были въ эту эпоху уже и въ Петербургѣ. Еще осенью 1738 года онъ прислалъ въ академію донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненіе на латинскомъ и русской переводъ оды Фенелона, начинавшійся стихами.

Горы толь что дерзновенно
Взносятъ верхи къ звѣздамъ,
Льдомъ покрыты безпремѣнно,
Нерушимъ столбъ небесамъ.

Оду эту, сохранившуюся въ собственноручномъ спискѣ Ломоносова С.-Петербургская Академія Наукъ, согласно опредѣленію своему состоявшемуся въ декабрѣ 1854 года, отпечатала въ одномъ экземплярѣ и поднесла Московскому Университету въ день его столѣтняго юбилея.

Ученныя диссертациі Ломоносова и Райзера (перваго: *Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia, quae in cohaesione corpusculorum consistit*, и другая *De solutione chymica*) были записаны въ протоколѣ засѣданія Академіи 30 апрѣля 1839 г. и рассмотрѣны профессорами Крафтомъ, Эйлеромъ и Вейтбрехтомъ.

V.

Пребываніе во Фрейбергѣ у Генкеля было тяжелымъ временемъ въ жизни Ломоносова. Генкель не былъ тѣмъ доброжелательнымъ и благосклоннымъ учителемъ какимъ являлся по отношенію къ Ломоносову Вольфъ, оставившій въ нашемъ

ученомъ на всю жизнь благодарную память. Строгое распоряженіе Академіи, приведеніе въ исполненіе котораго было поручено пунктуальному Генкелю, поставило студентовъ въ крайне затруднительное положеніе. Жадный до денегъ (какъ видно изъ его писемъ), Генкель былъ за то щедръ на наставленія, какія давалъ студентамъ, когда они въ крайности являлись къ нему, прося необходимаго и не зная какъ извернуться, такъ какъ Генкелемъ были приняты мѣры чтобы въ городѣ никто и ничего не давалъ имъ въ долгъ. Ломоносова Генкель не особенно возлюбилъ. Пылкій, легко увлекавшійся Ломоносовъ не щадилъ Генкеля въ разговорахъ съ разными лицами и нажилъ себѣ мстительнаго врага въ своемъ учителѣ. Произошли столкновенія и горячія ссоры. О подробностяхъ этихъ столкновеній узнаемъ изъ напечатанныхъ въ 1865 году академикомъ Кунникомъ въ его *Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ*, любопытныхъ документовъ: письма Ломоносова къ Шумахеру отъ 16 ноября 1740 года, жалобы Генкеля въ Академію отъ іюня 1740 г., письма Ломоносова къ Генкелю въ январѣ того же года.

Первое рѣзкое столкновеніе Ломоносова съ Генкелемъ произошло по случаю о которомъ Ломоносовъ такъ рассказываетъ въ письмѣ * къ Шумахеру: „Онъ (Генкель) меня растирать суглеу заставилъ и когда я отъ онаго отказался, ссылаясь на скверный и вредный запахъ, котораго никто выносить не могъ, то онъ меня не токмо ни на что годнымъ назвалъ, но и спросилъ меня, *не хочу ли я лучше сдѣлаться солдатомъ*, а наконецъ меня съ ругательствомъ изъ комнаты выгналъ. Съ огорченіемъ и досадою я долженъ былъ спокойно перенести такую ласку, да къ тому же еще попросить у него прощенія“. О томъ же происшествіи Генкель въ донесеніи Академіи рассказываетъ такъ: „Поручилъ я ему (Ломоносову), между прочимъ, заняться у огня работою такого рода, которую обыкновенно и самъ исполнялъ, да и другіе не отказывались дѣлать, но онъ мнѣ два раза

---

* Подлинное письмо написано по нѣмецки.

на отрёзъ отвѣтилъ: не хочу. Видя что онъ, кажется, намѣренъ отдѣлаться отъ работы и ужъ давно желаетъ разыгрывать роль господина, я рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ *чтобы испытать его послушаніе* и сталъ настаивать на своемъ, объясняя ему что онъ такимъ образомъ ничему не научится, да и здѣсь будетъ совершенно бесполезенъ: *солдату необходимо покоряться пороку*. Едва я успѣлъ сказать это какъ онъ съ шумомъ и необыкновенными ухватками отправился домой въ свою комнату, которая отдѣлена отъ моего музея только простою кирпичною перегородкою; такъ что при громкомъ разговорѣ въ той и другой части легко можно слышать то что говорится. Тутъ онъ во всеуслышаніе моей семьи началъ страшно шумѣть, изъ всѣхъ силъ стучалъ въ перегородку, кричалъ изъ окна“.... Изъ письма поданнаго Ломоносовымъ Генкелю, послѣ этого происшествія, нельзя не заключить что разказъ Генкеля пристрастенъ, и онъ вовсе не съ воспитательною цѣлью преслѣдовалъ студента.

„Ваши лѣта, ваше имя и заслуги, писалъ Ломоносовъ по латыни, побуждаютъ меня изъяснить что произнесенное мною въ огорченіи, *возбужденномъ бранью и угрозою отъ меня въ солдаты*, было свидѣтельствомъ не злобнаго умысла, а уязвленной невинности. Вѣдь, даже знаменитый Вольфъ, выше обыкновенныхъ смертныхъ поставленный, не почиталъ меня столь бесполезнымъ человѣкомъ, который лишь на треніе ядовъ былъ бы пригоденъ.... Вы мнѣ косвенными словами намекнули чтобы я вашу химическую лабораторію оставилъ; того ради я два дни и не ходилъ къ вамъ. Повинуясь однако волѣ Всемиловѣйшей Монархини, я долженъ при занятіяхъ присутствовать; почему желалъ бы знать, навсегда ли вы мнѣ въ сообществѣ своемъ и любленіи отказываете и пребываетъ ли все еще въ сердцѣ вашемъ гнѣвъ, неважною причиною возбужденный. Чтожъ до меня надлежитъ, то я готовъ предать все забвенію, повинуясь естественной моей склонности. Вотъ чувства мои которыя чистосердечно предъ вами обнажаю. Помня вашу прежнюю ко мнѣ благосклонность, желаю чтобы случивше-

еся какъ бы никогда не было или вовсе не вспоминалось, ибо я увѣренъ что вы въ ученикахъ своихъ скорѣе друзей нежели враговъ видѣть желаете. Итакъ ежели ваше желаніе таково, то прошу васъ меня о томъ извѣстить“.

Генкель счелъ письмо новою дерзостью и не отвѣтилъ на него. Черезъ четыре дня Ломоносовъ, затаивъ негодованіе, принесъ ему лично извиненіе. Дѣло уладилось, но не надолго. Новое столкновеніе возникло по случаю требованія Ломоносовымъ прибавки къ скудному содержанію: на трехъ студентовъ Генкель выдавалъ четыре талера, „которыми говоритъ Ломоносовъ, намъ содержать себя совершенно невозможно было“. По разказу Генкеля, Ломоносовъ на отказъ въ деньгахъ „нагло напустился“ на него съ словами: „ну такъ возьмите себѣ деньги, потомъ дерзно нахлобучилъ шляпу, и не простившись, противу своего обыкновенія, заставилъ Генкеля одного отправиться домой“. Нѣсколько дней спустя, продолжаетъ Генкель, я.... объяснялъ г. Ломоносову, что не могу болѣе *выдавать ему деньги на столъ въ томъ количествѣ въ какомъ онъ по примѣрному соображенію назначены Академіею* *, а долженъ удержать часть этихъ денегъ потому что онъ издержалъ уже слишкомъ много. На это онъ мнѣ прямо въ глазъ дерзко отвѣтилъ что я обязанъ дать ему эти деньги, въ противномъ случаѣ онъ напишетъ объ этомъ въ Петербургъ и станетъ жаловаться на меня. Раздраженный этою новою наглою выходкою, и припоминая съ какою кроткостью и даже съ какою особенною вѣжливостью я постоянно обходился съ нимъ, сколько трудовъ я потратилъ на него, и сколько совершенно незаслуженныхъ оскорбленій человекъ этотъ нанесъ мнѣ за все это, особенно своими предосудительными для меня разказами въ городѣ

---

*) По своему крѣпкому сложенію, Ломоносовъ имѣлъ болѣе значительный аппетитъ чѣмъ его товарищи и естественно долженъ былъ тратить болѣе на столъ. Вольфъ въ письмѣ къ барону Корфѣ (отъ 13 января 1739 году), упоминаетъ что Ломоносовъ ужиналъ и потому платилъ за столъ въ полтора раза дороже товарищей.

о томъ, что я только хочу разбогатѣть на русскія деньги,— припоминая все это, я, признаюсь, не могъ уже вынести такого наглаго злоупотребленія моимъ терпѣнiемъ и, схвативъ его за руку (конечно не съ иѣжными комплиментами, а въ сильномъ волненiи), вытолкалъ его отъ себя изъ комнаты, о чемъ до сихъ поръ жалѣю только потому что причинилъ этимъ не мало вреда своему здоровью и душевному спокойствiю“. Ломоносовъ разсказываетъ дѣло такъ: „Я въ лабораторiи сталъ просить его о прибавкѣ, но онъ отвѣчалъ что ежели бы намъ даже пришлось просить милостыню, то онъ ничего болѣе не прибавить. Посовѣтовавшись между собою втроемъ, мы, въ надеждѣ упросить его, къ нему на домъ отправились. Когда я ему наше бѣдственное положенiе изъяснилъ и униженно зачалъ просить о выдачѣ назначенныхъ намъ денегъ, то онъ сперва отвѣчалъ токмо: ни полушки больше не дамъ, а потомъ началъ осыпать меня всѣми возможными ругательными и поносными словами, выпроводилъ меня кулаками изъ комнаты и при томъ, не знаю почему, грозилъ мнѣ послать за городской стражей.“ Оскорбленный Ломоносовъ рѣшился оставить Фрейбергъ.

О скитанiяхъ Ломоносова по Германiи и Голландiи мы узнаемъ изъ того же любопытнаго письма къ Шумахеру * изъ Марбурга отъ 16 ноября 1740 года, письма во многомъ исправляющаго показанiя Штелина и академической бiографiи.

Желая оправдать свое поведенiе въ Фрейбергѣ, Ломоносовъ начинаетъ письмо словами:

„Легко представить себѣ могу, сколь негодуешь на меня Академiя Наукъ что я безъ вѣдома ея изъ Фрейберга ушелъ. Я почти увѣренъ что гонитель мой станетъ радоваться моему дальнѣйшему несчастiю, ибо недавно изъ Фрейберга увѣдомился я что Вашему Высокоблагородiю ничего неизвѣстно о жалобѣ посланной мною 21 мая изъ Лейпцига, и слѣдовательно онъ имѣлъ время ложью привести меня предъ Академiю Наукъ въ ненависть. Но еслибы она вѣдала сколько зависти, притѣсненiй и презрѣнiя вытерпѣлъ я отъ г. берграта Генкеля, сколько несчастiя и нужды я долженъ былъ ради того перенести, то

* Подлинникъ писанъ по нѣмецки. Приводимъ въ переводѣ ака. Куника.

она навѣрное согласилась бы что я гораздо болѣе состраданія заслуживаю нежели наказанія. Мои прежніе проступки (которые не столько къ моей безпорядочной жизни приписать слѣдуетъ, сколько къ тягостнымъ и несчастнымъ обстоятельствамъ, къ соблазнительному обществу и къ поздней пересылкѣ Всемиловѣйше назначенной мнѣ стипендіи) конечно не мало будутъ способствовать къ наказанію моей нынѣшней безвинности; но я твердо уповаю что Ваше Высочайшее, какъ вѣрный слуга Государыни Императрицы нашей и какъ Высочайше поставленный Ея Величествомъ судья, терпѣливо сіе всепокорѣйшее донесеніе мое и жалобу прочтете и безъ лицепріятія судъ свой произнесете изволите“.

Разказавъ описанныя нами выше столкновенія съ Генкелемъ, Ломоносовъ продолжаетъ:

„Въ таковыхъ обстоятельствахъ не зналъ я что дѣлать. Во всемъ городѣ запрещено было вѣрить намъ въ долгъ, и опасаясь подвергнуться еще вѣщему гоненію и несчастію, я рѣшился отправиться къ г. барону Кайзерлингу, который въ то время находился въ Лейпцигѣ на ярмаркѣ. Но прибывъ туда 19 мая, я къ своему огорченію и несчастію увѣдомился что онъ уѣхалъ въ Кассель на предстоящее бракосочетаніе принца Фридриха. Нашедши въ Лейпцигѣ нѣсколько добрыхъ друзей изъ Марбурга, которые хотѣли взять меня съ собою въ Кассель, я рѣшился туда отправиться. Во Фрейбергѣ мнѣ не только нечего было вѣсть, но и нечему было болѣе учиться. Пробирное искусство я уже зналъ, курсъ химіи былъ оконченъ, а инспекторъ Кернъ не хотѣлъ начинать, за тѣмъ что Генкель вздумалъ вычестъ у него слишкомъ много изъ суммы назначенной ему Академіей Наукъ. У маршейдера же тому кто математику лучше его знаетъ приходится обучаться только развѣ натягиванію межеваго шнура; но вѣдь оному можно научиться, не платя 50 талеровъ. Прибывъ въ Кассель, я къ крайнему своему неудовольствію опять долженъ былъ извѣститься что тамъ ничего о нашемъ посланникѣ не знали. Весьма удивительно мнѣ то показалось, понеже дорогою я въ нѣсколькихъ мѣстахъ о его поѣздѣ слышалъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, не зная гдѣ находится г. Кайзерлингъ, я почелъ за лучшее отправиться въ Петербургъ чрезъ Голландію (если у г. графа Головкина убѣжища себѣ не найду). Съ начала я отправился въ Марбургъ, чтобы у старыхъ пріятелей своихъ запасть (деньгами) на поѣздку. Быть въ тягость г. Вольфу я не осмѣлился узнать отъ него, что онъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ изъ

Петербурга остальные деньги получилъ. Притомъ примѣтилъ я что онъ въ сіе дѣло вѣшиваться не хочетъ. Итакъ изъ Марбурга я отправился во Франкфуртъ, а потомъ водою въ Роттердамъ и Гагу. Графъ совсѣмъ отказалъ мнѣ въ помощи и не хотѣлъ вовсе ввязываться въ дѣло. Затѣмъ я отправился въ Амстердамъ и нашелъ здѣсь нѣсколько знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые мнѣ совершенно отсовѣтовали безъ приказанія въ Петербургъ возвращаться. Они представили мнѣ кучу опасностей и несчастій, и потому я опять долженъ былъ возвратиться въ Германію.

„Коликую опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути, мнѣ самому страшно даже вспомнить, и поелику долго было бы писать о томъ, то для краткости лучше вовсе умолчу. Въ настоящее время я живу инкогнито въ Марбургѣ, у своихъ пріятелей, и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную въ теоретической химіи и физикѣ примѣнить. Утѣшаю себя пока тѣмъ что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, поговорить съ нѣкоторыми искусными химиками, осмотрѣть ихъ лабораторіи и взглянуть на рудники въ Гессенѣ и Зигенѣ“.

Въ отвѣтъ на письмо свое Ломоносовъ послѣ трехмѣсячнаго ожиданія получилъ нѣсколько строкъ отъ Шумахера съ приложеніемъ векселя во сто рублей и ордера Академіи (отъ 28 февраля 1741 г.) „немедленно отправиться въ Любекъ и оттуда тотчасъ по открытіи навигаціи прибыть“ въ Петербургъ. Письмо это было переслано Ломоносову чрезъ посредство Вольфа, временно находившагося тогда въ Галле. Вольфъ 25 апрѣля 1741 года отвѣчалъ Шумахеру: „Письмо я отправилъ въ Марбургъ къ доброму пріятелю, для передачи г. Ломоносову, написавъ вѣстѣ съ тѣмъ чтобъ онъ отправился въ путь, какъ скоро получитъ свои деньги по векселю и чтобъ сообщилъ мнѣ если ему еще что нибудь понадобится для ускоренія его отъѣзда. Такъ какъ онъ мнѣ отвѣтилъ что на поѣздку и окипировку его хватитъ назначенныхъ по векселю денегъ, но что на уплату долговъ ему нужно еще 100 рейхсталеровъ или немногимъ болѣе, то я просилъ добраго пріятеля въ Марбургѣ за моею отвѣтственностію поручиться за него, что онъ и обѣщалъ мнѣ сдѣлать, и еще разъ убѣждалъ г. Ломоносова поспѣшить отъѣздомъ на сколько возможно.“

Ломоносовъ, повидимому, въ точности исполнилъ академическое предписаніе. 8 іюня 1741 года онъ прибылъ въ Петербургъ.

Слова въ письмѣ Ломоносова „коликую опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути мнѣ самому страшно даже вспомнить“, очевидно относятся къ происшествію которое Штелинъ передаетъ въ своихъ запискахъ, ошибочно относя его къ веснѣ 1741 года, къ эпохѣ возвращенія Ломоносова въ Россію. Приключеніе это Штелинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Зашелъ онъ на большой дорогѣ въ мѣстечко, гдѣ хотѣлъ переночевать въ гостиницѣ. Тамъ нашелъ онъ королевско-прускаго офицера, вербующаго рекрутъ, съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Нашъ путешественникъ показался имъ пріятною находкою. Офицеръ вѣжливо пригласилъ его безъ платы поужинать и попить въ ихъ компаніи. Не забыли также расхвалить ему королевско-прусскую службу, и мало по малу уговорили молодого странника вступить въ нее. Они такъ напоили его что онъ на слѣдующій день ничего не могъ себѣ припомнить что происходило съ нимъ въ продолженіе ночи. Проспавшись, увидѣлъ онъ только что у него на шеѣ красный галстукъ, который онъ тотчасъ же снялъ, и въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ. Офицеръ же называлъ его славнымъ молодцомъ, которому навѣрное посчастливится въ королевско-прусской службѣ; солдаты называли его товарищемъ. „Я вашъ товарищъ?“ сказалъ Ломоносовъ:—„я про то ничего не знаю; я Русскій, и никогда не былъ вашимъ товарищемъ!“ — „Что? — возразилъ вахмистръ: — „ты намъ не товарищъ? Развѣ ты проспалъ „или ужъ забылъ что ты вчера при насъ принялъ королевско-прусскую службу, ударилъ по рукамъ съ господиномъ „поручикомъ, взялъ задатокъ, и нилъ съ нами здоровье твоего и нашего полка? Будь же бодрѣе, другъ кавалеристъ, и не расканвайся; тебѣ у насъ понравится; ты красивый молодецъ, и верхомъ будешь очень хорошъ на парадъ“. И такъ нашъ бѣдный Ломоносовъ сталъ королевскимъ прусскимъ рейтаромъ, и дня черезъ два вмѣстѣ съ другими рекрутами, новобранными въ окрестности, былъ отправленъ въ крѣпость Везель. Съ этой минуты онъ твердо рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Его провожатые, казалось, замѣтили въ немъ еще дорогою это желаніе; и потому въ крѣпости Везель, съ самаго начала, стали присматривать за нимъ строже

тѣмъ за прочими рекрутами. Замѣтивъ это, онъ притворился очень довольнымъ, какъ будто онъ получилъ величайшую охоту къ военной службѣ. Къ его счастью, онъ не былъ, какъ большая часть рекрутовъ, помѣщенъ въ городѣ на квартирахъ; но оставался въ караулнѣ, гдѣ долженъ былъ спать на скамейкѣ. Такъ какъ эта караульня находилась близко отъ вала, и заднее окно выходило прямо на валъ, то онъ и рѣшился воспользоваться этимъ и другими удобствами къ своему предположенному бѣгству, которое онъ черезъ нѣсколько недѣль смѣло предпринялъ и благополучно исполнилъ. Онъ каждый вечеръ заранѣе ложился спать на свою скамейку, такъ что высыпался довольно, когда его товарищи едва только засыпали, и всегда искалъ случая убѣжать. Однажды, проснувшись вскорѣ послѣ полуночи, онъ замѣтилъ что всѣ прочіе спали глубокимъ сномъ; онъ рѣшился съ величайшею осторожностію вылѣзти изъ задняго окна и взобраться на валъ. Тутъ въ темнотѣ онъ поползъ до вала на четверенькахъ, чтобы часовые, разставленные не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, не могли его замѣтить, спустился въ ровъ, переплылъ чрезъ него безъ шума, взобрался на четверенькахъ на валъ, и опять спустился въ ровъ и переплылъ его; потомъ вскарабкался на контръ-эскарпъ, перелѣзъ черезъ частоколъ и палисадникъ, и съ гласиса выбрался въ открытое поле. И такъ самое трудное, подъ защитою ночнаго мрака, было благополучно окончено: теперь его спасеніе зависѣло отъ достиженія прусской границы; но до нея оставалось болѣе нѣмецкой мили. Вотъ онъ въ мокрой солдатской шинели, повязавъ шею носовымъ платкомъ вмѣсто краснаго галстука, собралъ всѣ свои силы, чтобы до разсвѣта достигнуть границы. Едва совершилъ онъ четверть пути, какъ стало уже разсвѣтать, и вскорѣ послѣ того онъ съ трепетомъ услыхалъ съ крѣпости пушечный выстрѣлъ, обыкновенный сигналъ о бѣжавшемъ дезертирѣ. Этотъ угрожающій звукъ заставилъ его удвоить шаги, и онъ побѣждалъ изъ всѣхъ силъ, оглядываясь по временамъ; онъ увидѣлъ даже, хотя въ далекомъ еще разстояніи, кавалериста изъ крѣпости, скачущаго за нимъ во весь опоръ. Но прежде нежели онъ могъ догнать его, нашъ смѣлый бѣглецъ достигъ Вестфальской границы, и возблагодарилъ Бога за благополучное свое спасеніе отъ прусской власти. Даже и тутъ, въ вестфальской деревнѣ, онъ не рѣшился остановиться, а пошелъ въ ближній лѣсъ, гдѣ въ его густомъ кустарникѣ снялъ съ себя мокрое платье, чтобы высушить его, а самъ между тѣмъ легъ и проспалъ до сумерекъ. Вечеромъ онъ съ новыми силами пустился въ путь, выдавая себя вездѣ за бѣднаго студента“.

Прибавимъ что къ 1740 году относится тайная женитьба Ломоносова въ Марбургѣ, 6-го *юня* (согласно г. Кунику), „на дочери своего хозяина марбургскаго гражданина, ремесломъ портнаго“, какъ говоритъ Штелинъ. Генкель въ своемъ донесеніи упоминаетъ что Ломоносовъ изъ Фрейберга переписывался съ какою-то дѣвушкою въ Марбургѣ. Женитьба Ломоносова, какъ видимъ, совершилась въ то время когда онъ, покинувъ Фрейбергъ, тайно перебрался въ Марбургъ. Если припомнить что въ это время Ломоносовъ былъ безъ всякихъ средствъ, то можно заключить что нѣкоторую помощь для дальнѣйшаго странствованія онъ получилъ отъ тестя. Предъ отъѣздомъ въ Россію у него родилась дочь.

Окончивая описаніе „лѣтъ странствованія“ Ломоносова, замѣтимъ что разказъ Штелина и за нимъ академической біографіи о послѣднихъ годахъ пребыванія Ломоносова за границею весьма не точенъ. Согласно этому разказу, Ломоносовъ и послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Марбургѣ у Вольфа во Фрейбергѣ у Генкеля, возвратился въ Марбургскій университетъ для продолженія теоріи металлургіи и горнаго дѣла; здѣсь женился и жилъ жалованьемъ присылаемымъ изъ Академіи по третямъ; съ разрѣшенія Академіи былъ въ Гессенскихъ рудникахъ что въ Гарцѣ; тамъ познакомился съ извѣстнымъ металлургомъ Крамеромъ и въ осматриваніи плавильныхъ и разбивныхъ заводовъ провелъ цѣлое лѣто: зимою возвратился въ Марбургъ и остался тамъ до весны 1741 года. Здѣсь „отъ неминуемыхъ издержекъ на содержаніе скрываемаго имъ семейства, отъ непорядочнаго, можетъ быть, хозяйства, впалъ въ нищету и долги“. Угрожаемый тюрьмою отъ кредиторовъ, рѣшился тайно уйти изъ города и „не простившись ни съ кѣмъ, ниже съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора и пустился прямо по дорогѣ въ Голландію“. Далѣе, разказавъ приведенное выше приключеніе, академическій біографъ, вслѣдъ за Штелиннымъ, говоритъ: „Возстановя силы свои, пустился въ путь и, прибывъ чрезъ Арнгеймъ и Утрехтъ въ Амстердамъ, назывался вездѣ бѣднымъ саксонскимъ студентомъ. Въ послѣднемъ городѣ россійскій императорскій повѣренный въ дѣлахъ господинъ Ол-

декопъ, изрядно его принявъ, отправилъ, сходственно съ его желаніемъ, въ Гагу къ російскому жъ послугафу Головкину, на шлюпкѣ. Сей графъ довольствовалъ его чрезъ нѣсколько дней всѣмъ нужнымъ и давъ на дорогу деньги, отослалъ обратно въ Амстердамъ, гдѣ скоро сыскалъ онъ удобный случай отправиться моремъ въ Петербургъ.“

Приведенныя нами выше свѣдѣнія, основанныя на документахъ, показываютъ въ какой мѣрѣ не точенъ этотъ разказъ.

Когда Ломоносовъ возвращался въ Россію съ нимъ былъ любопытный случай о которомъ Штелинъ разказываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Дорогою, когда онъ плылъ моремъ въ свое отечество, случилось съ нимъ происшествіе которое глубоко тронуло его и котораго онъ никогда не могъ забыть. Онъ проснулся послѣ страшнаго сновидѣнія, въ которомъ онъ очень ясно видѣлъ своего отца, выброшеннаго кораблекрушеніемъ и лежащаго мертвымъ на необитаемомъ, неизвѣстномъ островѣ въ Бѣломъ морѣ, не имѣвшемъ имени, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ къ нему прибитъ бурей съ отцомъ своимъ. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ поспѣшилъ справиться объ отцѣ своемъ на биржѣ у всѣхъ прибывшихъ изъ Архангельска купцовъ и у холмогорскихъ артельщиковъ, и наконецъ узналъ что отецъ его отправился на рыбную ловлю еще прошлою осенью и съ тѣхъ поръ не возвращался, а потому и полагаютъ что съ нимъ случилось несчастье. Ломоносовъ такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ прежде своимъ пророческимъ сномъ. Онъ далъ себѣ слово отправиться на родину отыскать тѣло своего несчастнаго отца на островѣ, извѣстномъ ему съ юности и представившемся теперь ему во снѣ со всѣми подробностями и признаками, и съ честию предать оное землѣ. Но такъ какъ занятія его въ Петербургѣ не позволили ему исполнить это намѣреніе, то онъ съ купцами, возвращавшимися изъ Петербурга на его родину, послалъ письмо къ тамошнимъ роднымъ своимъ, поручилъ своему брату (зятю?) исполнить это предпріятіе на его счетъ, описалъ подробно положеніе острова и просилъ убѣдительно чтобъ тамошніе рыбаки, отправившись на рыбную ловлю, пристали къ нему, отыскали на немъ тѣло отца его и предали его землѣ. Это было исполнено еще въ то же лѣто: партія холмогорскихъ рыбаковъ пристала къ этому дикому острову, отыскала мертвое тѣло на описанномъ мѣстѣ, по-

хоронила его и взвалила большой камень на могилу. Извѣстіе о совершенномъ исполненіи его желанія, полученное имъ въ слѣдующую зиму, успокоило его всегдашнюю тайную печаль, причину которой онъ только въ послѣдствіи сообщилъ другимъ.“

VI.

Не объ однихъ столкновеніяхъ съ Генкелемъ доходили изъ Фрейберга вѣсти въ Петербургъ о Ломоносовѣ. Въ началѣ 1740 года, вмѣстѣ съ *Письмомъ о правилахъ россійскаго стихотворства*, Ломоносовъ прислалъ свою знаменитую *Оду на взятіе Хотина*, начинающуюся стихами:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долину тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчить,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы;
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Это былъ первый вполне удачный образецъ русскаго стихотворенія по *тоническому* размѣру, сдѣланному въ этой эпохи основаніемъ русскаго стихосложенія, размѣру на который Тредіаковскій первый указалъ какъ на наиболѣе приличествующій русскому стиху.

Чтобы дать понятіе о томъ какой шагъ въ исторіи русской поэзіи былъ сдѣланъ одою Ломоносова, достаточно привести нѣсколько стиховъ, напримѣръ, изъ оды Тредіаковскаго на взятіе Гданска (Данцига), поднесенной авторомъ Бирону въ 1734 году съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода, но не удостоившейся большаго вниманія современника.

Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну то-есть благополучну,
Къ вѣщшему всѣхъ враговъ упадку.
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну....
(и т. д. въ томъ же родѣ).

Приведемъ также нѣсколько строкъ изъ оды написанной по поводу того же событія, какъ и ода Ломоносова, профессоромъ философіи въ „Харьковской Славенолатинской Коллегіи“ Стефаномъ Витынскимъ. Ода наименована *Эпикіонъ, то-есть Пѣснь подвѣдательная въ честь и славу оружію Ея Императорскаго Величества*, прислана была къ Тредіаковскому и съ его исправленіями напечатана при Академіи Наукъ въ 1739 году. Она начинается словами:

Чрезвычайная летитъ (что-то за премѣна!)
 Славаносящая вѣтвь финіка зелена;
 Невянущій лавръ главу у ней окружаетъ,
 Знакъ побѣды таковъ токмо украшаетъ....

Пѣснь побѣды выраженная этими неуклюжими стихами нашла иное выраженіе въ одѣ Ломоносова:

Шумитъ съ ручьями боръ и доль:
 Побѣда, русская побѣда!
 Но врагъ что отъ меча ушелъ
 Боятся собственнаго слѣда.
 Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
 Луна стыдилась сраму ихъ
 И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
 Летаетъ слава въ тмѣ ночной,
 Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
 Коль русская ужасна сила!

Образцомъ для оды Ломоносова послужила ода нѣмецкаго поэта Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей заключенный 1718 года послѣ побѣды Евгенія Савойскаго при Пассаровицѣ. „Гюнтеръ, умершій 1723 году только 28 лѣтъ, справедливо пользовался, говоритъ академикъ Гротъ * тогда славою самаго талантливаго нѣмецкаго поэта... Молодость несчастнаго Гюнтера представляетъ сходство съ первымъ періодомъ жизни Ломоносова. Гюнтеръ, силезскій уроженецъ, бѣжалъ также изъ родительскаго дома, слѣдуя потребностямъ духа, противъ воли отца, который хотѣлъ

* Записки Ак. Наукъ, VII², 226.

заставить его учиться медицинѣ, тогда какъ сынъ чувствовалъ влеченіе къ поэзіи. Но для Гюнтера этотъ поступокъ сдѣлался источникомъ бѣдствій и ранней гибели: несмотря на его глубокое раскаяніе въ послѣдствіи, жестокій отецъ не согласился принять его и навсегда изгналъ изъ своего дома. Студенческая жизнь, какова она была въ тогдашнихъ германскихъ университетахъ, отразилась въ большей части стихотвореній Гюнтера, почему они, вѣроятно, были распространены между студентами. Изумительно-плодовитый талантъ его проявился болѣе всего въ пѣсняхъ, но и онѣ, какъ большая часть его стихотвореній, написаны на разные случаи вседневной жизни. По духу того времени, высшимъ родомъ такого стихотворства на *случаи* считались сочиненія въ похвалу какого-нибудь знатнаго лица или событія дворской жизни; сочиненія же этого рода были и самыя выгодныя, потому что доставляли авторамъ не только покровительство сильныхъ, но и деньги. Искать передъ всякимъ домашнимъ праздникомъ, или по поводу радостнаго случая, стихотворца, который бы ихъ воспѣлъ, было обычаемъ не только дворовъ, но и частныхъ людей. Чѣмъ значительнѣе было воспѣтое лицо или обстоятельство, тѣмъ болѣе правъ приобрѣтала ода на общее вниманіе. Едва ли Ломоносовъ, при своихъ ученыхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ, имѣлъ время прилежно читать Гюнтера; но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ германскихъ поэтовъ, и вотъ однородныя событія въ войнѣ Россіи съ Турціею подають ему мысль взять за образецъ нѣмецкую оду, воспѣвшую торжество Австрійцевъ въ борьбѣ съ тѣмъ же непріятелемъ. Чрезвычайно замѣчательно какъ молодой Русскій, руководствуясь своимъ природнымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, воспользовался примѣромъ современнаго ему Нѣмца. Принявъ размѣръ подлинника и его десятистрочную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи рیمъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ

и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода. Ломоносовъ обнаружилъ тутъ поразительную въ начинающемъ поэтѣ художественную сдержанность, избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ нервностей, тривіальныхъ картинъ и выраженій запечатлѣнныхъ безвкусіемъ, которыя довольно часто попадаются въ нѣмецкой одѣ посреди стиховъ и цѣлыхъ тирадъ противоположнаго свойства.“

„Ломоносова, говорить въ свою очередь К. Аксаковъ, * обвиняли въ подражаніи нѣмецкому стихотворцу Гюнтеру, его современнику; но мы не находимъ никакого подражанія и никакой даже близости кромѣ размѣра стиховъ, строфы и развѣ строя оныхъ“. Источникъ этого обвиненія—въ неточномъ показаніи Штелина, говорящаго въ своихъ *Запискахъ*, что Ломоносовъ прислалъ свою оду изъ Марбурга (ошибка: ода послана изъ Фрейберга) „къ тогдашнему президенту Академіи Корфу, который отдалъ ее на разсмотрѣніе Адаурову и Штелину. Мы были очень удивлены такимъ, еще не бывалымъ въ русскомъ языкѣ размѣромъ стиховъ и нашли между прочимъ, что эта ода написана въ Гюнтеровомъ размѣрѣ и именно въ подражаніе его знаменитой одѣ: „Eugen ist fort! Ihr Musen pacht“ etc. и даже цѣлыя строфы были изъ нея переведены. Она была напечатана при Академіи, поднесена Императрицѣ Аннѣ, роздана при дворѣ; и всѣ читали ее, удивляясь этому новому размѣру“. Ни одного экземпляра печатной оды Ломоносова не сохранилось до нашего времени. Это обстоятельство привело академика Куника къ убѣжденію что показаніе Штелина и за нимъ академической біографіи (въ которой повторено сказанное Штелинымъ, но выпущено замѣчаніе будто цѣлыя строфы оды переведены изъ Гюнтера) не вѣрно, и ода Ломоносова не была вовсе напечатана. Если г. Куникъ правъ, то нельзя не удивляться, что въ эпоху когда при Академіи печаталось столь-

---

* *Ломоносовъ въ исторіи русской литературы*, Москва 1846, стр. 416.

ко одѣ, замѣчательное произведеніе русскаго поэта осталось на столько незамѣченнымъ, что не удостоилось даже напечатанія, хотя и дивило академическіе кружки. Ода потомъ была сполна напечатана Ломоносовымъ въ 1751 году въ собраніи разныхъ сочиненій (въ *Риторикѣ* еще прежде помѣщены изъ нея отрывки).

Вмѣстѣ съ одой, Ломоносовъ прислалъ *Письмо о призвахъ Россійскаго стихотворства*. Письмо обращено къ членамъ состоявшаго при Академіи „Россійскаго собранія“ и заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ собственными замѣчаніями Ломоносова о русскомъ стихосложеніи, главнымъ образомъ возраженія на сочиненіе Тредіаковскаго о томъ же предметѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ „собраніи“ и о трактатѣ Тредіаковскаго.

Зимой съ 1734 на 1735 годъ, при Академіи учреждена была особая конфернеція подъ именемъ „Россійскаго собранія“. Она состояла изъ секретаря Тредіаковскаго, адъюнта Ададурова, ректора Шваневца, студента Тауберта, въ качествѣ протоколиста, и оберъ-аудитора Эмме. При учрежденіи собранія, какъ видно изъ рѣчи о чистотѣ руссійскаго языка сказанной Тредіаковскимъ 14 марта 1735 года въ первое засѣданіе собранія, имѣлось въ виду возложить на него, кромѣ переводовъ, составленіе грамматики и лексикона. *Тредіаковскій* * былъ душою собранія и въ 1735 году издалъ свой замѣчательный трактатъ: *Новый и краткій способъ къ сложенію русскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ званій*.

---

* Любопытна судьба этого трудолюбиваго и полезнаго дѣятеля, хотя и бездарнаго стихотворца. Въ автобіографической запискѣ составленной имъ въ 1754 году для академической канцеляріи Тредіаковскій говоритъ: „Дѣдъ и отецъ мой были священники. Я именованный, учившись по желанію моего, покойнаго нынѣ, родителя, словеснымъ наукамъ на латинскомъ языкѣ, еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ въ Астрахани, гдѣ моя и родина, у Римскихъ живущихъ тамъ монаховъ, а по охотѣ моей къ ученію, оставилъ природный городъ, домъ и родителей и убожалъ въ Москву, да и учился въ Заиконоспасскомъ монастырѣ прежнимъ помянутымъ наукамъ (съ 1723 г.). По окончаніи реторики нашелъ

„Способъ Тредіаковскаго, говоритъ академикъ Кунинъ *, въ небольшихъ литературныхъ кружкахъ того времени, очевидно, надѣлалъ много шума. Особенный интересъ конечно онъ долженъ былъ возбудить въ Ломоносовѣ. Послѣдній нашелъ въ немъ стихотворныя образцы, которые по формѣ своей совершенно отличались отъ прежнихъ виршей, а между тѣмъ на ухо дѣйствовали гораздо пріятнѣе ихъ, несмотря на то что способъ выраженія и сочетаніе словъ должны были оскорбить природный слухъ Ломоносова. Успѣлъ ли онъ въ то время ближе познакомиться съ Тредіаковскимъ мы не знаемъ, но послѣдній былъ пріятелемъ Ададурова, которому президентъ Академіи Корфъ поручилъ надзоръ за 12 московскими студентами и ближайшее управленіе ихъ занятіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ взялъ съ собою въ Марбургъ экземпляръ *Способа*, такъ какъ онъ изъ Фрейберга началъ вести полемику противъ нѣкоторыхъ выводовъ въ этомъ руководствѣ“.

Кантемиръ, извѣстный авторъ сатиръ, котораго Тредіаков-

я способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ обучался французскому языку (есть преданіе что Тредіаковский бѣжалъ изъ Спасскихъ школъ, укрываясь отъ наказанія за написаніе фальшиваго паспорта). Оттуда, шедши пѣшъ за крайнюю уже своею бѣдностію, пришелъ въ Парижъ, гдѣ въ Университетѣ при щедромъ благодѣтелей моихъ меня содержаніи, обучался математическимъ и философскимъ наукамъ, а богословскимъ тамъ же въ Сорбоннѣ, чему всему имѣлъ я письменное засвидѣтельствованіе за рукою такъ называемаго ректора магистрика Парижскаго Университета, для того что тамъ содержалъ публичный диспутъ въ Мазаринской коллегіи“. Изъ за границы въ Петербургъ Тредіаковский прибылъ, по словамъ академика Миллера, съ княземъ Куракинѣмъ. Въ 1730 г. Академіей былъ напечатанъ его тяжелый переводъ французскаго сочиненія *Взда на островъ Любви*. Въ 1734 году, онъ написалъ оду на взятіе Данцига и посвятилъ ее Бирону (Юнкеръ сдѣлалъ ея нѣмедій переводъ, одинъ по видимому удостоившійся вниманія временщика). На Тредіаковскомъ лежало составленіе русскихъ переводовъ одъ оофициальныхъ академическихъ стихотворцевъ. „Переводилъ я все, говоритъ онъ, покойнаго Юнкера оды, да многія господина надворнаго совѣтника Штелина“. Русскіе переводы, по видимому, не обращали на себя большаго вниманія. Да и не виршами Тредіаковского можно было поднять значеніе русскихъ стиховъ.

* *Сборникъ матеріаловъ* I, ххп.

скій, цитую его стихи, именовалъ „безъ сомнѣнія главнѣйшимъ и искуснѣйшимъ пѣнтомъ россійскимъ“, высоко цѣнилъ сочиненіе Тредіаковскаго и въ своемъ *Письмѣ Харитона Макентина о русскомъ стихосложеніи*, говорилъ о немъ: „Приложенный отъ остроумнаго сочинителя трудъ столь больше хваленъ что въ самомъ дѣлѣ народъ нашъ до сихъ поръ лишаяся нѣкакимъ образомъ предводителя въ стихотворномъ теченіи, многіе часто съ прямой дороги сбивались“.

Тредіаковскій въ своемъ *Способѣ* первый указалъ на тоническое стихосложеніе какъ на наиболѣе согласное съ духомъ русскаго языка. „Черезъ долгій слогъ, пишетъ онъ въ россійскомъ стихотворствѣ разумѣется тотъ, на которомъ просодія или какъ говорится сила ударяетъ. И тако въ реченіи семь: *слабѣю*, *а* есть долгій слогъ, а *сла* и *ю* короткіе.... Того ради чрезъ сіе всякъ ясно выразумѣть можетъ, что долгота и краткость слоговъ, въ новомъ семь россійскомъ стихосложеніи, не такая разумѣется новая у Грековъ и Латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется, но токмо *тоническая*, то-есть въ удареніи голоса состоящая, такъ что, сколь Греческое и Латинское количество слоговъ съ великимъ трудомъ познавается столь сіе наше всякому изъ Великоросіанъ легко, способно, безъ всякаго трудности и наконецъ отъ единого только общаго употребленія знать можно въ чемъ вся сила новаго стихосложенія содержится“. „Почти всѣ званія при стихѣ употребляемыя, говоритъ онъ далѣе, занялъ я у французской версификаціи, но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей оной простыхъ людей поэзіи.... Я французской версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной русской поэзіи всѣми тысячею рублями. Однако Франціи я обязанъ и за слова; но искреннѣйше благодарю Россіанинъ Россію за самую вещь“.

„Въ Россійскомъ языкѣ, говоритъ въ свою очередь Ломоносовъ въ *Письмѣ*, тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки.... Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству, а того что ему не свойственно изъ другихъ языковъ не вносить.... Я не могу довольно нарадоваться, что россійскій языкъ не токмо бод-

ростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому, нѣмецкому не уступаетъ, но подобную онимъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ. Сіе столь долго пренебреженное счастье, чтобъ совѣтъ въ забвеніи не осталось, умыслилъ я наши правильные стихи изъ нѣкоторыхъ определенныхъ стонъ составлять и отъ тѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ языкахъ обыкновенно, онимъ имена дать“.

Сходясь съ Тредіаковскимъ въ общей мысли о русскомъ стихосложеніи, Ломоносовъ расходился съ нимъ въ подробностяхъ. „Всѣ реченія односложныя, утверждалъ Тредіаковский, не могутъ быть какъ токмо долги“. „Кто будетъ растягивать односложные союзы и многіе во многихъ случаяхъ предлоги? возражалъ Ломоносовъ... По моему мнѣнію, наши односложныя слова, нныя всегда долги,... нныя кратки,... а нныя иногда кратки, иногда долги“.

Тредіаковский говорилъ: „свойство нашихъ стиховъ требуетъ ударенія риемы... на предконечномъ слогѣ..., хотя въ маловажныхъ или шуточныхъ стихахъ иногда кладется то на конечномъ, но и то по нуждѣ, да и весьма долженствуетъ быть рѣдко“. Употреблять въ перемежку женскія и мужскія риемы Тредіаковский строжайше возбранялъ. „Такое сочиненіе стиховъ, утверждалъ онъ, такъ бы у насъ мерзкое и гнусное было, какъ бы оное когда бы кто наипоклоняемому, наинѣжнюю и самымъ цвѣтомъ молодости своей сіяющую европейскую красавицу выдалъ за дряхлаго чернаго и девяностолѣтн имѣющаго Арапа“.

Ломоносовъ возражалъ: „Подлинно что всякому кто однѣ женскія риемы употребляетъ, сочетаніе и перемежка стиховъ странны кажутся, однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ что оное толь же пріятно и красно коль въ другихъ европейскихъ языкахъ, никогда бы мужеская риема передъ женскою не показалася какъ дряхлый черный и девяностолѣтн старый Арапъ предъ наипоклоняемою, наинѣжнюю и самымъ цвѣтомъ молодости сіюшею европейскою красавицею.“

Впоследствии Тредіаковской въ предисловіи къ *Ариети-*

дѣ („героическая повѣсть Барклагія съ латинскаго на славено-россійскій переведенная,“ 1751) нѣсколько разъ передѣланномъ, съ вѣдома Ломоносова, такъ опредѣлили свое отношеніе къ этому послѣднему въ дѣлѣ введенія тоническаго стихосложенія: „Іамбическій стихъ введенъ въ наше стихосложеніе (Ломоносовымъ) послѣ того какъ уже былъ мною введенъ хорейскій, также и самое основаніе или лучше душа и жизнь всего стихосложенія, именно жъ тоническое количество слоговъ, то есть тотъ слогъ почитать долгимъ на который сила ударяетъ, прочіи всѣ въ словѣ короткими“. Претензіи Сумарокова относительно того же предмета рѣзко отклонялись и Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ. О нихъ въ академической біографіи замѣчено по поводу присылки Оды на взятіе Хотина: „изъ сего ясно что г. Ломоносовъ за долго предъ тѣмъ ввелъ стопы въ русское стихотворство, какъ г. Сумароковъ, только что выпущенный въ семь году изъ кадетскаго корпуса, учинился извѣстнымъ стихотворцемъ“.

Когда *Письмо* Ломоносова получено было въ Академіи и дошло до свѣдѣніи Тредіаковскаго, послѣдній составилъ свой отвѣтъ, также въ формѣ письма, и передалъ его въ канцеляцію Академіи. Но письмо это не было отправлено къ Ломоносову. * Въ академической справкѣ подписанной секретаремъ Волчковымъ значится, что когда Тредіаковскій прочелъ свое письмо и „тогдашніе адъюнты Адагуровъ и Таубертъ... совѣтнику Шумахеру представили, дабы сего учеными ссорами наполненнаго письма, для пресѣченія дальнихъ, безплодныхъ и напрасныхъ споровъ, къ Ломоносову не отправлять и на платежъ денегъ напрасно не терять, то г. со-

---

* Тредіаковскій въ донесеніи въ слѣдственную комиссію отъ 19 октября 1743 года (когда онъ искалъ мѣста профессора элоквенціи) писалъ: „Въ 1740 году будучи во Фрейбергѣ студентъ Михайло Ломоносовъ, что нынѣ адъюнктомъ при Академіи, прислалъ оттуда въ Академію наукъ письмо которымъ онъ опровергалъ правила положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ. Для защищенія моихъ правилъ принужденъ я былъ отвѣтствовать ему туда, сочинивъ мой отвѣтъ формою же письма, которое я и отдалъ въ канцелярію Академіи наукъ въ томъ же 1740 году; однако то мое отвѣтное письмо не послано къ нему“.

вѣтникъ Шумахеръ, по оному ихъ представленію, означеннаго письма къ Ломоносову въ чужіе края посылать не приказалъ; итакъ оное письмо въ старой судейской и осталось“.

Прибавимъ что отношенія Ломоносова къ Тредіаковскому, со времени возвращенія перваго изъ за границы были постоянно недружелюбны. Гордый Ломоносовъ, по замѣчанію Штелина, „преслѣдовалъ бѣднаго Тредіаковского единственно за его дурной русскій слогъ“. Тредіаковскій, на сколько могъ, отплачивалъ своему противнику. Приведемъ сатирическое стихотвореніе написанное Тредіаковскомъ, повидимому вскорѣ по возвращеніи Ломоносова, и напечатанное въ 1752 году послѣ ожесточенной борьбы 1751 года. Стихотвореніе носитъ заглавіе *Самохвалъ*.

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспять,
А не было его тамъ, почитай, лѣтъ съ пять;
То завсе предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся бодро,
И такъ ужъ говорили, что не нашлось ему
Подобнаго во всемъ, ни рѣвни по всему;
А больше что плясалъ онъ въ Родосѣ исправно,
И предпочтенъ за то отъ Общества преславно,
Въ чемъ шлется на самихъ Родосцовъ нынѣ всѣхъ,
Что почестъ получили великую отъ тѣхъ.
Изъ слышавшихъ одинъ ту похвалбу всегдашню,
Сказалъ ему: что намъ удачу знать тогдашню!
Ты къ Родянамъ о томъ, пожалуй, не пиши:
Здѣсь Родосъ для тебя, здѣсь, нутка, попляши! *

VII.

Ломоносовъ прибылъ въ Петербургъ въ эпоху кратковременнаго царствованія Іоанна Антоновича. Въ августѣ

* „Тредіаковскій при этомъ имѣлъ въ виду, замѣчаетъ акад. Куникъ, латинскій стихъ: hic Rhodus, hic saltus!... Выраженіе это по преданію обращено было къ молодому человѣку который по пріѣздѣ въ свою родину хвасталъ тѣмъ что онъ въ Родосѣ всѣхъ очаровалъ своей пляской.“

1741 года, онъ пишетъ двѣ оды, одну на день рожденія императора, другую, поспѣшно сочиненную, на побѣду при Вильманстрандѣ. Прошло не много дней, и совершился государственный переворотъ: на престолъ вступила дочь Петра Великаго императрица Елисавета. Въ декабрѣ академикъ Штелинъ * поднесъ въ день рожденія императрицы торжественную оду. Ода была переведена по русски въ стихахъ Ломоносовымъ. Приведемъ одну изъ наиболѣе характеристическихкихъ ея строфъ.

Wie lange seufzt und schreyt zugleich
Die Treu und Vaterlandes-Liebe.
Ach, rette Dich! auf, hilf dem Reich,
Und schütz den Eifer unsrer Triebe!
Besteige, Würdigste, den Thron!
Wunsch, Danck, und Eid-Schwur warten schon
Des Himmels, Volcks, und Erb-Rechts Willen
Durch Dein Erheben zu erfüllen **.

Отеческой земли любовь
Коль долго по тебѣ вздыхала!
Избавь, избавь Россійску кровь
Отъ злаго скорбныхъ дней начала;

---

* Заимствуемъ у г. Пекарскаго (*Зап. Ак.*, 1865, VII^о, 118) нѣсколько свидѣній о Штелинѣ. Яковъ Штелинъ родился 1709 года, и получилъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ. Во время празднества по случаю восшествія на польскій престолъ Августа III, сочинилъ разныя аллегорическія изображенія для представленій. Въ Петербургѣ въ эту эпоху были въ модѣ, въ подражаніе иностраннымъ дворамъ, фейерверки съ аллегорическими картинами и надписями, сочиненіе которыхъ возлагалось на Академію Наукъ. Баронъ Корфъ, узнавъ объ искусствѣ по этой части Штелина, пригласилъ его въ 1735 году въ Петербургъ адъюнктомъ въ историческій классъ. Здѣсь его спеціальностію было составленіе одъ, сочиненіе картинъ и надписей. Кромѣ того онъ участвовалъ дѣятельно въ изданіи *Петербуржскихъ Вѣдомостей* и *Примѣчаній* къ нимъ, способствовалъ усовершенствованію гравировальнаго искусства въ Россіи, былъ наставникомъ великаго князя Петра Фёдоровича, а съ 1770 г. тринадцать лѣтъ секретаремъ Вольнаго Экономическаго Общества.

** *Уч. Зап. Ак.*, 1855, т. III, 288.

Достойна на престолъ вступи,
 Къ присягѣ мы готовы вси.
 Отдай красу Россійску трону
 По крови, правамъ и закону!

Первое ученое занятіе, возложенное Академіею на Ломоносова, было составленіе каталога минераловъ находившихся въ академическомъ собраніи. Ломоносовъ исполнилъ порученіе очень быстро, хотя и не безъ ошибокъ, вверавшихся отчасти вслѣдствіе самой поспѣшности.

Вскорѣ по пріѣздѣ, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, Ломоносовъ представилъ въ Академію двѣ латинскія диссертациі * какъ образчики (specimina) своихъ трудовъ. Академики занимались чтеніемъ этихъ трудовъ, вмѣстѣ съ трудами другихъ студентовъ, въ рядѣ засѣданій отъ августа до ноября. Это побудило Ломоносова въ ноябрѣ „отъ имени тѣхъ которые представили диссертациі, просить членовъ Академіи благоволить высказать мнѣніе о ихъ сочиненіяхъ, дабы они положительнѣе могли рассчитывать на повышеніе своего содержанія.“ На томъ же настаивалъ и Шумахеръ, говоря что „это и для него и для студентовъ очень важно, чтобы сдѣлать затѣмъ свои распоряженія (um ihre Einrichtungen danach zu machen).“ Не получая назначенія, Ломоносовъ подалъ въ январѣ 1742 года въ академическую канцелярію прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ просилъ назначить его адъюнктомъ при Академіи. „И хотя я, писалъ онъ между прочимъ, Академію Наукъ многократно объ опредѣленіи моемъ просилъ, однако она на мое прошеніе никакого рѣшенія не учинила, и я, въ такомъ оставленіи будучи, принужденъ быть въ печали и огорченіи.“ На просьбу послѣдовала милостивая резолюція слѣдующаго содержанія:

„Понеже сей проситель студентъ Михайло Ломоносовъ specimenъ своей науки еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1741 году въ Конференцію подалъ, которой отъ всѣхъ

---

* *Commentarii de instrumento caustico catoptrico-dioptico*
 et *Meditationes physico-chymicae de convenientia argenti et mercurii.*

профессоровъ оной Конференціи такъ апробованъ, что сей специмень и въ печать произвести можно; къ тому жъ покойной профессоръ Амманъ его Ломоносова Канцеляріи рекомендовалъ; къ тому жъ оной Ломоносовъ въ переводахъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ на російской языкъ довольно трудился, а жалованья и мѣста по нынѣ ему не опредѣлено; то до дальнаго указа изъ Пр. Сената, и нарочнаго Академіи опредѣленія, быть ему Ломоносову Адъюнктомъ Физическаго класса. А жалованья опредѣляется ему сего 1742 года генваря съ 1 числа по 360 рублей въ годъ, считая въ то число квартиру, дрова и свѣчи, о чемъ заготовить опредѣленіе, а къ комиссару указъ. Генваря 8 дня 1742 году.“

Шумахеръ.

Первыя лекціи Ломоносова какъ адъюнкта имѣли предметомъ физическую географію. Въ печатной программѣ публичныхъ лекцій, назначенныхъ съ 1 сентября 1742 года собственно для тѣхъ „учениковъ, которые избираются и производятся изъ академической гимназіи для слушанія публичныхъ наставленій“ значится: „Михайла Ломоносовъ, адъюнктъ Академіи руководство въ физическую географію чрезъ Крафта сочиненное публично толковать будетъ; а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ химіи и исторіи натуральной о рудахъ, также обучать въ стихотворствѣ и штиллѣ.“

Вступленіе Ломоносова въ Академію совпало со временемъ раздора между Шумахеромъ и Нартовымъ за академическое управленіе. Въ печальномъ столкновеніи Ломоносовъ принялъ сторону Нартова, на котораго, какъ на природнаго русскаго, онъ возлагалъ, повидимому, болѣе надеждъ чѣмъ на Шумахера. Академическіе профессора, съ своей стороны, какъ иностранцы, предпочли въ эту эпоху паденія нѣмецкой партіи держаться Шумахера. Отсюда произошли непріятныя столкновенія Ломоносова съ его товарищами по Академіи. Въ декабрѣ 1742 года поступили въ слѣдственную комиссію жалобы отъ академической конференціи, въ которыхъ, какъ видно изъ дѣлъ слѣдственной комиссіи (жалобы въ подлинникѣ не сохранились) академики, указывали что Нартовъ „неоднократно присылалъ своихъ сообщниковъ, Ломо-

носова и другихъ, съ великою неучтивостью и шумомъ мѣшать имъ въ ихъ занятіяхъ, якобы для осматриванія печатей.“ Въ ожиданіи отвѣта на жалобу, академическая конференція исключила Ломоносова изъ своихъ засѣданій и на запросъ Нартова писала что „сіе дѣлаетъ по всякой справедливости, когда вышеупомянутому адъюнкту Ломоносову до дальнѣйшаго опредѣленія засѣдать въ конференціи не позволяетъ.“ Въ апрѣлѣ 1743 года произошло рѣзкое и грубое столеновіе раздраженнаго удаленіемъ изъ конференціи Ломоносова съ профессоромъ Винсгеймомъ. Грубыя столеновія не были особенною рѣдкостью въ ту эпоху, и въ первые годы Академіи былъ случай, когда академикъ Юнкеръ ударилъ палкою академика Вейтбрехта, разшибъ зеркало и „въ конференціи, какъ пишетъ Ломоносовъ, произошла драка.“ Замѣчательно, прибавимъ мимоходомъ, что въ ссорѣ съ Винсгеймомъ, Ломоносовъ съ гордостью упиралъ на то что онъ природный русскій (ein Landeskind). Профессора подали жалобу на Ломоносова за „несносныя обиды и безчестіе,“ прося арестовать его и указывая что „безъ возвращенія чести“ не могутъ оставаться на службѣ. Жалоба возымѣла дѣйствіе. Ломоносовъ былъ арестованъ и оставался подъ арестомъ съ іюня 1743 по январь 1744 года. Согласно приговору комиссіи ему грозило строгое наказаніе; но 18 января послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ онъ былъ освобожденъ отъ наказанія „для его довольнаго обученія,“ и только смѣщенъ на половинное жилованье (черезъ полгода возвращено было полное). Строгость приговора комиссіи объясняется отчасти тѣмъ что неробкій Ломоносовъ гордо держалъ себя предъ слѣдователями, не хотѣлъ показывать „по пустому“ и отказывался отвѣчать не имѣя дозволенія Нартова, поспѣшившаго, впрочемъ, заявить что отъ него никакого воспрещенія отвѣчать не было.

Между тѣмъ распря Нартова и Шумахера окончилась въ пользу послѣдняго, восстановленіемъ его съ декабря 1743 г. въ званіи управляющаго академическою канцеляріей и обвиненіемъ лишь въ нѣкоторыхъ незначительныхъ злоупотребленіяхъ. О Нартовѣ въ донесеніи слѣдственной комиссіи значится

что „правленіе его Нартова за незнаніемъ его недовольное, ибо онъ не только какой ученый человѣкъ и знающій иностранныхъ языковъ, но съ нуждою и по-русски только можетъ имя свое написать.“

Изъ документовъ эпохи Ломоносова не видно, какъ возстановились его отношенія, послѣ прошенія, къ Шумахеру и академикамъ. Повидимому, примиреніе съ товарищами рѣзкаго, но не способнаго къ тайнымъ проискамъ и интригамъ Ломоносова было полное, и когда чрезъ полтора года послѣ непріятной исторіи Ломоносовъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о производствѣ его въ профессора, академическая конференція отнеслась къ нему благосклонно.

Въ прошеніи своемъ онъ такъ говоритъ о своихъ занятіяхъ: „Въ бытность мою при Академіи Наукъ трудился я нижайшій довольно въ переводахъ физическихъ, химическихъ и пѣтическихъ съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ на російскій и сочинилъ на російскомъ же языкѣ Горную Книгу и Риторіку, и сверхъ того въ чтеніи славныхъ авторовъ, въ обученіи назначенныхъ мнѣ студентовъ, въ изобрѣтеніи новыхъ химическихъ опытовъ, сколько за неимѣніемъ лабораторіи быть можетъ, и въ сочиненіи новыхъ диссертаций съ возможнымъ прилежаніемъ упражняюсь; чрезъ что я нижайшій къ вышеупомянутымъ наукамъ больше знанія присовокупилъ.“

Конференція, по обсужденіи „ученія и успѣхъ въ ономъ“, Ломоносова, опредѣлила „общимъ согласіемъ“, что „поданныя отъ господина адъюнкта specimenны достойны профессорскаго званія,“ а профессоръ Гмелинъ объявилъ что онъ химическую профессію совершенно уступаетъ Ломоносову „тѣмъ наипаче что для всегдашняго упражненія въ исторіи натуральной химію оставить принужденъ былъ и для того еще что въ прошедшемъ году декабря 7 канцеляріи объявилъ что онъ, оставя Академію, возвратится въ отечество свое.“

Высочайшій указъ о назначеніи Ломоносова профессоромъ химіи послѣдовалъ 25 іюля 1745 года. Въ томъ же указѣ Тредіаковскій назначенъ профессоромъ элоквенціи, а Крашенинниковъ адъюнктомъ натуральной исторіи. 26

іюля въ исполненіе указа * „Прав. Сенать приказали: означенныхъ Тредіаковскаго и Ломоносова призвавъ въ Прав. Сенать и о пожалованіи ихъ профессорами, тако жъ и студенту Крашенинникову о бытіи по показанному представленію и достоинству адъюнктомъ, объявить указъ и привести къ присягѣ и за повышеніе ихъ учинить вычетъ по указу.“

Повышеніе Ломоносова произошло въ то время когда внутренніе неурядки въ Академіи достигли высшей степени. Въ самый день его утвержденія все профессорское собраніе, а именно профессора: Делиль, Гмелинь, Вейтбрехтъ, Миллеръ, Винсгеймъ, Ле-Руа, Стегелинь, Рихманъ, Сигизбекъ, подали въ Сенать доношеніе въ которомъ жаловались на самоуправство Шумахера. Оказалось что „никогда господинъ совѣтникъ Шумахеръ такъ самовластно не поступалъ, какъ съ того времени что бывшая надъ нимъ слѣдственная коммиссія въ его пользу рѣшена была.“ Такое рѣшеніе послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе того что профессора, избирая изъ двухъ золь, по ихъ мнѣнію, меньшее, приняли сторону Шумахера противъ Нартова, который началъ было давать указы въ Академію, чего и Шумахеръ не дѣлалъ. Но скоро ссоры возобновились. „Какія, пишетъ Ломоносовъ, въ своей *Исторіи академической канцеляріи*, были тогда распри или лучше, позорища между Шумахеромъ, Дедилемъ и Миллеромъ! Цѣлый годъ почти прошелъ что въ конференціи кромѣ шумовъ ничего не происходило. Наконецъ всѣ профессора единогласно подали доношеніе на Шумахера въ Правительствующій Сенать.“ Они писали: * „главная причина всѣмъ при Академіи неурядкамъ состоитъ въ томъ что совѣтникъ Шумахеръ, въ противность апробованному блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти отъ императора Петра Великаго въ Правительствующемъ Сенатѣ проекту, всякія дѣла при Академіи, какъ ученныя, такъ и экономическія, хочеть править одинъ собою въ своей кан-

---

* Виларскій, 67.

** Пекарскій, приложеніе къ VII тому *Зап. Ак. Н.*

целярні безъ общаго Академіи согласія, а такой власти ни по какимъ указамъ прежнихъ императорскихъ величествъ, ни нынѣшней нашей государыни ему не дано и онъ такого важнаго дѣла снести не можетъ; такожде по его къ намъ недружбѣ, при всякомъ случаѣ онъ насъ весьма обижаетъ и общей чести Академіи поврежденіе учиняетъ.“ Профессора указывали въ числѣ прочаго: „чтобы студентовъ при Академіи было довольное число о томъ онъ совѣтникъ старанія не имѣть и куда надлежитъ о томъ не предлагаетъ и учрежденіе бывшаго президента фонъ-Корфа чтобы быть при Академіи семинаріи въ дѣйство не производить.“ Принявъ во вниманіе жалобу профессоровъ, „Сенатъ, говоритъ Ломоносовъ, разсудилъ и указалъ чтобы до наукъ надлежащія дѣла имѣть въ единственномъ вѣдѣніи профессорскому собранію. Но власть ихъ (профессоровъ) стояла весьма кратко; затѣмъ что вскорѣ пожалованъ въ Академію президентомъ его сіятельство графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій, которому на разсмотрѣніе отосланы изъ Сената всѣ предъ нимъ бывшія академическія распри, которые такъ рѣшены что отъ всѣхъ профессоровъ взяты сказки порознь, стоитъ ли кто на своемъ на Шумахера доносъ. На что какъ отвѣтствовано неизвѣстно, но то вѣдомо, что Шумахеръ остался по прежнему въ своей силѣ и вскорѣ получилъ большее подкрѣпленіе.“ Делиль, старшій изъ академиковъ, и Гмелинъ оставили Академію. Гмелинъ отправился въ отпускъ, за поручительствомъ Миллера и Ломоносова, которому Крашенинниковъ о „Гмелиномъ добромъ сердцѣ и склонности къ россійскимъ студентамъ“ сказывалъ, и не вернулся „вѣроятно для того, замѣчаетъ Ломоносовъ, что онъ чрезъ пріятельскія письма слышалъ о продолженіи худаго состоянія Академіи и о Шумахерской больше прежняго власти“.

Въ эпоху адъюнктства Ломоносова прибыла въ Петербургъ его жена съ дочерью. Объ этомъ Штелинъ разсказываетъ такъ: „Между тѣмъ его оставленная въ Марбургѣ жена не получала никакихъ извѣстій о его мѣстопробываніи, и въ продолженіе двухъ лѣтъ не знала, куда онъ дѣвался. Въ томъ

невѣдѣніи и безпокойствѣ обратилась она (1743) къ императорскому російскому посланнику въ Гагѣ, графу Головкину, по первому письму своего мужа, присланному имъ по прибытіи его въ Голландію. Она убѣдительно просила графа.... извѣстить ее, для успокоенія ея глубокой горести, куда отправился и гдѣ теперь находится мужъ ея, студентъ Ломоносовъ. При томъ она написала къ нему письмо, въ которомъ открывала ему свою нужду и просила его помочь ей сколько возможно скорѣе. Графъ Головкинъ послалъ это письмо съ своею реляціею къ канцлеру графу Бестужеву, и просилъ его доставить отвѣтъ. Графъ Бестужевъ, не освѣдомляясь о содержаніи письма, ни о причинѣ требуемаго отвѣта, поручилъ статскому совѣтнику Штелину передать его кому слѣдуетъ, и доставить ему непременно отвѣтъ. Никто и не воображалъ, чтобъ Ломоносовъ былъ женатъ. Но онъ самъ, полагая что графъ Головкинъ узналъ всѣ обстоятельства отъ его оставленной имъ жены, прочиталъ письмо и воскликнулъ: „Правда, правда, Боже мой! я ни-когда не покидалъ ее и никогда не покину; только мои обстоятельства препятствовали мнѣ до сихъ поръ писать къ ней и еще менѣе вызвать ее къ себѣ. Но пусть она придетъ, когда захочетъ; я завтра же пошлю ей письмо и 100 руб. денегъ, которыя попрошу передать ей.“ То и другое было отослано къ посланнику въ Гагу, а онъ немедленно переслалъ все въ Марбургъ, и въ томъ же году жена его съ ребенкомъ и въ сопровожденіи брата пріѣхала черезъ Любеку въ Петербургъ къ своему обрадованному мужу, котораго она нашла здоровымъ и веселымъ, въ довольно хорошо устроенной академической квартирѣ,...

VII.

Ученые академическіе труды Ломоносова, давшіе ему права на повышеніе въ профессорскомъ званіе, написаны на латинскомъ языкѣ и помѣщены въ первомъ томѣ *Новыхъ Комментаріевъ Академіи* выданномъ въ свѣтъ въ 1751 году (*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petro-*

politanae. Petropoli 1750). Эти труды были исполнены еще въ то время когда при Академіи не было даже лабораторіи, объ устройствѣ которой Ломоносовъ хлопоталъ съ 1742 года и которая была отстроена лишь въ октябрѣ 1748 года. Они имѣютъ характеръ преимущественно теоретическій. По оригинальности основной идеи, занимавшей Ломоносова потому въ продолженіи всей его ученой дѣятельности, и глубинѣ ея развитія, они обратили на себя вниманіе ученыхъ и доставили Ломоносову извѣстность въ Европѣ. Появленіе ученыхъ трудовъ Ломоносова въ академическихъ *Комментаріяхъ* есть вмѣстѣ съ тѣмъ важная эпоха въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ первый разъ „природный Россіянинъ“ вступалъ какъ равный въ ряды европейскихъ ученыхъ. Оправдывалась надежда Петра и на призывъ его пришедшій съ дальняго сѣвера сынъ рыбака доказалъ что наука не только можетъ говорить русскимъ языкомъ, но и двигаться впередъ русскимъ умомъ.

Основная идея Ломоносова, на которой онъ мечталъ впоследствии построить всю „натуральную философію“, есть идея о *коловратномъ* (вращательномъ) *движеніи частицъ* развитая въ его главномъ мемуарѣ *Размышленія о причинѣ тепла и холода* („*Meditationes de caloris et frigoris causa*“). Въ эпоху Ломоносова мнѣнія о происхожденіи тепла были весьма различны. Одни держались ученія Бекона и Декарта, рассматривавшихъ теплоту какъ движеніе малѣйшихъ частицъ тѣлъ. Другіе допускали существованіе матеріи огня и принимали теплоту за особое тонкое вещество. Знаменитый учитель Ломоносова, Вольфъ, держался послѣдняго мнѣнія. На страницахъ 67 и 68 *Вольфianской физики*, переведенной Ломоносовымъ (второе тисненіе 1760 года) читаемъ: „Теплота есть нѣкоторая тонкая матерія весьма скоро движущаяся.... Теплота и безъ воздуха распространяется и слѣдовательно есть матерія, которая воздуха много тончае и въ которой движеніи теплота состоитъ. Мы станемъ ее называть теплотворною матеріею. Аристотелическимъ штилемъ можно оную назвать огненною стихіею.“ Ломоносовъ отступилъ отъ этого мнѣнія. О его гипотезѣ можно получить понятіе изъ краткаго ея

изложенія сдѣланнаго Ломоносовымъ въ третьемъ прибавленіи ко второму изданію переведенной имъ *Вольфганской физики*. Ломоносовъ говоритъ:

„Для опроверженія теплотворной нарочной матеріи, а особливо ея прехожденія, и для установленія моей системы теплотворнаго движенія, предлагаю здѣсь сокращеніе диссертациі о причинѣ теплоты и стужи, изъ академическихъ *Новыхъ Комментаріевъ* въ томѣ первомъ: 1) теплота и огонь производится движеніемъ; 2) движеніе должно быть въ матеріи; и какъ движеніе безъ матеріи, такъ и огонь безъ движенія быть не можетъ; 3) матерія есть двояка, собственная, тѣла составляющая, или посторонняя, что содержится въ скважинахъ собственной; 4) итакъ теплота происходитъ отъ движенія собственной, либо посторонней, либо обѣихъ вкупѣ; 5) опыты показываютъ, что чѣмъ собственная матерія въ тѣлѣ гуще, а посторонняя рѣже, тѣмъ теплота и огонь въ тѣлѣ сильнѣе. Напримѣръ соломою крѣпко сверченною печь натопить можно, а рыхлою нельзя; дрова твердыя больше жару даютъ, нежели трухлыя и проч. Сверхъ того вновь найденныя электрическіе опыты показываютъ что посторонняя матерія двигаясь великою скоростію въ скважинахъ тѣлъ холодныхъ, ихъ, не разжигаетъ; 6) слѣдуетъ, что движенія частицъ тѣла составляющихъ есть теплоты причина; 7) движеніе частицъ три возможны, первое проходное съ мѣста на мѣсто, второе коловратное около оси, третье зыблющееся частнымъ въ нечувствительное время трясеніемъ; 8) проходное движеніе частицъ не можетъ быть причиною теплоты, затѣмъ что самыя твердыя тѣла не имѣя онаго превеликой жаръ получаютъ, а жидкія въ великомъ такомъ движеніи студены остаются; 9) зыблющемуся движенію также причиною теплоты быть не возможно, для того что при трясеніи частицъ нельзя имъ стоять ни въ взаимномъ прикосновеніи, ни въ союзѣ, ниже имѣть малѣйшей твердости; а многочисленныя тѣла горячія весьма тверды; 10) итакъ теплоты тѣлъ причиною быть надлежитъ коловратному движенію частицъ собственныхъ, тѣла составляющихъ; 11) сн доказательства подтверждаются многихъ явленій изъясненіями по системѣ теплотворнаго движенія, и опроверженіями основаній теплотворныя матеріи; о чемъ въ вышеупомянутой диссертациі яснѣе и пространнѣе видѣть можно“.

О теоріи Ломоносова германскій ученый Мунке въ статьѣ *Теплота* въ знаменитомъ *Гелеровомъ Физическомъ Словарѣ*

(*Gehlers Physikalisches Wörterbuch*, т. X, 56. Leipzig 1841 г.) при обзорѣ теоретическихъ ученій о теплѣ говоритъ: „Ломоносовъ всѣ явленія тепла выводитъ изъ *motus gyratorius elementorum corporis*, при чемъ тщетно старается помощію искусственныхъ гипотезъ приладить къ этой теоріи явленіе холода при дѣйствіи охлаждающихъ смѣсей.“ Хотя теорію Ломоносова нельзя считать удовлетворительнымъ объясненіемъ явленій тепла, тѣмъ не менѣе нельзя не признать той глубокой проницательности, съ какою онъ остановился вниманіемъ на третьей формѣ движенія частицъ (двѣ другія: поступательное и колебательное движеніе), лишь въ новѣйшее время привлекевшей вниманіе ученыхъ (Деларивъ, Клаузіусъ), и той вѣрности взгляда, которая побудила его принять идею, принадлежащую нынѣ къ основнымъ истинамъ физическаго ученія: что теплота есть одинъ изъ видовъ движенія. Замѣтимъ мимоходомъ что французскій ученый Гёферъ въ своей *Истории Химіи* (*Histoire de la Chimie* par F. Hoefer, т. II, 367; 2-me ed. 1869 г.), именуя химиковъ середины прошлаго столѣтія, не рѣшился допустить мысли, чтобы ученый авторъ академическихъ мемуаровъ былъ вмѣстѣ и знаменитый поэтъ, и говоритъ: „между Русскими пріобрѣтшими извѣстность какъ химики назовемъ Мих. Ломоносова, котораго не должно смѣшивать съ поэтомъ этого имени.“

Мемуаръ *объ упругой силѣ воздуха* (представленъ въ Академію въ 1748 году) („*De vi aëris elastica*“), находящійся въ ближайшей связи съ первымъ, имѣетъ въ предметѣ объяснить упругость тѣла зависящимъ отъ тепла движеніемъ его частицъ, не прибѣгая къ идеѣ притягательныхъ дѣйствій. Въ этомъ мемуарѣ, говоритъ Ломоносовъ въ обзорѣ своихъ ученыхъ трудовъ составленномъ въ 1764 г. *, „любители основательной натуральной науки найдутъ объясненіе явленій (упругости) путемъ механическимъ, устраняя всякія предположенія о причинѣ упругости упругихъ частицъ.“ „*Solutionum Theoria*, читаемъ въ томъ же обзорѣ

---

* *Журн. Мин. Нар. Пр.* статья г. Будиловича, № 8, 1869 г., стр. 329.

о третьемъ мемуарѣ Ломоносова, основанная на химическихъ опытахъ и началахъ физическихъ, представляетъ первый примѣръ и образецъ для составленія истинной физической химіи, особенно потому что объясненіе явленій основывается на твердыхъ механическихъ законахъ, а не на жалкомъ основаніи притяженія (*miserо attractionis subsidio*).“ Значеніе послѣдней фразы уяснимъ ниже.

Въ четвертомъ мемуарѣ Ломоносовъ объясняетъ движеніе воздуха въ рудникахъ. Противъ этого объясненія не нашли ничего сказать ученые противники Ломоносова, напавшіе на его гипотезы.

Изъ этихъ сочиненій мемуары о теплѣ и холодѣ и о движеніи воздуха въ рудникахъ (съ присовокупленіемъ записки *О красящихъ началахъ металловъ*, *De tinctura metallorum*, представленной въ Академію 14 іюня 1745 года) суть тѣ академическіе труды за которые, главнымъ образомъ, удостоенъ Ломоносовъ, по опредѣленію академической конференціи 17 іюня 1745 года и съ утвержденія императрицы, званія профессора Академіи. Мемуаръ о движеніи воздуха читанъ въ Академіи въ 1748 году.

Сохранился отзывъ знаменитаго Эйлера о мемуарахъ Ломоносова. Происхожденіе этого отзыва самъ Ломоносовъ разказываетъ такимъ образомъ. * Послѣ назначенія Ломоносова профессоромъ и отпуска суммы на постройку лабораторіи „для отнятія сего всего умыслилъ совѣтникъ Шумахеръ и ассесора Теплова пригласилъ, чтобы мои апробованныя уже диссертациі въ общемъ академическомъ собраніи, послать въ Берлинъ къ профессору Эйлеру, конечно съ тѣмъ чтобъ ихъ онъ охулилъ.... Ассесоръ Тепловъ, Ломоносову тайно показавъ аттестатъ Эйлеровъ о его диссертацияхъ великими похвалами преисполненный, объявилъ что-де Шумахеръ хотѣлъ его опредѣлить въ переводамъ, а отъ профессорства отлучить.“ Отвѣтъ Эйлера, какъ видно изъ бумагъ Ломоносова, былъ написанъ на имя президента Академіи графа Разумовскаго. Это обстоятельство доказываетъ что письмо Эйлера относится не къ 1745 году, а позднѣе, такъ

* *Исторія акад. канцеляріи* Билярскій, 065.

какъ графъ Разумовскій назначенъ президентомъ Академіи 21 мая 1746 года. Отзывъ сохранился на французскомъ языкѣ, но неизвѣстно, есть ли это подлинный текстъ Эйлера, такъ какъ въ спискѣ сохранившемся въ бумагахъ Ломоносова послѣдній сдѣлалъ своею рукою небольшія отмѣны и поправки во французскихъ фразахъ. Вотъ этотъ отзывъ въ русскомъ переводѣ самого Ломоносова: „Всѣ сіи диссертациі не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо онъ (Ломоносовъ) пишетъ о матеріяхъ физическихъ и химическихъ весьма нужныхъ, которыя по нынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди. Чтò онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ въ справедливости его изъясненій. При семъ случаѣ г-ну Ломоносову долженъ отдать справедливость что имѣетъ превосходное дарованіе для изъясненія физическихъ и химическихъ явленій. Желать должно чтобъ и другія академіи въ состояніи были произвести такія откровенія какія показалъ г-нъ Ломоносовъ.“ * Нынѣ трудно рѣшить на сколько справедливы подозрѣнія Ломоносова относительно цѣли съ какою Шумахеръ послалъ его мемуары къ знаменитому ученому, тогда уже оставившему Петербургскую Академію, но пытавшему самое благодарное чувство къ Россіи и къ Академіи.

Эйлеръ и впослѣдствіи постоянно съ величайшимъ доброжелательствомъ относился къ успѣхамъ Ломоносова. Въ сборникѣ аттестатовъ и отзывовъ составленномъ Ломоносовымъ и сохранившемся въ его бумагахъ встрѣчаемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Эйлера, служащихъ тому доказательствомъ. Въ письмѣ отъ 23 марта 1748 года Эйлеръ говоритъ (пере-

---

* „Toutes ces pièces sont non seulement bonnes mais aussi tout à fait excellentes, car il traite des matières de la physique et de la chymie, qui étoient jusqu'à présent inexplicables aux plus grands génies, avec tant de solidité, que je suis tout à fait persuadé de la justesse de ses explications. A cette occasion je félicite Mons. Lomonosow de posséder le plus heureux génie pour expliquer les phaenomènes dans la physique et dans la chymie. Il seroit à souhaiter, que les autres academies fussent en état de produire semblables découvertes que Mr Lomonosow vient de faire“.

водъ съ латинскаго самого Ломоносова): „Сколь много проницательности и глубинѣ вашего остроумія въ изъясненіи трудныхъ химическихъ вопросовъ я удивлялся такъ равномерно ваше ко мнѣ письмо было пріятно.... Изъ вашихъ сочиненій съ превеликимъ удовольствіемъ я усмотрѣлъ, что вы въ истолкованіи химическихъ дѣйствій далече отъ прежняго у химиковъ обыкновенія отступили и съ препространнымъ искусствомъ (знаньемъ) въ практикѣ высочайшее основательной физики знаніе вездѣ совокупляете. Почему не сомнѣваюсь что нетвердыя и сомнительныя основанія сея науки приведете къ полной достовѣрности; такъ что ей послѣднее мѣсто въ физикѣ по справедливости дано быть можетъ“. Въ письмѣ отъ 30 марта 1754: „Какъ я всегда удивлялся счастливому вашему остроумію, которымъ въ толь разныхъ наукахъ превосходишь и натуральныя явленія съ особеннымъ успѣхомъ изъясняешь, такъ пріятно было мнѣ извѣстіе... Достойное васъ дѣло есть что вы стеклу всевозможныя цвѣты дать можете. Здѣшніе химики сіеизобрѣтеніе за превеликое дѣло почитаютъ?“

31-го января 1748 года Эйлеръ писалъ изъ Берлина (къ Шумахеру, какъ полагаетъ г. Билярскій): „Въ нынѣшнемъ году здѣсь для преміи назначена задача *generatio nitri* (происхожденіе селитры). Сомнѣваюсь чтобъ кто нибудь могъ лучше написать объ этомъ (*darüber etwas besseres wird aufsetzen können*) чѣмъ г. Ломоносовъ, котораго и прошу васъ уговорить предпринять эту работу. Весьма безъ сомнѣнія было бы славно, еслибы такъ награду получилъ членъ Императорской Академіи и притомъ Русскій“. Ломоносовъ отозвался на призывъ Эйлера, но прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію задачи о селитрѣ, занялся изслѣдованіемъ вопроса объ упругости воздуха и размышленія свои высказалъ въ вышеупомянутомъ мемуарѣ *Tentamen theoriae de vi aeris elastica*, который въ іюнѣ 1748 года и поспѣшилъ препроводить къ Эйлеру. „Узнавъ, писалъ онъ, родовую (*generina*) причину упругости воздуха, полагаю, легче будетъ можно открыть причину, которою воздухъ сгущается въ селитрѣ“. Между бумагами Ломоносова въ Академической библіотекѣ сохранилась собственноручная чер-

новая тетрадь Ломоносова *De nitro* занимающая 32 страниц мелкаго письма, но не конченная. Г. Билярскій полагаетъ что это же диссертация, которую Ломоносовъ приготавлиалъ къ берлинскому конкурсу, но не послалъ, не успѣвъ окончить къ сроку.

VIII.

Имя Эйлера тѣсно связано съ исторіей Петербургской Академіи. Считаемо не лишнимъ привести нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ этомъ знаменитомъ ученомъ. Одинъ изъ величайшихъ математическихъ гениевъ всѣхъ временъ, Эйлеръ былъ сынъ пастора въ Базелѣ, родился 15 апрѣля 1707 года и назначался къ духовному званію, согласно желанію отца, поощрявшаго, впрочемъ, его и математическія, рано обнаружившіяся наклонности. Близость съ знаменитыми математиками Бернулли, отцемъ и сыновьями, Николаемъ и Даніиломъ, рѣшила судьбу Эйлера. Молодые Бернулли, откликнувшись на призывъ Петра, приняли предложеніе вступить въ Петербургскую Академію, въ 1726 году переселились въ Петербургъ и чрезъ годъ пригласили своего друга послѣдовать ихъ примѣру, рекомендуя ему въ особенности заняться приложеніемъ математики къ физиологіи. Вступивъ адъюнктомъ въ Петербургскую Академію, Эйлеръ скоро своими блестящими и многочисленными мемуарами, составляющими главное ученое богатство ученыхъ собраній первой эпохи существованія Академіи, приобрѣлъ всеобщую извѣстность. Біографъ Эйлера, Фуссъ *, указываетъ, какъ на удивительный подвигъ математическаго гения Эйлера на случай имѣвшій мѣсто въ 1735 году. Дѣло шло о вычисленіи, которое необходимо было сдѣлать въ возможно скоромъ времени. Другіе математики требовали для него три мѣсяца времени. Эйлеръ обязался сдѣлать его въ три дня и исполнилъ обѣщаніе къ великому удивленію Академіи. Но трудъ этотъ дорого стоилъ Эйлеру. Онъ забодѣлъ горяч-

---

* *Nova acta Academica Petropolitanae*, 1787. T I, 159.

кою, отъ которой съ трудомъ оправился, лишившись глаза вследствие нарыва случившагося во время болѣзни. Непрочное положеніе Академіи въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія побудило Эйлера покинуть Петербургъ и принять предложеніе прусскаго посланника, пригласившаго его по порученію Фридриха II, въ Берлинскую Академію. Переѣздя въ Берлинъ, случившійся въ тотъ самый годъ и мѣсяцъ когда Ломоносовъ прибылъ въ свое отечество, не нарушилъ нравственной связи Эйлера съ Петербургскою Академіею, и онъ при всякомъ случаѣ старался доказать свое доброжелательство къ ученому собранію привѣтствовавшему его первые успѣхи и къ странѣ радушно его принявшей. 18 ноября 1749 года онъ писалъ къ Шумахеру: „Я и прочіе имѣвшіе счастье состоять нѣкоторое время при русской Императорской Академіи Наукъ, мы всѣ должны сознаться какъ полезны были для насъ тѣ благопріятныя обстоятельства которыя только тамъ находились. Что касается собственно до меня, то если бы я не имѣлъ такого превосходнаго случая (приглашенія въ Россію), то былъ бы вынужденъ обратиться преимущественно къ изученію такихъ наукъ, отъ которыхъ по всей вѣроятности только отупѣлъ бы. Недавно его королевское величество (Фридрихъ II) спросилъ меня: гдѣ я изучалъ то что знаю. Я отвѣчалъ, согласно истинѣ, что всѣмъ обязанъ моему пребыванію въ Петербургской Академіи Наукъ.“ * Блестящая заря восшедшая надъ Россіей, съ воцареніемъ Екаторины Второй, вновь привлекла Эйлера и въ 1766 году, когда Ломоносовъ лишь недавно сошелъ со сцены. Эйлеръ принялъ выгодныя и почетныя предложенія государыни, желавшей поднять Академію, и переселился въ Россію, простившись съ берлинскими друзьями и въ особенности съ семействомъ Маркграфа Бранденбургъ-Шведскаго ** Дочерямъ маркграфа Эйлеръ давалъ уроки и къ нимъ писалъ, во время

* *Записки Акад.*, VII, 1865 г. прилож. № 4, стр. 8. статья г. Пекерскаго

** Marggrave régnant de Brandenbourg-Schwedt, какъ сказано въ біографіи Фусса.

пребыванія въ Магдебургѣ, знаменитыя письма изданныя въ Петербургѣ подъ заглавіемъ *Lettres à une princesse allemande* (Письма къ одной нѣмецкой принцессѣ) и немедленно переведенныя Румовскимъ по русски. Въ эту эпоху Эйлеръ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ въ Берлинѣ, куда въ 1763 году былъ приглашенъ Даламбертъ, ученый противникъ Эйлера. Хитрый Таубертъ (зять Шумахера) даже совѣтовалъ Разумовскому воспользоваться обстоятельствами и не давать Эйлеру болѣе 1500 жалованья для него и 500 рублей для его сына, „Болѣ сего, писалъ Таубертъ, ему и сыну его давать не совѣтую, вѣдая совершенно что онъ, по нынѣшнему своему крайнему неудовольствію, на сіи кондиціи пріѣхать не отречется“. Но Екатерина поспѣшила согласиться на всѣ условія предложенныя Эйлеромъ и писала въ Берлинъ къ графу Воронцову ведущему переговоры: „При настоящемъ положеніи Академіи тамъ нѣтъ денегъ на жалованье въ 3000 рублей, но для человѣка съ такими достоинствами какъ г. Эйлеръ я добавлю къ академическому жалованью изъ государственныхъ доходовъ, что вмѣстѣ составитъ требуемые имъ 3000. У него будетъ казенная квартира и ни тѣни солдатъ“ (Эйлеръ боялся постоя). Сыну Эйлера было дано 1000 рублей жалованья; другому сыну, меднеу предложено мѣсто; предложено мѣсто и третьему сыну, артиллеристу, на случай если его отпустить изъ Берлина. Кондорсе * въ похвальному слову Эйлеру, напечатанномъ въ мемуарахъ Парижской Академіи Наукъ (1783 г.), увѣряетъ будто бы Эйлеру, согласно русскому обычаю давать чины ученымъ, былъ предложенъ чинъ генералъ-маіора, но онъ отказался. На дѣлѣ было иначе. Эйлеръ желалъ имѣть чинъ; но Екатерина отвѣчала: „Я дала бы ему, когда онъ хочетъ, чинъ (зачеркнуто: коллежскаго совѣтника), если бы не опасалась что этотъ чинъ сравняетъ его со множествомъ людей, которые не стоить г. Эйлера. По истинѣ его извѣстность лучше чина для оказанія ему должнаго уваженія“. Пруссійскій король долго не рѣшался отпустить Эйлера, такъ

---

* Замѣчаніе г. Пекарскаго.

что послѣдній вынужденъ былъ въ письмѣ своемъ почтительно напомнить о своемъ швейцарскомъ подданствѣ. По отъѣздѣ Эйлера король писалъ 15 юля 1766 года къ Даламберту: „Г. Эйлеръ, до безумія любящій большую и малую мѣдвѣдцы, приблизился къ сѣверу для большаго удобства къ ихъ наблюденію. Корабль нагруженный его x , z , его k , h , все пропало, а это жалко потому что тамъ было чѣмъ наполнить шесть фоліантовъ статей испещренныхъ отъ начала до конца цифрами. По всей вѣроятности, Европа лишится пріятной забавы которая была бы ей доставлена чтеніемъ ихъ“. Но едва успѣлъ Эйлеръ устроиться въ Петербургѣ и воспользоваться милостію Императрицы, подарившей ему на обзаведеніе 8000 рублей, какъ его постигла жестокая болѣзнь, отъ которой онъ едва оправился съ полною потерей зрѣнія. Но и слѣпой Эйлеръ не покидалъ занятій, и пребываніе его въ Петербургѣ ознаменовалось цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ сочиненій. Эйлеръ говаривалъ Орлову что обѣщаетъ доставить Академіи достаточно мемуаровъ, чтобы наполнить ея собранія въ продолженіи двадцати лѣтъ по его смерти. Онъ скончался отъ апоплексическаго удара 7 сентября 1783 года. Академія въ октябрѣ того же года имѣла экстраординарное собраніе, на которомъ въ присутствіи президента, княгини Дашковой, и академиковъ въ глубокомъ траурѣ, академикъ Фуссъ читалъ похвальное слово своему знаменитому учителю. По смерти своей Эйлеръ оставилъ въ рядахъ членовъ Академіи восемь даровитыхъ учениковъ: Эйлера (сына), Котельникова, Румовскаго, Крафта, Лекселя, Иноходцева, Головина, Фусса. Котельниковъ и Румовскій, еще будучи студентами, во время своей посылки за границу, въ Берлинѣ жили въ семействѣ Эйлера и пользовались его ближайшими попеченіями. У Эйлера въ домѣ жилъ также молодой графъ Разумовскій съ воспитателемъ своимъ Григоріемъ Тепловымъ и пользовался его уроками. Это тотъ самый Разумовскій, который въ 1746 году былъ назначенъ президентомъ Академіи. Пребываніе Эйлера въ Россіи имѣло обширное вліяніе на распространеніе и укорененіе математическихъ знаній

въ нашемъ отечествѣ. Прибавимъ что Эйлеръ на столько зналъ по русски что могъ писать русскія письма къ Нартову, Теплову, Разумовскому. Въ *Академическихъ Извѣстiяхъ* на русскохъ языкѣ, (изданіе которыхъ начато въ 1779 году обществомъ академиковъ, при исчисленіи заслугъ оказанныхъ наукѣ и русскому просвѣщенію Петербургскою Академіей, великіе труды Эйлера поставлены на первомъ планѣ, и прежде всего упоминается о „калькулѣ синусовъ“, о разрѣшеніи безчисленнаго множества задачъ высшей математики, о политической ариѳметикѣ, излѣдованіяхъ діоптрическихъ и акустическихъ, о полной теоріи луны, „трудѣ неимовѣрно исполненномъ тремя нашими академиками (Эйлеръ сынъ, Лексель и Крафтъ) подъ руководствомъ наперстника природы Эйлера“.

Упомянувъ объ *Извѣстiяхъ*, приведемъ кстатѣ высказанное тамъ сужденіе о Ломоносовѣ. Сужденіе это показываетъ, что ближайшее къ Ломоносову поколѣніе, подобно его современникамъ, цѣнило его прежде всего какъ поэта и писателя. „Къ успѣхамъ, каковыя, сказано тамъ (часть I, стр. 42), Академія произвела въ наукахъ, естественно, кажется, приложить успѣхи, каковыя сдѣлали въ Россіи *изысканныя писмена*..... Начало и распространеніе Россійскихъ письменъ въ Россіи есть плодъ нынѣшняго вѣка: изученіе языка, возчувствованіе согласія, кое онъ произвести удобенъ, установленіе правилъ стихотворенія изъ свойства его произведенныхъ, коими столько вкусъ и умотвореніе воспользовались, открыли и утвердили новыя красоты языку нашему; кои и возсіали въ гремѣщихъ одахъ великаго Ломоносова, гдѣ величественность изображеній описана столь смѣлою кистью, столь выразительными чертами, столь обольщающими красками, гдѣ воображенію человѣческому представляются новыя картины, занимающія умъ и улаждающія сердце его. Дарованія сего писателя въ семь родѣ были столь велики, столь отмѣнны, столь возжелѣнны, что мы знаемъ многихъ воздыхающихъ о томъ, что сей великій разумъ былъ ко всему удобенъ и раздѣлялъ время свое между всѣми отраслями науки, въ ущербъ письмену, въ коихъ его никто заступитъ: еще не могъ.“

IX.

Первый томъ *Новыхъ Комментаріевъ* Академіи подвергся разбору въ различныхъ ученыхъ журналахъ, и мемуары Ломоносова, какъ произведеніе русскаго ученаго, остановили на себѣ особое вниманіе критиковъ.

Теоретическія воззрѣнія русскаго академика вызвали многія возраженія. Прежде всѣхъ выступилъ безымянный рецензентъ Лейпцигскаго журнала *Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis* (Vol. I, pars I, 1762 г.), за тѣмъ появились отзывы въ *Медицинской Библіотекѣ* Фогеля и *Гамбургскомъ Магазинѣ*. Въ октябрѣ 1754 года магистръ Іоаннъ Христофъ Арнольдъ, желая занять мѣсто доцента физики при Эрлангенскомъ университетѣ, избралъ теорію тепла Ломоносова предметомъ своего разсужденія; онъ напечаталъ и публично защищалъ диссертацию, въ которой доказывалъ невозможность объяснить теплоту „движеніемъ частицъ тѣлъ, вращательнымъ около осей“. (*De calore motu particularum corporis eoque rotatorio circa axes utique explicando*). Возраженія иностранныхъ критиковъ, заставившія Ломоносова (письмо къ Эйлеру отъ 28 ноября 1754 г.) даже „подозрѣвать что тутъ кроется змѣя подъ травой и что столь незаслуженная и оскорбительная клевета распространяется коварствомъ какого-то заклятаго врага“ *, раздражили Ломоносова. Онъ заявилъ въ августѣ 1754 года въ засѣданіи Академіи о своемъ намѣреніи отвѣчать рецензентамъ приписавшимъ ему мнѣнія которыхъ онъ не выражалъ. Академики одобрили намѣреніе Ломоносова, который въ ноябрѣ, послѣ появленія диссертациі Арнольда, послалъ къ Эйлеру свое опроверженіе и просилъ помочь въ его обнародованіи, находя „самымъ удобнымъ къ тому способомъ, чтобы.... это опроверженіе студентъ какого либо университета, по напечатаніи его, публично защитилъ“. „Послѣ же можно будетъ, прибавлялъ Ломоносовъ, помѣстить въ ученомъ журналѣ разборъ этого труда противъ

---

* Ломоносовъ подозрѣвалъ Миллера.

враждебныхъ показаній. Издержки напечатанія мною будутъ сполна возвращены“. Эйлеръ отвѣчалъ 4 февраля 1755 года: „Милостивый государь, мой другъ. Недобросовѣстность и слогъ нѣмецкихъ газетчиковъ мнѣ очень хорошо извѣстны и нисколько не трогаютъ меня; я смѣюсь, видя какъ они терзаютъ и стараются уронить прекраснѣйшія сочиненія“. Указавъ что между такими критиками первенствуетъ лейпцигской профессоръ Кестнеръ, Эйлеръ продолжаетъ: „Всякій знаетъ что появившіеся до сихъ поръ физическіе трактаты о причинахъ тепла еще не разъяснили вполне этого предмета и занимающіеся его изслѣдованіемъ заслуживаютъ величайшей похвалы. Васъ, м. г., нельзя не благодарить за то что вы разсѣяли мракъ покрывавшій доселѣ этотъ вопросъ. Я не считаю особенно нужнымъ устраивать въ защиту вашу, какъ вы предлагали, академическій диспутъ который вѣроятно остался бы неизвѣстнымъ и подвергся бы участи столькихъ другихъ не сообщенныхъ публикѣ. Между тѣмъ я передалъ вашъ мемуаръ нашему сочлену г. профессору Формею, который мнѣ обѣщалъ помѣстить ваши возраженія во французскомъ журналѣ что будетъ, какъ мнѣ кажется, единственнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ защиты“. Ломоносовъ помѣстилъ письмо Эйлера во французскомъ переводѣ, въ Петербургскомъ журналѣ *Caméléon Littéraire*, изданіи псевдонимнаго барона Чуди (le chevalier de Lussy). Обнародованіе письма не назначавшагося въ печати, въ особенности съ упоминаніемъ имени Кестнера, было весьма непріятно Эйлеру, такъ какъ могло поссорить его съ нѣмецкими критиками. Онъ выразилъ свое неудовольствіе въ письмахъ къ Миллеру и Шумахеру. Статья Ломоносова, помѣщенная Формеемъ въ его журналѣ *Bibliothèque germanique* на французскомъ языкѣ (оригиналъ былъ писанъ по-латыни), носитъ заглавіе *Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des ouvrages destinés à maintenir la liberté de philosopher* („О должности журналистовъ въ изложеніи ими сочиненій назначенныхъ для поддержанія свободы разсужденія“). „Всякій знаетъ, говоритъ Ломоносовъ въ началѣ статьи, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ какъ было

сброшено иго рабства, и мѣсто его заступила свобода сужденія. Но нельзя не сказать также что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожь далеко не было бы такъ велико, еслибы бѣольшая часть пишущихъ не смотрѣла на свое авторство, какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того чтобы имѣть въ виду точное и основательное изслѣдованіе истины“. Указывая правила, которымъ по его мнѣнію обязаны слѣдовать рецензенты при разборѣ ученыхъ трудовъ, Ломоносовъ останавливается на критикѣ его теорій какъ на образцѣ недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу.

„Уже начало, указываетъ Ломоносовъ, возбѣщаетъ намѣренія журналиста; онъ грозитъ, молнія образуется въ облакѣ и готова разразиться. Г. Ломоносовъ, говоритъ онъ, *хочетъ идти дальше простыхъ опытовъ*. Какъ будто физикъ не имѣетъ права подняться выше рутинны и практики опытовъ; какъ будто онъ не призванъ подчинить ихъ разумнѣю и чрезъ то достигъ открытій! Осужденъ ли, напримѣръ, химикъ вѣчно держать въ одной рукѣ щипцы, въ другой тигель и не подыматься выше углей и пеплу“? Свое стремленіе проникнуть въ міръ частицъ Ломоносовъ оправдываетъ приводя замѣчательное выраженіе Роберта Бойля, что „познаніе (частицъ) толь нужно есть испытателямъ натуры, какъ сами онныя частицы въ составленіи тѣлъ необходимо потребны“ (въ такихъ словахъ приводитъ Ломоносовъ изреченія Бойля въ *Словѣ о пользѣ химіи*, говоренномъ 6 сентября 1751 года). Прибавимъ что ту же мысль Ломоносовъ развиваетъ въ слѣдующемъ характеристическомъ мѣстѣ въ рѣчи: *О происхожденіи свѣта* (сказанной 1 іюля 1756). „И такъ нынѣ прошу сіе изъясненіе моихъ мыслей о происхожденіи цвѣтовъ принять за благо и терпѣливо обождать, ежели Богъ совершить судить, всей моей системы. Особливо жъ тѣмъ представляю, которые обращаясь съ похвалою въ одной химической практикѣ, выше углей и пепелу головы своей поднять не смѣютъ, дабы они изысканія причинъ и натуры первоначальныхъ частицъ, тѣлъ составляющихъ, отъ которыхъ цвѣты и другія чувствительныхъ тѣла свойства происходятъ,

не почитали тщетнымъ и суемудреннымъ. Ибо знаніе первоначальныхъ частицъ толь нужно въ физикѣ, коль самыя первоначальныя частицы нужны къ составленію тѣлъ чувствительныхъ. Для чего толь многіе учинены опыты въ физикѣ и въ химіи? Для чего толь великихъ мужей были труды и жизни опасныя испытанія? Для того ли только, чтобъ собравъ великія множества разныхъ вещей и матерій въ безпорядочную кучу, глядѣть и удивляться ихъ множеству, не размышляя о ихъ расположеніи и приведеніи въ порядокъ?*

Мы обозрѣли академическіе труды Ломоносова. Если присоединимъ къ указаннымъ мемуарамъ записку объ изобрѣтенномъ ими самоотмѣчающемъ анеометрѣ замѣчательно остроумнаго устройства, помѣщенную во II томѣ *Новыхъ Комментаріевъ*, то получимъ все напечатанное Ломоносовымъ въ академическихъ актахъ. Съ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка онъ принималъ, для изложенія своихъ размышленій и опытовъ въ области физическихъ наукъ, иную форму,—форму рѣчей произносимыхъ на торжественныхъ собраніяхъ Академіи. Первый русскій ученый, ораторъ и поэтъ своего времени, онъ, естественно являлся представителемъ Академіи науки предъ русскимъ обществомъ въ дни академическихъ торжествъ. Форма рѣчи, съ другой стороны, наиболѣе подходила къ самому характеру какой должны были принять чисто ученныя занятія Ломоносова въ общемъ кругѣ его поразительно разнообразной, умственной дѣятельности. Эта форма позволяла ему, не стѣсняясь требованіями полноты и строгости академическаго мемуара, свободно высказывать теоретическіе взгляды, рождавшіеся въ его головѣ въ минуты которыя онъ могъ отдать ученымъ размышленіямъ,—давать указанія, выражать надежды, набрасывать планы новыхъ снарядовъ и опытовъ, приводить тамъ и сямъ результаты собственныхъ изысканій въ лабораторіи и кабинетѣ. Сознавая свое призваніе какъ первоначальника науки въ Россіи, Ломоносовъ такъ выражалъ задачу своей дѣятельности (замѣтка въ черновыхъ бумагахъ, относящаяся къ пятидесятымъ годамъ): * „Начинаю

---

* *Журн. Мин. Нар. Пр.* августа 1869, статья г. Будиловича.

съ словесныхъ наукъ и ежели Богъ велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ.... Я самъ и не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать“ *. Къ И. И. Шувалову, который торопилъ его составленіемъ русской исторіи, онъ писалъ: „Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертации, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъясненіямъ радости; составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего болѣе требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе только бы что путное родилось“ (письмо 31 мая 1753 г.). „Что до другихъ моихъ, пишетъ Ломоносовъ въ другомъ письмѣ (отъ 4 января 1753 г.), въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобъ ихъ вовсе покончить, то лѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени, картами, шапками и другими забавами, а иные и табачными дымами; отъ чего я уже давно отъезжался, за тѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе российской исторіи и на украшеніе російскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобъ

---

* Именуя Ломоносова „великимъ сподвижникомъ Великаго Петра“, Пушкинъ такъ характеризуетъ его многостороннюю дѣятельность: „Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда наукъ была сильнѣйшею страстью сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ. Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытіе Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ машины, даритъ искусства мазанческими произведеніями, наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка“. (Соч. Пушкина изд. Исакова, 1859, V, 142).

ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отнѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ едва меньше ли первой“.

Академическіе протоколы п черновыя бумаги Ломоносова сохранившіеся въ архивѣ Академіи Наукъ еще болѣе чѣмъ печатныя сочиненія свидѣтельствуютъ о многочисленности опытовъ и изысканій которыя Ломоносовъ производилъ въ часы принадлежавшіе отдыху и сну, говоря:

Кто хочетъ много знать
Тотъ долженъ мало спать.

Въ отчетахъ о занятіяхъ съ 1751 по 1756 годъ, представленныхъ Ломоносовымъ президенту Академіи*, можно видѣть какое множество химическихъ и физическихъ опытовъ и изслѣдованій передѣлалъ Ломоносовъ въ этотъ промежутокъ времени. Въ 1751 году, пишетъ онъ, „произведены многіе опыты химическіе для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значить того же году журналъ лабораторіи на 12 листахъ и другіе записки“. Опыты надъ натурою цвѣтовъ продолжалъ онъ и въ слѣдующіе годы и внесъ въ журналъ, въ 1752 году на 25 листахъ, въ 1753 на 56. Въ 1752 году составилъ для студентовъ на латинскомъ языкѣ „пролегомены къ физической химіи“; изучалъ расширеніе воздуха отъ тепла, дѣлалъ наблюденія надъ воздушнымъ электричествомъ „съ великою опасностію“; въ 1753 дѣлалъ опыты отмѣченные въ журналѣ на многихъ листахъ, „дабы привести химію сколько можно къ философскому познанію и сдѣлать частію основательной физики“; вмѣстѣ съ Рахманомъ опредѣлялъ градусъ теплоты, принимаемой водою при погруженій въ нее раскаленныхъ минераловъ. Въ 1754 году „дѣлалъ опытъ машины, которая бы подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою ма-

---

* По словамъ Пушкина, ничто не даетъ лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ эти отчеты свидѣтельствующіе о чрезвычайномъ разнообразіи его трудовъ.

ленькій термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышнѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась однако къ желаемому концу не приведена“. Въ 1756 году „между разными опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заглавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобъ изслѣдовать: прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось что славнаго Роберта Биція мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженного (нагрѣтаго) металла остается въ одной мѣрѣ“. Этотъ опытъ заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ по указанію условія при которомъ увеличивается вѣсъ металла при накачиваніи (сожженіе дѣйствіемъ воздуха), такъ и по методѣ избранной для рѣшенія вопроса. Вопросъ о томъ измѣняется ли вѣсъ тѣла отъ нагрѣванія считается рѣшеннымъ опытами Румфорда, произведенными по методѣ одинаковой съ методою Ломоносова. Мы видимъ, слѣдовательно, что Ломоносовъ предупредилъ многими годами англійскаго ученаго. Имя Бицій, повидимому, описка или опечатка. Ломоносовъ очевидно говорить о Робертѣ Бойлѣ (Boyle).

На свои занятія въ химической лабораторіи намекаетъ Ломоносовъ въ *Письмѣ* въ стихахъ Ив. Ив. Шувалову, писанномъ 18 августа 1750 года:

Ты, будучи въ мѣстахъ гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Вспомани что мой покоя духъ не знаетъ,
Вспомани мое раченіе и труды.
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а самъ не наслаждаюсь
И радости въ одномъ мечтаніи ищу!

Объ опытахъ и снарядахъ Ломоносова описанныхъ въ его публичныхъ рѣчахъ будемъ говорить ниже.

Разбирая черновыя бумаги Ломоносова г. Будиловичъ *

---

* Журн. Мин. Н. Пр., августъ 1869.

пришелъ къ такому заключенію о внѣшнихъ приемахъ ученыхъ трудовъ Ломоносова. Онъ дѣлалъ бѣглыя замѣтки на бумагахъ. „Каждая замѣтка, ссылка, указаніе, даже удачный оборотъ стоять въ его черновыхъ бумагахъ подѣ номеромъ, въ томъ порядкѣ какъ слѣдовали на листѣ замѣтки, стоять еще случайно и безъ внутренней связи кромѣ нѣкотораго единства обдумываемаго предмета. Когда же такихъ замѣтокъ набиралось уже достаточно, онъ группировалъ ихъ, сводя однородное вмѣстѣ и обозначая каждую замѣтку только ея номеромъ; номера еще нѣсколько разъ перемѣняли свое мѣсто прежде чѣмъ устанавливались окончательно. Замѣтки выписывались уже въ опредѣленномъ порядкѣ, и матеріалъ со всѣми ссылками и указаніями былъ готовъ“.

Прибавимъ что въ продолженіе многихъ лѣтъ, — двадцати, какъ онъ самъ упоминаетъ, — созрѣвалъ въ головѣ Ломоносова планъ сочиненія, котораго заключало бы въ себѣ полную систему натуральной философіи на основаніи идеи о вращательномъ движеніи малѣйшихъ частицъ и о ихъ взаимномъ зацѣпленіи вслѣдствіе неровностей поверхности, позволяющихъ имъ сцѣпляться какъ зубчатые колеса: „*integrum systema naturae quae in minimis est*“.

„Я хочу, отмѣтилъ онъ (по нѣмецки) въ своихъ бумагахъ, построить изъясненія природы на извѣстномъ, мною самимъ положенномъ началѣ дабы я зналъ, на сколько можно ему довѣрять“ *. „Я не тороплюсь прибавилъ онъ въ 1758 году: *ultra 20 annos solidos objectiones quaevisi terra marique*“. Онъ обдумалъ и предисловіе, гдѣ хотѣлъ изложить: 1) какъ поступаютъ иные; 2) какъ я поступать намѣренъ; 3) благонадежность; 4) польза“; первую главу хотѣлъ посвятить ученію *de structura corporisculorum et motibus corporum intestinis*; задумывалъ фронтисписъ книги на которомъ предполагалъ: „въ картинѣ подѣ титуломъ представить натуру стоящую главою выше облаковъ, звѣздами и планетами украшенную, покрытую облачною фатою, въ иныхъ мѣстахъ

---

* Тамъ же.

открытую. Около ногъ купидоны: иной смотритъ въ микроскопъ, иной съ циркулемъ и съ цифирною доской, иной на главу изъ трубы смотритъ, иной въ иготъ принимаетъ падающія изъ рога вещи и текущее изъ сосудовъ млеко, всѣ обще сносятъ на одну таблицу и пишутъ ее“. Надпись: „congruunt universa“.

„Я покажу, отмѣтилъ Ломоносовъ на одной изъ своихъ бумагъ, что, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ пришельцевъ, и на сѣверѣ бываютъ дарованія: Ostendam contra quorundam vagabundorum mentem in septentrionibus quoque dari ingenia“.

Х.

Въ протоколѣ академической конференціи 24 февраля 1744 года записано что Шумахеръ представилъ собранію правила реторики на русскомъ языкѣ составленныя адъюнктомъ Ломоносовымъ. Сочиненіе было отдано на разсмотрѣніе профессору Миллеру, который, по разсмотрѣніи, высказалъ (16 марта) мнѣніе что книга должна быть болѣе приспособлена къ настоящему времени, и латинскія цитаты переведены по-русски. Ломоносовъ принималъ къ соображенію эти замѣчанія. Въ 1748 году, *Реторика* вышла въ свѣтъ и въ журналѣ академической канцеляріи отмѣчено: „профессору Ломоносову за сочиненіе имъ книги, называемой Реторики выдать въ награжденіе къ прежде выданнымъ еще двадцать пять книгъ на простой бумагѣ безъ переплету“. Книга довольно быстро разошлась, и въ февралѣ 1756 года Ломоносовъ доносилъ что „многіе охотники почти ежедневно спрашиваютъ и желаютъ имѣть у себя изданной имъ въ свѣтъ *Реторики* на русскомъ языкѣ перваго тома, а въ книжной лавкѣ, за употребленіемъ оной въ продажу, ни одного экземпляра давно не имѣется“. Ломоносовъ называетъ свою книгу первою частью ибо имѣлъ въ виду составить полный курсъ теоріи краснорѣчія и поэзіи.*

* Билярскій, 54, 108, 305.

„Сія книга, говоритъ Митрополитъ Евгеній * о *Реторикѣ* Ломоносова, была первою на руссiйскомъ языкѣ о сей наукѣ, ибо въ школахъ дотолѣ преподавали оную только на латинскомъ. Правда, Ломоносова *Реторика* собрана изъ тѣхъ же класическихъ книгъ и наипаче изъ латинской Кауссиновой большой и Помеимей реторикъ, и вся составлена изъ общихъ правилъ съ подведенiемъ только нѣкоторыхъ руссiйскихъ примѣровъ подлинниками и переводами изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей. Но сіи-то примѣры были новостію для желавшихъ знать красоту руссiйскаго слога. Ломоносовъ не только съ разборчивымъ вкусомъ выбралъ примѣры изъ русскихъ писателей, но и чужестранныхъ переводилъ съ мастерскимъ искусствомъ“. Г. Будиловичъ ** дополняетъ, что глава о возбужденiи страстей заимствована изъ книги Готшеда *Ausführliche Redekunst*, „въ которой, впрочемъ, этотъ вопросъ изложенъ тоже несамостоятельно, а по Кауссину съ примѣненiемъ къ Аристотелю; понятiя логическія... взяты Ломоносовымъ у Вольфа; въ общемъ же расположенiи онъ слѣдовалъ русскимъ школьнымъ реторикамъ, изъ которыхъ одна извѣстная въ рукописи, книга XVII вѣка (послѣ 1696 года), хранящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ № 1663, особенно поражаетъ своимъ сходствомъ съ учебникомъ Ломоносова“.

Любопытнѣйшую часть *Реторики* составляютъ многочисленные примѣры и образцы. „При всѣхъ реторическихъ правилахъ, говоритъ самъ Ломоносовъ (§ 289) примѣры великое онымъ подають изъясненіе“. Эти разнообразныя примѣры и образцы выбраны авторомъ изъ множества знаменитыхъ писателей. Гомеръ, Виргилій, Геродотъ, Демосеентъ, Цицеронъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій Селевкiйскiй, Плинiй, Тацитъ, Св. Амвросiй, Эразмъ Роттердамскiй, Камоенсъ и проч., произведенiя самаго разнообразнаго характера, тона, слога нашли въ первый разъ свое выраженіе на изящномъ русскомъ языкѣ. Образцы изъ *русскихъ писателей* принад-

* *Словарь русскихъ святскихъ писателей.*

** *Журн. Мин. Нар. Пр., 1869 сентябрь, стр. 90.*

гежали исключительно самому Ломоносову. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Вотъ переводъ знаменитой оды Горация:

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius;
Quod non imber edax, non Aquilo inpotens
Possit diruere, aut innumerabilis
Annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar; multaque pars mei
Vitabit Libitinam; usque ego postera
Crescam laude recens; dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontipex.
Dicar, qua violens obstreperit Aufidus,
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum, ex humili potens
Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos. Sume seperbiam
Quaesitam meritis et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Ломоносовъ такъ передаетъ это стихотворение:

Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣтъ не можетъ.
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великій Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ,
Гдѣ Давнуса царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззатной родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внести въ Италію стихи Еольски
И первому звѣнѣтъ Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увѣнчай главу Дельфійскимъ лавромъ.

Другіе поэты, Державинъ и Пушкинъ, перелагали *Памати* Горация примѣняя къ себѣ его содержание. Державинъ писалъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
 Металловъ прежде онъ и выше пирамидъ:
 Ни вихрь его, ни громъ не сломить быстротечный,
 И времени полетъ его не сокрушить.
 Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
 Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
 И слава возрастетъ моя, не увядая,
 Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
 Слухъ пройдетъ объ мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
 Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
 Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ
 Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
 Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
 О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
 Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
 И истину царямъ съ улыбкой говорить.
 О муза! возгордись заслугой справедливой,
 И презрѣть кто тебя, сама тѣхъ презирай;
 Непринужденною рукой, неторопливой,
 Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Пушкинъ, въ свою очередь, говорить:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
 Къ нему не зарастетъ народная тропа;
 Вознесся выше онъ главою непокорной
 Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
 Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжить.
 И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
 Живъ будетъ хоть одинъ пѣить.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
 И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ —
 И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
 Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Слѣдующее описаніе соловья (*Реторика*, § 57, Смирд. Изд. III, 497) есть передѣлка изъ Плинія *.

„Коль великаго удивленія сіе достойно! въ толь маленькомъ горлышкѣ нѣжной птички толикое напряженіе и сила голоса! Ибо когда вызванъ теплотою вешняго дня взлетаетъ на вѣтвь высокаго дерева, внезапно то голосъ безъ отдыха напрягается, то различно перебивается, то ударяетъ съ отрывомъ, то крутитъ къ верху и къ низу, то вдругъ пріятную пѣснь произноситъ, и между сильнымъ возвышеніемъ урчитъ нѣжно, свиститъ, щелкаетъ, поводитъ, хрипитъ, дробитъ, стонетъ, утомленно, стремительно, густо, тонко, рѣзко, тупо, гладко, кудряво, жалко, порывно“. **

Много мѣстъ приведено изъ Цицерона. Начало рѣчи противъ Катилины Ломоносовъ передаетъ такъ:

„Доколь будешь, Катилина, употреблять во зло терпѣніе наше? коль долго укрывать станешь отъ насъ сіе твое бѣшенство? до чего похвалаться будешь необузданною твоею продерзостію? Или не возмущаетъ тебя ночное защищеніе

---

* Hist. Natur. X, 43. Primum tanta vox tam parvo in corporeculo, tam pertinax spiritus. Deinde in una perfecta musicae scientia modulatus editur sonus et nunc continuo spiritu trahitur in longum, nunc variatur inflexo, nunc distinguitur conciso, copulatur intorto: promittitur revocato, infuscatur ex inopinato, interdum et secum ipse murmurat plenus, gravis, acutus, creber, extensus ubi visum est, vibrans, summus, medius, imus.

** Приведемъ для сравненія двѣ строфы изъ стихотворенія Державина *Соловей* (*Державина* ак. изд. I, 6.)

На холмѣ, сквозь зеленой роши,
При блескѣ свѣтлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой майской ночи
Вдали я слышу соловья
По вѣтрамъ легкимъ, благовоннымъ
То свистъ его, то звонъ летитъ;
То шумомъ заглушаемъ воднымъ,
Вздыханьемъ радостнымъ томитъ

Какая громкость, живость, ясность,
Въ созвучномъ пѣніи твоёмъ,
Стремительность, пріятность, каткость
Между колѣвъ и перемѣвъ!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стовешь въ голосахъ;
Въ забвеніи души ты приводишь
И отзываешься въ сердцахъ.

горы Палатинской, ни стража около града, ни страхъ народный, ни стеченіе всѣхъ добрыхъ людей, ни крѣпкой караулъ для безопасности собравшихся здѣсь сенаторовъ; ни взоры, ни лице оныхъ? или ты не чувствуешь что твои совѣты явны? или ты не видишь что уже всѣ сіи сановитые мужи только отъ одной умѣренности въ совѣсти своей удерживаютъ твои заговоры? кого ты изъ насъ чаешь, который бы не зналъ что ты нынѣшней и что прошлой ночи дѣлалъ, гдѣ былъ, и какихъ людей созвалъ, и какіе имѣлъ совѣты *¹?

Въ ряду стихотворныхъ образцовъ обратимъ вниманіе на два стихотворенія, въ шутиломъ тонѣ, замѣчательныя по простотѣ языка, ничѣмъ не отличающагося отъ современной намъ рѣчи, тогда какъ искусственность, мѣстами надутость выраженій, не согласная съ современнымъ складомъ рѣчи, есть одна изъ характеристическихъ чертъ торжественныхъ стихотвореній Ломоносова. Первое изъ упоминаемыхъ стихотвореній, въ свое время одно изъ популярнѣйшихъ произведеній Ломоносова, положенное на музыку, есть подражаніе Анакреону.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза,
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятной перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
„Кто тамъ стучится смѣло?“
Со гнѣвомъ я вскричалъ.
„Согрѣй обмерзло тѣло,“

---

* 1. Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? quamdiu etiam furor iste tuus (nos) eludet? quem ad finem sese effrenata jactabit audacia? nihilne te nocturnum praesidium Palatii, nihil urbis vigiliae, nihil timor populi, nihil concursus bonorum omnium, nihil hic munitissimus habendi senatus locus, nihil horum ora vultusque moverunt? patere tua consilia non sentis? constrictam iam omnium horum conscientia teneri coniurationem tuam non vides? quid proxima, quid superiore nocte egeris, ubi fueris, quos convocaveris, quid consilii ceperis, quem nostrum ignorare arbitraris?

Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
 „Чего ты устрашился?
 Я мальчишкѣ чуть дышу,
 Я ночью заблудился,
 Обмокъ и весь дрожу.“
 Тогда мнѣ жалко стало,
 Я свѣчку засвѣтилъ,
 Не медлиши ни мало;
 Къ себѣ егопустилъ.
 Увидѣлъ что крылами
 Онъ машетъ за спиной;
 Колчанъ набить стрѣлами,
 Лукъ стануть тетивой.
 Жалѣя о несчастѣ
 Огонь я разложилъ,
 И при такомъ ненастѣ
 Къ камину посадилъ.
 Я теплыми руками
 Холодные руки мнѣ,
 Я крылья и съ кудрями
 До суха выжималъ.
 Онъ чуть лишь ободрился,
 „Каковъ-то, молвилъ, лукъ;
 Въ дождѣ чать повредился.“
 И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
 Тутъ грудь мою пронзила
 Преострая стрѣла;
 И сильно уязвила
 Какъ злобная пчела.
 Онъ громко разсмѣялся
 И тотъ часъ записалъ:
 „Чего ты испугался?“
 Съ насмѣшкою сказалъ:
 „Мой лукъ еще годится
 И цѣль и съ тетивой;
 Ты будешь вѣкъ крушиться
 Отнынѣ, хозяинъ мой.“

Въ другомъ стихотвореніи Ломоносовъ является предшественникомъ Крылова. Это басня слѣдующаго содержанія:

Лишь только дневной шумъ замолкъ,
 Надѣлъ пастушье платье волкъ,
 И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
 Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
 На уши надѣлъ широко шляпу
 И крался тихо сквозь лѣсокъ
 На ужинъ для добычи къ стаду.
 Увидѣвъ тамъ что Жучко спитъ,
 Обнявъ пастушку Ёирсъ храпитъ,
 И овцы всѣ лежали сряду,
 Онъ могъ изъ нихъ любую взять.
 Но не довольствуясь уборомъ,
 Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
 И именемъ овецъ назвать.
 Однако чуть лишь пастъ разинулъ,
 Раздался въ рощѣ волчій вой;
 Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
 И Жучко бросился съ нимъ въ бой.
 Одинъ дубиною гостя встрѣтилъ,
 Другой за горло ухватилъ.
 Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ,
 Что черезъ чуръ перемудрилъ.
 Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
 И волчьимъ голосомъ сказался,
 Но Ёирсъ не долго размышлялъ,
 Уборъ съ него и кожу снялъ.
 Я притчу всю короткимъ толкомъ
 Могу вамъ, господа сказать:
 „Кто въ свѣтъ семъ родился волкомъ,
 Тому лисдей не бывать.“

XI.

Первое руководство къ изученію физики на русскомъ языкѣ дано Ломоносовымъ. Это былъ переводъ краткаго курса Вольфа. Юня 19-го 1745 года Сенатъ препроводилъ въ Академію Наукъ: „присланную отъ вице-канцлера, лейбъ-компаніи поручика Ея И. В. дѣйствительнаго, камергера и кавалера Воронцова для напечатанія поданную ему кни-

гу, именующую *Сокращенная экспериментальная физика* переведенную адъюнктомъ Михаиломъ Ломоносовымъ съ латинскаго на русскую языкъ, для свидѣтельства во всемъ ли она исправна и нѣтъ ли какихъ погрѣшностей“. Книгу разсматривалъ Гмелинъ и далъ удовлетворительный отзывъ (хотя и сомнительно какъ могъ онъ быть судьей о русскомъ переводѣ), находя что Ломоносовъ „силу сочинителя весьма хорошо изъяснилъ кромѣ немногихъ мѣстъ“. Сочиненіе вышло въ 1746 году надъ заглавіемъ: *Вольфганская экспериментальная физика*, съ посвященіемъ графу Воронцову. Въ 1760 году книга издана вторымъ тисненіемъ.

Къ книгѣ Ломоносовъ присоединилъ замѣчательное предисловіе въ которомъ такъ характеризуетъ направленіе естествознанія съ эпохи возрожденія нувъ:

„Мы живемъ въ такое время, въ которое науки послѣ своего возобновленія въ Европѣ возрастаютъ и къ совершенству приходятъ. Варварскіе вѣки, въ которые купно съ общимъ покоемъ рода человѣческаго и науки нарушились, и почти со всѣмъ уничтожены были, уже прежде двухъ сотъ лѣтъ окончились. Сіи наставляющія насъ къ благополучію предводительницы, а особливо философія, неменьше отъ слѣпаго пригблненія ко мнѣніямъ славнаго человѣка нежели отъ тогдашнихъ неспокойствъ претерпѣли. Всѣ которые въ оной упражнялись одному Аристотелю послѣдовали, и его мнѣнія за неложныя почитали. Я не презираю сего славнаго и въ свое время отмѣнитаго отъ другихъ философа; но тѣмъ не безъ сожалѣнія удивляюсь которые про смертнаго человѣка думали, будто бы онъ въ своихъ мнѣніяхъ не имѣлъ никакого погрѣшенія, что было главнымъ препятствіемъ къ приращенію философіи и прочихъ наукъ, которыя отъ ней много зависятъ. Чрезъ сіе отнято было благородное рвеніе, что бы въ наукахъ упражняющіеся одинъ передъ другимъ старались о новыхъ и полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Славный и первый изъ новыхъ философовъ, Картезіи, осмѣлился Аристотелеву философію опровергнуть, и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы, кромѣ другихъ его заслугъ, особливо за то благодарны, что тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самаго и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самимъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящему наукъ приращенію. На сіе взирая, коль много новыхъ изобрѣтеній искусные мужи въ Европѣ показали, и полезныхъ книгъ со-

чинили! Лейбницъ, Кларкъ, Локкъ, премудрые рода человѣческаго учителя, предложеніемъ правилъ разсужденіе и нравы управляющихъ, — Платона и Сократа превысили. Малпигій, Боилъ, Герикъ, Чирнгаузенъ, Штурмъ и другіе, которые въ сей книжицѣ упоминаются, любопытнымъ и рачительнымъ изслѣдованіемъ нечаянными въ натурѣ дѣйствія открыли, и тѣмъ свѣтъ привели въ удивленіе. Едва понятно, коль великое приращеніе въ астрономіи, неусыпными наблюденіями и глубокомысленными разсужденіями, Кеплеръ, Галилей, Гугеній, де-ла-Гиръ и великій Невтонъ въ краткое время учинили: ибо толь далеке познаніе небесныхъ тѣлъ открыли, что ежели бы нынѣ Иппархъ и Птоломей читали ихъ книги, то бы они тое же небо въ нихъ едва узнали, на которое въ жизнь свою толь часто сматривали. Пинеагоръ за изобрѣтеніе одного геометрическаго правила Зевесу принесъ на жертву сто воловъ. Но ежели бы за найденныя въ нынѣшнія времена отъ остроумныхъ математиковъ правила по суетвѣрной его ревности поступать; то бы едва въ цѣломъ свѣтѣ столько рогатаго скота сыскалось. Словомъ въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаютъ на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки, физика нынѣ уже только на одномъ ономъ свое основаніе имѣетъ. Мысленныя разсужденія произведены бывають изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ. Для того начинающимъ учиться физикѣ напередъ предлагаются нынѣ обыкновенно нужнѣйшіе физическіе опыты, куюно съ разсужденіями, которыя изъ оныхъ непосредственно и почти очевидно слѣдуютъ. Сіи опыты описаны отъ разныхъ авторовъ на разнымъ языкахъ, то на всю физику, то на нѣкоторыя ея части.

Указавъ почему выборъ его остановился на краткомъ сочиненіи Вольфа, Ломоносовъ говоритъ о трудностяхъ какія пришлось преодолѣвать при переводѣ и замѣчаетъ:

„Сверхъ сего принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь что они со временемъ чрезъ употребленіе знакомѣ будутъ.“

Первыя русскія публичныя лекціи принадлежать также Ломоносову, и предметомъ ихъ также была физика. Въ журналѣ

Канцелярію Академіи Наукъ 11 іюня 1746 года читаемъ: „Указомъ Пр. Сената прошлаго 1745 года октября 19 дня, между прочимъ, велѣно профессору Ломоносову на русскомъ языкѣ показывать лекціи; чего ради его сіятельство г. графъ и президентъ, будучи сего числа въ конференціи, опредѣлили: по силѣ означеннаго указу ему Ломоносову на русскомъ языкѣ показывать лекціи, какъ Ея Императорское Величество изволить пробывать въ Петергофѣ, въ каждой недѣлѣ по пятницамъ пополудни. Того ради объ ономъ въ кадетскій корпусъ, въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи и въ медицинскую канцелярію послать промеморіи и въ оныхъ объявить, ежели кто желаетъ означенныя лекціи слушать, тѣмъ позволяется быть въ Академіи, а въ какіе и съ котораго и по который часъ тѣ лекціи продолжаться будутъ, о томъ для лучшаго усмотрѣнія онымъ канцеляріямъ послать при такихъ промеморіяхъ объявленія.“ Ломоносовъ написалъ программу разосланную въ 22 присутственныя мѣста. Въ программѣ, между прочимъ, значилось:

„Императорской Академіи Наукъ здѣсь присутствующіе члены по узаконенію премудраго ея основателя Петра Великаго кромѣ обыкновенныхъ трудовъ, которые отъ нихъ полагаются на изысканіе новыхъ приращеній въ высокихъ наукахъ, должны трудиться въ наставленіи молодыхъ людей. По сему узаконенію они въ сей должности хотя и упражняются, однако ихъ ученія по сіе время предлагались на чужихъ языкахъ, и такъ купно и физическіе опыты въ Академіи наукъ на руссійскомъ языкѣ никогда толкованы не были. Но какъ уже въ академическое собраніе нѣкоторые руссійскіе профессора вступили, то по указу Правительствующаго Сената Академіи Наукъ президентъ, Ея Императорскаго Величества дѣйствительной камергеръ и кавалеръ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, опредѣлилъ чтобы тояжъ Академіи членъ и профессоръ, господинъ Ломоносовъ, показывалъ публично физическіе опыты по сокращенной „Волфіанской Экспериментальной Физикѣ,“ и оныя бы толковалъ на руссійскомъ языкѣ, которые за помощію Божіею начнетъ онъ въ Академіи Наукъ въ физическихъ камерахъ сего іюня 20 дня по полудни въ началѣ третьяго часа, и будутъ оныя показывать по дважды въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ по два часа на день. Того ради Императорская Академія Наукъ желающихъ учиться натуральной философіи на по-

манутые опыты призываетъ, ничего иного отъ нихъ не желая какъ только постоянного слуханія.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ лекціяхъ не имѣется.

ХП.

Мы упоминали уже о возраженіяхъ Ломоносова, присланныхъ имъ изъ Фрейберга, на книгу Тредіаковскаго о русскомъ стихотвореніи. Въ 1744 году споръ возобновился на практической почвѣ, и въ немъ принялъ участіе Сумароковъ. Результатомъ состязанія была любопытная брошюра: *Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ изъ которыхъ каждый одну сложилъ особливо.*

Авторы по именамъ не названы, но не трудно различить кому принадлежитъ какое стихотвореніе и къмъ высказаны мнѣнія приведенныя въ предисловіи.

Ломоносовъ высказывалъ мнѣніе что „стопа называемая іамбъ высокое сама собою имѣетъ благородство для того что она возносится снизу вверхъ, оттого всякому дѣйстви-тельно слышны высокость ея и великолѣпіе, и что слѣдовательно всякой героической стихъ, которымъ обыкновенно благородная и высокая матерія поется, долженствуетъ состоять сею стопою; а хорей, съ природы нѣжность и пріятную сладость имѣющій, самъ же собою долженъ токмо составлять элегической родъ стихотворенія и другіе подобныя, которые нѣжныхъ и мягкихъ требуютъ описаній, потому что онъ сверху внизъ упадаетъ, чѣмъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе.“ Тредіаковский „прекословилъ сему и предлагалъ, что ни которая изъ сихъ стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности, но что все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя стихотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе, такъ что іамбомъ состоящій стихъ равно изобразить сладкую нѣжность, когда нѣжныя слова прибегутся, а хореемъ высокое благородство, ежели стихотворецъ употреблялъ высокія и благородныя рѣчи.“ Сумароковъ

соглашался съ Ломоносовымъ и говорилъ „что и онъ въ іамбѣ находилъ высоту, благородство и живность, а въ хорѣ кромѣ нѣжности ничего не видитъ.“

Приведемъ первыя строфы стихотвореній, передающія начало псалма:

„Благословенъ Господь Богъ мой, научаяй рудъ мои на ополченіе, персты моя на брань. Милость моя и приближеніе мое, заступникъ мой и избавитель мой, защититель мой, и на него уповахъ, повинуваясь люди моя подъ мя. Господи, что есть человекъ, яко познался еси ему? или сынъ человекъ, яко выѣдъши его? Человекъ суетъ уподобися, дніе его яко сонъ преходять.“

Ямбическая ода Сумарокова начинается такъ:

Благословенъ творецъ вселенны,
Которымъ днесъ я ополченъ!
Се руки нынѣ вознесенны,
И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
Вся мысль къ тебѣ надежду править;
Твоя рука меня прославить.
Защитникъ слабыхъ сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтутъ мои мя люди,
Подвержены подъ скипетръ мой.
Правитель бесконечна вѣка!
Кого Ты помнишь! человека.

Ода Тредіаковскаго, хоренческая, передаетъ тоже слѣдующими словами:

Крѣпкій, чудный, бесконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь,
Боже! Ты единъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесъ:
Непостижный, неизмѣнный,
Совершенство пресовершенство,
Неприступна окружень
Самъ величества лучами,
И огненныхъ слугъ зарями,
О! будь вѣкъ благословенъ.
Кто бы толь предивно руки

Безъ тебя мнѣ ополчить?
 Кто бы пращу, а не лукъ,
 Въ брань направить научилъ?
 Ей бы мечъ извлекъ я тщетно,
 Ни копьемъ сразилъ бы мѣтно,
 Будебъ Ты мнѣ не помогъ,
 Перстовъ трепеть ободряя,
 Слабость мышцы укрѣпляя,
 Силъ Господь и правды Богъ.

Ломоносовъ пишетъ:

Благословенъ Господь мой Богъ
 Мою десницу укрѣпивый,
 И персты въ брани научивый
 Сотрѣть враговъ взнесенный рогъ.
 Заступникъ и Спаситель мой,
 Покровъ и милость и отрада,
 Надежда въ брани и ограда,
 Подъ власть мнѣ далъ народъ святой.
 О Боже! что есть человекъ,
 Что ты ему себя являешь,
 Отъ твари больша быть вмѣняешь,
 Котораго толь кратокъ вѣкъ.
 Онъ утро, вечеръ, ночь и день
 Во тщетныхъ помыслахъ проводить;
 И такъ вся жизнь его преходить,
 Подобно какъ ночная тѣнь.

Переложеніе Ломоносова ближе всего къ подлиннику. Такъ слова: „Господи, преклони небеса и сниди, коснися горамъ и воздыматся“ онъ передаетъ такъ:

Склони, Владыко, небеса,
 Коснися горамъ, и воздыматся;
 Пусть паки на землѣ явятся
 Твои ужасны чудеса.

Вообще переложенія изъ Священнаго Писанія и навѣяныя имъ собственныя „духовныя размышленія“ занимаютъ видное мѣсто въ ряду стихотвореній Ломоносова. Пушкинъ считаетъ ихъ лучшими поэтическими произведеніями Ломоно-

сова. „Они останутся, говорить онъ, вѣчными памятниками русской словесности, по нимъ долго еще должны мы будемъ учиться стихотворному языку нашему.“ Величественный тонъ боговдохновенныхъ книгъ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ возвышеннымъ строемъ лиры Ломоносова. Ломоносовъ не былъ художникомъ, способнымъ въ живыхъ образахъ представить міръ человѣческихъ страстей и дѣяній, не былъ поэтомъ создающимъ художественные типы. Но было нѣсколько мотивовъ такъ глубоко потрясавшихъ его крѣпкій духъ что слово въ которое онъ облакалъ ихъ возвышалось до истиннаго краснорѣчія въ силѣ выраженія и до истинной поэзіи въ краскахъ изображенія. Такими мотивами были таинственная необъятность мірозданія, съ его чудесами въ великомъ и маломъ, величіе Творца въ природѣ, созидающее значеніе Петровскихъ преобразованій, призывавшихъ русскій народъ къ всемірно-исторической жизни, великое значеніе науки вообще и въ Россіи въ особенности. Два первые мотива, вмѣстѣ съ изображеніемъ борьбы праведника со зломъ и торжества его надъ строящими ковы врагами (изображеніемъ такъ гармонировавшимъ съ обычнымъ настроеніемъ Ломоносова, всю жизнь боровшагося съ тѣмъ что ему казалось злымъ и враждебнымъ) — господствуютъ въ духовныхъ одахъ и переложеніяхъ Ломоносова. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Кто хотя не много знакомый съ русскою литературою не помнитъ наизусть значительной доли знаменитаго переложенія изъ книги Іова:

О ты, что въ горести напрасно
 На Бога ропщешь, человѣкъ!
 Внимай коль въ ревности ужасно
 Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
 Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
 И гласомъ грома прерывая,
 Словами небо колебаль,
 И такъ его на распрю звалъ.
 Сбери свои всѣ силы нынѣ,
 Мужайся, стой и дай отвѣтъ.

Такъ передаетъ Ломоносова начало библейской поэмы:

„Рече Господь Іову сквозь бурю и облаки: кто сей скрываея отъ мене сохътъ, сохъжай же глаголы въ сердцѣ, мене же мнитсѣ утаити. Препояши яко мужъ чресла твоѣ, вопрошу же тя, ты же ми отвѣщай.“

Въ *Книгѣ Іова* указывается, въ фантастическихъ чертахъ, на сильнѣйшаго изъ звѣрей (онъ именуется бегемотомъ: по-видимому разумѣется слонъ) и на громаднѣйшее изъ морскихъ чудовищъ, названное левіаѳаномъ.

„Но убо се звѣріе у тебе, траву аки волове ядаютъ... * Жилы его (яко уже) сплетены суть. Ребра его ребра мѣдѣны, хребетъ же его желѣзо слѣяно... Подъ всякимъ древомъ спитъ, при рогозѣхъ и тростинѣхъ и сітовѣхъ...“

„Извлечени ли змѣя удицею или обложиши узду о ноздрѣхъ его... * Окрестъ зубовъ его страхъ. Утроба его щиты мѣдѣны... Изъ устъ его исходятъ аки свѣщы горящія и размещутся аки искры огненныя. Изъ ноздрей его исходитъ дымъ печи горящія огнемъ углѣя... Сердце его ожестѣ аки камень, стоитъ же аки наковальня неподвижна... Аще срашутъ его копѣя, ничтоже сотворятъ ему, копѣе воцѣно и броня. Вмѣняетъ бо желѣзо аки плевъ, мѣдъ аки древо гнило. Не уязвитъ его лукъ мѣдѣнъ, мнитъ бо каменометкую пращу аки сѣно. Аки стебле вѣтвишасѣ ему млатове, ругаетсѣя трусу огненному. Ложе его остни остри, всяко же злое морское подъ нимъ яко брѣне безчислено.“

Ломоносовъ передаетъ это такъ:

Воззри въ лѣса на бегемота,
 Что мною сотворенъ съ тобой:
 Колючій тернъ его охота
 Безвредно попираетъ ногой.
 Какъ вервь сплетены въ немъ жила,
 Отвѣдай ты съ нимъ этой силы!
 Въ немъ ребра какъ литая мѣдъ;
 Кто можетъ рогъ его сотрѣть?
 Ты можешь ли левіаѳана
 На удъ вытянуть на берегъ?

* По *Вулгатѣ*: Ecce behemoth, quem feci tecum, fenum quasi bos comedet.

** По *Вулгатѣ*: an extrahere poteris leviathan hamu et fune ligabis linguam ejus.

Въ срединѣ самой океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтащимися чешуями
Покрѣтъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Щитаешь за тростникъ гнилой.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ замѣчательно картиной солнца какъ огненной расплавленной массы (какою нынѣ, скажемъ мимоходомъ, ученые дѣйствительно признаютъ солнце, оставивъ гипотезу Гершеля о солнцѣ какъ твердомъ тѣлѣ, окруженномъ свѣтащеюся фотосферой). Ломоносовъ говорить:

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу брвенно наше око
Могло приблизившись воззрѣть;
Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находят береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ:
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творишь намъ повелѣлъ.

Это стихотвореніе нѣкто Лембъеръ перевелъ на французской языкъ и напечаталъ, не упомянувъ что ода принадле-

жить Ломоносову. Лагарпъ въ письмѣ къ Лакомбу открытъ имя подлиннаго автора. „Въ этомъ подражаніи, говоритъ Лагарпъ, которое вообще могло бы лучше быть обработано, есть очень хорошіе стихи. *Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ* показываетъ что г. Ломоносовъ имѣлъ возвышенность въ мысляхъ, обиліе въ слогѣ и одушевленъ былъ огнемъ пѣстическимъ.“ *

Въ *Вечернемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ*, по случаю великаго сѣвернаго сіянія, Ломоносовъ излагаетъ въ поэтической формѣ свои ученыя догадки о причинахъ этого поразительнаго явленія сѣверной природы. Онъ говоритъ:

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;

---

* См. *Труды Общества Любителей словесности при Московскомъ Университетѣ*, XIII, 80. Москва 1819. статья П. Калайдовича. Приведенныя строфы переводчикъ передалъ такъ:

Déjà l'astre du jour s'est emparé du ciel
Et lance par faisceaux ses rayons sur la terre,
Et je decouvre à sa lumière
Les prodiges, sortis des mains de l'Eternel.
Mon ame! élance-toi vers cette clarté pure,
De portes du matin admire la nature
Et remplis-toi de son Auteur!
Ah! si nos yeux pouvaient, sans blesser leur paupière,
Approcher du soleil, contempler sa splendeur,
Et s'enfoncer dans sa lumière,
Ils ne verraient qu'un océan des feux,
Qui ne rencontre aucuns rivages,
Et dès la naissance des âges,
Embrasant les plaines des cieux.
La pierre se dissout, bouillonne avec furie
Au sein de ces foyers ardents:
La flamme roule des torrens;
La lumière par flots jaillit et tombe en pluie.
C'est aux clartés de tant de feux divins
Que marchent les saisons, qu'agissent les humains..
Mais, Grand Dieu! cet amas de lumière éternelle,
Qu'est-il devant Tes yeux? A peine une étincelle.

Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣжь, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не солнце ль ставить тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мешутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разить?
Какъ молніи безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенить?
Какъ можетъ быть чтобъ мерзлый паръ
Среди зими рождалъ пожаръ?

Тамъ спорить жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозъ воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волни бьютъ въ эонрь.

Приведемъ еще первыя строфы изъ замѣчательнаго переложения псалма 103:

„Благослови, душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло, во исповѣданіе и въ велегѣпоту облечлся еси. Одѣяйся свѣтомъ яко ризою, простираяй небо яко кожу. Покрываяй водами превы пренія своя, полагаяй облаки на восхождение свое, ходяй на крилу вѣтреню. Твориай ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный. Основаяй землю на тверди ея, не преклонится въ вѣкъ вѣка. Бездна яко риза одѣяніе ея, на горахъ стануть воды.“

Ломоносовъ передаетъ это такъ:

Да хвалить духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца державу,
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ?

Одѣянь чудной красотой,
Зарей Божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ Собой.

Покрывъ водами высоты,
На легкихъ облакахъ восходишь,
Крылами вихровъ шумъ наводишь,
Когда на нихъ летаешь Ты.

И воли Твоея послы,
Какъ устремленія воздушны,
Всесильнымъ маніемъ послушны
Текутъ, горятъ, не зная мглы.

Ты землю твердо основалъ,
И для надежныя окрѣпы
Недвижны положилъ закленья,
И вѣчну непреклонность далъ.

Ты бездною ее облекъ
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.

О своихъ переложеніяхъ псалмовъ Ломоносовъ писалъ въ началѣ 1749 года къ Татищеву (который поручилъ Ломоносову чрезъ Шумахера написать посвященіе на имя великаго князя составленной имъ Россійской Исторіи) слѣдующее: „Совѣтъ вашего превосходительства о переложеніи псалмовъ мнѣ весьма пріятенъ, и самъ я давно къ тому охоту имѣю, однако двѣ вещи препятствуютъ: первое недоступи, ибо главное мое дѣло есть горная наука, для которой я былъ нарочно въ Саксонію посланъ, также химія и физика много времени требуютъ, кромѣ академическихъ дѣлъ въ академическихъ собраніяхъ. Второе — опасеніе, ибо я не смѣю дать въ предложеніи другаго разума нежели какой псаломскіе стихи въ переводѣ имѣютъ. Такъ, принявшись перелагать на стихи прекрасный псаломъ 103, для того покинулъ, что многія нашелъ въ переводѣ погрѣшности, напримѣръ: *змій сей ты же создалъ еси ругатися ему вмѣсто: се ките ты же создалъ еси презирать оное* (то-есть море, его

пространство).“ Прибавимъ что за посвященіе Ломоносовъ получилъ подарокъ отъ Татищева, котораго Шумахеръ извѣщалъ 11 марта 1749 года: „По приказанію вашего превосходительства г. профессору Ломоносову сдѣланъ подарокъ въ 10 рублей. Онъ имъ очень доволенъ и въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ самъ благодарить за то“.

ХІІІ.

Перейдемъ къ похвальнымъ одамъ. Въ свое время оды эти имѣли большое значеніе и послужили однимъ изъ главныхъ основаній славы Ломоносова какъ перваго русскаго поэта.

Быть-можетъ наиболѣе точная характеристика Ломоносова какъ пѣвца торжествъ заключается въ наименованіи его по-этомъ *высокопарнымъ*, если употреблять это слово въ томъ смыслѣ, какой давалъ ему самъ Ломоносовъ, а не въ смыслѣ неестественной напыщенности, какую нынѣ обыкновенно соединяютъ съ этѣмъ названіемъ. Говоря въ письмѣ къ Шувалову о своихъ „ненавистникахъ“, которые его „своей хулой хвалятъ“ и къ „большему приращенію малой его славы не пожалѣли себя опредѣлить въ Зоицы“, Ломоносовъ замѣчаетъ: „они стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надутыя изображенія для того что они самыхъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высокопарныя мысли, похвальные во всѣ вѣки и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя, унизить хотятъ.“ Ломоносовъ приводитъ затѣмъ примѣры изъ *Иліады*, *Энеиды* и Овидія. Въ одѣ 1742 года на восшествіе Елизаветы на престолъ Ломоносовъ говорилъ, обращаясь къ своей музѣ:

Блудись спустить свой въ доли взоръ
Надъ тучи онимъ простирайся
И выше облакъ возвышайся;
Слѣши звучащей славѣ въ слѣдъ!

И Ломоносовъ былъ вѣренъ этому правилу. Оставаясь на отвлеченной высотѣ Парнаса, о которомъ не мало говорится въ его стихахъ, онъ обыкновенно лишь въ самыхъ

общихъ выраженіяхъ касается текущихъ событій и вовсе не рисуетъ живыхъ лицъ. Его похвальные оды заключаютъ въ себѣ очень мало историческихъ намековъ и указаній. Лишь изрѣдка встрѣчая живое изображеніе, прочувствованное слово, современный читатель утомляется однообразіемъ картинъ, тяжелымъ складомъ выраженія, не всегда яснаго, отсутствіемъ естественности въ тонѣ, его непрерывною торжественностію, о которой Ломоносовъ говорилъ въ одной изъ одъ:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли дивный сонъ!
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.

Но не забудемъ напомнить что „похвальные оды“ въ большинствѣ своемъ не были произведеніемъ свободной фантазіи художника, а скорѣе исполненіемъ обязанности официального пѣвца празднествъ, для которыхъ ода и иллюминація были тогда необходимою принадлежностію. Кому естественно было поручить составленіе оды и аллегорическихъ надписей на дни государственныхъ торжествъ какъ не первому русскому поэту и ученому? И Ломоносовъ усердно исполнялъ обязанность которую не могъ не считать для себя лестною.

Большинство одъ Ломоносова относятся къ царствованію Елизаветы, прославленію котораго онъ посвятилъ кромѣ того *Похвальное слово* читанное въ академическомъ собраніи 1749 года. Многое высказанное въ ораторской формѣ въ *Словѣ* выражено въ поэтической формѣ въ одахъ.

Какъ въ рѣчи, такъ не разъ и въ одахъ Ломоносовъ обращается, напримѣръ, къ событіямъ сопровождавшимъ вступленіе Елизаветы на престолъ. Въ рѣчи онъ говоритъ объ этомъ такъ:

„Богомъ предводимая героиня наша, съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества, презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости приѣмлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю что

предходить со крестомъ дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины.... Омертвѣли стрегущіе, видя пришествіе Петровой дщери, и безчувственное оружіе предъ закономъ своею государынею изъ тренещущихъ рукъ падши преклонилось.“

Въ одѣ 1746 года на день восшествія Императрицы Елизаветы читаемъ:

О утра часть благословенный

Мы въ скорбной темнотѣ заснули
Но въ радости отъ сна вспрянули.

По стогнамъ шумный гласъ несется
Елисаветинныхъ похвалъ,
Въ полкахъ стократно раздается:
Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!

Въ рѣчи онъ упоминаетъ объ отмѣнѣ смертной казни и говоритъ:

„Приносится благодареніе государынѣ премилосердой: свидѣтельствуется безчисленное множество освобожденныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ кровію еще необагранный.“

Въ одѣ 1746 года на день рожденія императрицы находимъ:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Особенно замѣчательна ода 1747 года на день восшествія на престолъ, которой многія строфы сдѣлались общимъ мѣстомъ и знакомы каждому русскому читателю. Кому неизвѣстны, напримѣръ, стихи:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ.
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать

Что может собственных Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Приведемъ для сравненія мѣсто изъ *Похвального слова*.
Ломоносовъ влагае въ уста Елизаветѣ слова:

„Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ
состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ
наукахъ: сего польза и слова отечества, сего намѣреніе
моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не опи-
саны еще дѣла моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству
Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи раз-
ума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной
моей державѣ неощенныя сокровища, которыя натура
обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искус-
ныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ есте-
ственныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь, за-
служить мою милость.“

Кому не памятно также переложеніе изъ Цицерона (изъ
рѣчи *pro Archia poeta*)?

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуют вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ. *

Ода 1747 года, подобно *Похвальному слову*, начинается
картиною мира и тишины:

Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,

---

* „Studia adolescentiam agunt, senectutem oblectant, secunda
res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent; delectant
domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur,
rusticantur.“ (Сар. VII, 16.)

Коль ты полезна и красна!
 Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
 И класы на поляхъ жемчужатъ;
 Сокровищъ полны корабли
 Дерзаютъ въ море за тобою,
 Ты сыплешь щедрою рукою
 Свое богатство по земли.

Великій преобразователь Россіи не забыть, конечно, и
 въ этой одѣ. Ему посвящаетъ Ломоносовъ строфы:

Тогда божественны науки
 Чрезъ горы, рѣки и моря,
 Въ Россію простирали руки,
 Къ сему монарху говоря:
 Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
 Подать въ Россійскомъ родѣ новы
 Чистѣйшаго ума плоды.
 Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
 Уже Россія ожидаетъ
 Полезны видѣть ихъ труды.

Но ахъ, жестокая судьбина!
 Безсмертія достойный мужъ,
 Блаженства нашего причина,
 Къ несносной скорби нашихъ душъ,
 Завистливымъ отторженъ рокомъ....

Указывая естественныя богатства Россіи, поэтъ гово-
 рить, обращаясь къ императрицѣ:

Воззри на горы преввысоки!
 Воззри въ поля свои широки,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
 Богатство въ оныхъ потаенно
 Наукой будетъ откровенно,
 Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

Толикое земель пространство
 Когда Всевышній поручилъ
 Тебѣ въ счастливое подданство,
 Тогда сокровища открылъ,
 Какими хвалится Индія:

Но требуетъ къ тому Россія
 Искусствомъ-утвержденныхъ рукъ.
 Сіе злату очистить жгу,
 Почувствуютъ и камни силу
 Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
 Покрѣта сѣверна страна,
 Гдѣ мерзлыми Борей крылами
 Твои взвѣваетъ знамена;
 Но Богъ межъ льдистыми горами
 Великъ своими чудесами:
 Тамъ Лена чистой быстриной,
 Какъ Нилъ, народы напоетъ
 И брега наконецъ теряетъ,
 Сравнившись морю шириной...

Естественно что оды наиболѣе реторическія тѣ которыя посвящены воспѣванію событій представлявшихъ мало способнаго вдохновить поэта. Бывали даже случаи когда приходилось слагать похвальные стихи дѣйствіямъ возмущавшимъ патріотическое чувство. Елизавета скончалась; на престолъ взошелъ Петръ III, принесшій на русскій тронъ качества прусскаго капрала. Онъ поспѣшилъ насмѣяться надъ успѣхами купленными русскою кровью въ войнѣ съ Пруссіей и предалъ, по выраженію Ломоносова, побѣдителей подъ иго побѣжденныхъ. Ломоносовъ принужденъ изображать какъ Германія, „не вѣрившая концу бѣдъ“, нашла избавителя и нынѣ

На Фаросъ силъ твоихъ взираетъ;
 Къ тебѣ дорогу направляетъ,
 Тебѣ себя въ покровъ отдать
 Въ согласіи желаетъ стройномъ;
 Въ твоёмъ пристанищѣ спокойномъ,
 Оливны вѣтви цѣловать.

Но вотъ, отважная царица, принимая на себя великую отвѣтственность предъ лицомъ исторіи, рѣшается положить онецъ порядку дѣлъ грозившихъ конечнымъ раззореніемъ

въ странѣ всего что составляетъ внутреннюю силу народа, становится во главѣ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ и свершаетъ государственный переворотъ. Ломоносовъ пишетъ оду „на торжественный день восшествія на Всероссийскій престолъ ея величества государыни императрицы Екатерины Вторыя, іюня 28 дня, 1762 года.“ Эта ода рѣзко отличается отъ другихъ похвальныхъ стихотвореній Ломоносова силою содержащихся въ ней политическихъ намековъ вылившихся, очевидно, изъ глубоко потрясеннаго патриотическаго чувства. Ода начинается словами:

Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайте что можетъ Богъ!
Воскресла намъ Елисавета:
Ликуетъ церковь и чертогъ.
Она, или Екатерина?
Она изъ обѣихъ единая!
Ея и бодрость и восходъ
Златой наукамъ вѣкъ возставить,
И отъ презрѣнія избавить
Возлюбленный Россійскій родъ.

Уже въ одѣ Петру III Ломоносовъ, указывая на популярность какую успѣла пріобрѣсти Екатерина, влагаетъ въ уста Петра Великаго слова обращенныя къ Елизаветѣ:

Но больше чту сію заслугу
Что ты, усердствуя къ нему,
Достойную дала супругу
Любезну отчеству всему.

Въ одѣ 1762 года, упоминая о печальныхъ временахъ наступившихъ по кончинѣ Елизаветы, Ломоносовъ говоритъ:

Въ сіи прискорбны дни природнымъ
Россійскимъ истиннымъ сынамъ,
Ослабу духомъ благороднымъ
Даетъ Екатерина намъ....

. . . , ...

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
 Чтобъ торжествующій народъ
 Предался въ руки побѣжденныхъ?
 О стыдъ, о странной оборотъ!
 Чтобъ кровью куплены трофеи
 И побѣдителей злодѣи
 Приобрѣли въ напрасной даръ,
 И данную залогомъ вѣру.
 Въ тебѣ Россія нѣтъ примѣру;
 И нынѣ отвращенъ ударъ.

Поэтъ заставляетъ далѣе говорить величаваго преобразователя Россіи. Онъ пишетъ:

О коль мечтаніе ужасно!
 Что смотритъ сей, что слышитъ градъ?
 Не мракъ ли въ облакахъ развился?
 Или открылся гробъ Петровъ?
 Онъ взоромъ смутенъ пробудился
 И произноситъ гласъ таковъ:
 „Я мертвъ терплю несносную рану!
 „На то ли вселюбезну Анну
 „Въ супружество Я поручилъ,
 „Дабы чрезъ то моя Россія
 „Подъ игомъ области чужія
 „Лишилась власти, славы, силъ?
 „На толь, чтобъ всѣ труды несчетны
 „И приобрѣтены плоды
 „Разрушились и были тщетны,
 „И новы возрасли бѣды?
 „На то ль воздвигъ я градъ священный,
 „Дабы врагами населенный
 „Россіянамъ ужасенъ былъ,
 „И вмѣсто радостной столицы
 „Тревожилъ дальняя границы,
 „Которы я распространилъ?

„О тѣнь великая, покойся,“ продолжаетъ Ломоносовъ и изобразивъ отважный восходъ Екатерины, шедшей на тронъ какъ „шла на тронъ Елизавета,“ привѣтствуетъ царицу:

Гряди, Россійская отрада,
 Гради, желаніе сердець,
 И буди отъ враговъ ограда,
 Поставь опасностямъ конецъ;
 И оправдай Елисавету,
 Всему доказывая свѣту,
 Что полная триумфовъ брань
 Постижена поноснымъ миромъ,
 И сопостать почтенъ кумиромъ
 Отъ насъ приеѣмлетъ въ жертву дань.

Въ удвоенномъ Петрополѣ блескъ
 Торжественный подѣмлетъ шумъ,
 При громкомъ восхищаньи плескъ
 Отрадой возвышаетъ умъ.
 Взирая на свою избаву,
 На мысль проводить прежню славу.
 Въ церквахъ, по стогнамъ, по домамъ,
 Несчетно множеству народу
 Гремящу представляеть воду,
 Чтò гласъ возносить къ небесамъ.

Теперь злоумышленье въ ямѣ
 За гордость свержено лежитъ;
 Екатерина въ Божьемъ храмѣ
 Съ благоговѣніемъ стоитъ.
 Хвалу на Небо возсылаеть,
 И купно сердце всѣхъ пылаеть
 О цѣлости ея и насъ;
 Что Вышній крѣпкою десницей,
 Богиню намъ подавъ царицей,
 Отъ гибели невинныхъ спасъ.

Услыште, судии земные,
 И всѣ державные главы:
 Законы нарушать святые
 Отъ буйности блюдитесь вы,
 И подданныхъ не презирайте;
 Но ихъ пороки исправляйте
 Ученьемъ, милостью, трудомъ.
 Вмѣстите съ правдою щедроту,
 Народну наблюдайте льготу;
 То Богъ благословитъ вашъ домъ.

А вы, которыми здѣсь Россія
 Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
 Довольство вольности златя, .
 Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
 Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу
 Позволила по вѣрѣ службу
 Безпреткновенно приносить:
 На толь склонились къ вамъ монархи
 И согласились іерархи
 Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
 И вмѣсто чтобъ вамъ быть межъ нами
 Въ предѣлахъ должности своей,
 Считать насъ вашими рабами
 Въ противность истины вещей....

Екатеринѣ посвящена и послѣдняя ода Ломоносова „на
 новой 1764 годъ.“ Удрученный недугомъ Ломоносовъ пи-
 саль обращаясь къ Парнасу:

Среди торжественнаго звуку
 О ревности моей увѣрь
 Что нынѣ чтя Петрову внуку
 Пою, какъ нѣлъ Петрову дщерь.
 Ни моего преклонность вѣка
 Чтѣ слабить духъ у человѣка
 Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
 Ниже завистливы злодѣи
 Чрезъ вредны воспятать затѣи
 Почтительный къ монархамъ духъ.
 Твой трудъ дѣя насъ обогащенье,
 Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
 Твой разумъ наше просвѣщенье
 И неуспѣшность нашъ покой.

XIV.

Въ первый разъ какъ ораторъ на публичномъ собраніи
 Академіи Ломоносовъ выступилъ въ 1749 году. Съ тѣхъ поръ
 рѣчи его сдѣлались главнымъ украшеніемъ публичныхъ ака-
 демическихъ засѣданій. 8 февраля 1749 года Шумахеръ пи-

саль въ Москву къ президенту Академіи графу Разумовскому: „Понеже профессоръ Ломоносовъ въ состояніи написать диссертацию какъ на русскомъ такъ и на латинскомъ языкѣ и оную либо публично читать либо наизусть говорить, то зависить отъ приказанія вашего В. Гр. Сіятельства, поручить ли ему такое дѣло.“ Предложеніе это Шумахеръ дѣлалъ впрочемъ, не совсѣмъ охотно и въ тотъ почти день (9 февраля) писалъ къ Теплову: * „Очень бы желалъ чтобы ктонибудь другой, а не г. Ломоносовъ произнесъ рѣчь въ будущее засѣданіе, но я не знаю такого между нашими академиками. Вы сами, милостивый государь, знаете что ни голосъ, ни наружность гг. Винсгейма и Рихмана, которыхъ бы слѣдовало предпочесть силу, не дозволяютъ довѣрить имъ первую публичную рѣчь, къ которой критики непременно предрекнутъ. Ораторъ долженъ быть смѣлъ и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ (impudent) для пораженія безжалостныхъ насмѣшниковъ. Развѣ у васъ милостивый государь есть ктонибудь въ Академіи который бы превзошелъ его (Ломоносова) въ этихъ качествахъ? Если бы г. Миллеръ былъ въ числѣ академиковъ **, то такъ какъ онъ довольно хорошо произносить по русски, обладаетъ громкимъ голосомъ и присутствіемъ духа, которое много смахиваетъ на нахальство, то мнѣ бы хотѣлось предложить его. Г. Бургаве, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю процесса, не будемъ имѣть смѣлости произносить публично рѣчь, также какъ и г. Кратценштейнъ.“

Шумахеръ предлагалъ темою для рѣчи Ломоносова „происхожденіе и современное состояніе химіи“. По желанію ли Разумовскаго или другимъ какимъ обстоятельствамъ, вмѣсто ученой рѣчи Ломоносову поручено было приготовить похвальное слово Елизаветѣ. Миллеру была поручена уче-

---

* *Записки Ак. Н.* VIII, 43 (прибавленіе) статья г. Пекарскаго.

** „По тогдашнему академическому уставу, замѣчаетъ г. Пекарскій, члены Академіи историческаго класса не принадлежали къ числу академиковъ, но числились при университетѣ и назывались профессорами. Между ними былъ Миллеръ.“

ная рѣчь историческаго содержанія. Онъ избралъ темою вопросъ объ имени и происхожденіи русскаго народа и въ началѣ августа передалъ рукопись Шумахеру. „Г. Миллеръ представилъ мнѣ, писалъ 7 августа Шумахеръ Теплому, свою рѣчь на латинскомъ языкѣ чтобы переслать ее въ Москву. Вотъ она, прошу васъ прочтите ее внимательно. Онъ излагаетъ предметъ съ большою эрудиціею, но по моему мнѣнію съ малымъ благоразуміемъ, ибо во имя Господа, зачѣмъ разрушать при помощи шведскихъ и датскихъ писателей мнѣніе столько стоившее сочинителямъ работавшимъ для прославленія націи?“ „Онъ выбралъ прибавляетъ Шумахеръ въ письмѣ отъ 10 августа, предметъ самый скользкій который не принесетъ чести Академіи, напротивъ не причинетъ навлечь на нее упреки и породить ей непріятелей. Всею причиною тутъ гордость.“ Въ срединѣ августа пришло приказаніе президента печатать въ возможной скорости „какъ днемъ такъ и ночью“, „оставя все имѣющіяся при типографіи дѣла“, рѣчь Миллера и слово Ломоносова. Все было готово къ акту; „значительныя особы и любители науки“ были приглашены, картины для иллюминаціи были поставлены, рѣчи напечатаны и переплетены, когда неожиданно прибылъ курьеръ отъ президента съ предписаніемъ отложить собраніе. „Весь городъ въ волненіи, писалъ Шумахеръ Теплому (6-го сентября), отъ внезапной перемѣны косательно торжественнаго собранія, и каждый занятъ отыскиваніемъ причины тому. Нѣкоторые даже предполагаютъ, что собраніе отмѣнено по представленію комиссара Крекшина, котораго мнѣнія противны Миллеровскимъ относительно происхожденія господъ Русскихъ.“ Догадка, повидимому, не лишена была основанія. Склонный къ доносамъ и клаузамъ Крекшинъ, разъ уже жаловавшійся на Миллера въ сенатъ, былъ, должно думать, не безъ участія въ этомъ дѣлѣ. Рѣчь Миллера*, по предписанію президента, была отдана на разсмо-

---

* Миллеръ осьмнадцатію годами пережившій Ломоносова, былъ шестью годами старше своего противника и родился въ Вестфаліи въ 1705 году. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ

трѣніе нѣкоторымъ академическимъ членамъ (Тредіаковскому, Ломоносову, Штрубу, Фишеру и адъюнктамъ Крашениннову и Попову), которые и тотчасъ усмотрѣли не мало не-исправностей и сверхъ того нѣсколько насмѣшливыхъ выраженій въ разсужденіи русскаго народа.“ Состоялось опредѣленіе главной канцеляріи опечатать приготовленные экземпляры рѣчи, „не выпуская ни подъ какимъ видомъ ни единого экземпляра, ни чернаго ни бѣлаго, въ свѣтъ, дабы со столь многими сумнительствами и важными погрѣшностями не могъ себя подвергнуть авторъ дальнему толкованію, а исправя при времени оную могъ при подобной оказіи употребить.“ Какъ на особенно неосторожное выраженіе указывалось на фразу: „Скандинавы побѣдоноснымъ своимъ оружіемъ благополучно себѣ всю Россію покорили.“ Миллеръ не удовлетворился рѣшеніемъ и требовалъ чтобы его диссертация была разсмотрѣна всѣмъ академическимъ собраніемъ, что и было предписано президентомъ. „Сіи собранія, говоритъ Ломоносовъ, * продолжали больше года. Какихъ же не было шумовъ, браней и почти драки.“ Миллеръ горячо защищался, имѣлъ въ домѣ президента рѣзкое столкновеніе съ Тепловымъ и былъ штрафованъ пониженіемъ въ адъюнкты. Замѣтимъ что Тредіаковскій въ академическомъ собраніи подалъ голосъ въ пользу Миллера, свидѣтельствуя что „другъ Сократъ, другъ Платонъ, но всѣхъ

адъюнкта Академіи при самомъ ея началѣ въ 1725 году, преподавалъ академическимъ ученикамъ исторію съ географію, несъ главныя заботы по печатанію двухъ первыхъ томовъ *Комментаріевъ* и въ 1730 году получилъ званіе академика и профессора исторіи. Онъ участвовалъ въ знаменитой сибирской экспедиціи и десять лѣтъ отсутствовалъ изъ Петербурга. Въ 1747 году наименованъ исторіографомъ и нѣкоторое время былъ ректоромъ Петербурскаго университета. Въ 1765 году переведенъ въ Москву инспекторомъ Воспитательнаго Дома, а потомъ завѣдывающимъ московскимъ государственнымъ архивомъ. Скончался въ 1783 году. Его главные труды *Sammlung russischer Geschichte* въ 9 томахъ и изданіе періодическаго журнала *Ежемесячныя сочиненія*.

* Въ *Исторіи Академической Канцеляріи*. Билярскій, 069.

дружные безсмертная правда.“ Во всемъ этомъ дѣлѣ главную роль играли, повидимому, внутренніе академическіе раздоры и горячность Миллера, который, по словамъ Шлёцера, „между товарищами отличался стремленіемъ къ господству, по отношенію къ подчиненнымъ жестокостью обращенія и имѣлъ много враговъ явныхъ и тайныхъ.“ Подобно Ломоносову, высокій, сильный, красивый, точно также приманка прусскихъ вербовщиковъ, остроумный, ѣдкій, онъ являлся естественнымъ противникомъ Ломоносова, столь же неудержимаго въ стремленіи къ господству. Данный Ломоносовымъ, рѣзко неодобрительный отзывъ о диссертациі—одинъ изъ эпизодовъ многочисленныхъ столкновеній между этими сильными натурами. Россіи, которой онъ отдалъ свою многолѣтнюю дѣятельность, Миллеръ былъ преданъ искренно; по словамъ Шлецера, дорожилъ честію правительства и посвященный во многія тайны событій былъ крайне сдержанъ въ сужденіяхъ и разговорахъ. „Но о Екатеринѣ II онъ говорилъ съ энтузіазмомъ. Онъ многократно бесѣдовалъ съ ней, когда она была еще великой княгиней и удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи.“

Актъ состоялся наконецъ 26 ноября вмѣсто 6 сентября, какъ предполагалось. Ломоносовъ прочелъ похвальное слово Елизаветѣ, Рихманъ ученую рѣчь по физикѣ, на которую отвѣчалъ проф. Кратценштейнъ. Эйлеръ, получивъ рѣчи и слово Ломоносова (въ переводѣ на латинскій языкъ), писалъ въ Петербургъ „Я съ восторгомъ услышалъ объ успѣхѣ послѣдняго публичнаго собранія Императорской Академіи; читанныя по сему случаю рѣчи заслужаютъ одобреніе всѣхъ ученыхъ. Въ особенности панегирикъ г. Ломоносова кажется мнѣ образцовымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ (*un chef d'oeuvre dans son genre*). Прекрасная иллюминація должна была придать торжеству рельефъ, къ какому не способна никакая другая академія“.

Не останавливаясь подробно на похвальномъ словѣ Елизаветѣ, приведемъ изъ него два отрывка, особенно восхитавшіе въ прежнее время любителей торжественнаго кра-

спорѣчія * и свидѣтельствующіе о реторическомъ тонѣ рѣчи и о тщательности стилистической отдѣлки, какой Ломоносовъ подвергалъ свои выраженія.

Ломоносовъ начинаетъ рѣчь такъ:

„Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ которой подъ благословенною державою всемилостивѣйшія государыни нашей покоящіеся многочисленныя народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ ея на все-россійскій престолъ возшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именоваіемъ Елисаветы,—коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось!“

Второе изъ упомянутыхъ мѣстъ гласитъ такъ:

„Приносится благодареніе государынѣ благочестивѣйшей: свидѣлствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносится благодареніе государынѣ мужественной: свидѣлствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами ея преславныя побѣды. Приносится благодареніе государынѣ великодушной: свидѣлствуютъ прощенные преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе ея злодѣевъ. Приносится благодареніе государынѣ премудрой: свидѣлствуютъ прозорливо предприемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодареніе государынѣ челоуѣколюбивой: свидѣлствуетъ матернее къ подданнымъ ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе государынѣ премилосердой: свидѣлствуютъ безчисленное множество свободенныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казни повинныхъ кровію еще необагранный. Приносится благодареніе государынѣ прещедрой: свидѣлствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости, и возстановленіе нещастіемъ раззоренныхъ. Въ пріятномъ и вели-

---

* Эти два мѣста приведены, напримѣръ, какъ образцы краснорѣчія въ похвальномъ словѣ Ломоносову сказанномъ въ 1805 году академикомъ Севергинымъ.

жолѣпноу раю разумѣ нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія. Всѣ преславны, всѣ прелюбезны!“

Рѣчь принесла Ломоносову много славы, но денежные его обстоятельства были въ ту пору, повидимому, въ крайне стѣсненномъ состояніи. Въ началѣ ноября онъ доноситъ Академіи что терпитъ крайнюю нужду, что „жена его находится въ великой болѣзни, а медикаментовъ купить не на что.“ Определено: „выдать *заслуженное* его жалованіе за сентябрь и октябрь 110 рублей.“

Перейдемъ къ главному ораторскому произведенію Ломосова, похвальному слову Петру, произнесенному апрѣля 26, 1755 года.

Вдохновитель „гремящей“ лиры Ломоносова, естественно является главнымъ героемъ и его торжественнаго краснорѣчія. Какъ скоро онъ вызываетъ величественный образъ просвѣтителя Россіи, слово его пріобрѣтаетъ особую силу, рѣчь подымается на высоту истиннаго краснорѣчія, дающаго вѣчную силу сочетанію словъ, воплотившему страстный порывъ оратора. Такія краснорѣчивыя строки заставляютъ забывать тяжесть рѣчи, длину періодовъ, отсутствіе простоты и непрерывно реторической тонъ, утомляющій читателя, чуждый нашему времени.

XV.

Въ номерѣ 34-мъ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* отъ 28 апрѣля 1755 года сказано что на торжественномъ академическомъ актѣ въ среду 26 апрѣля „коллежскій совѣтникъ и химіи профессоръ господинъ Ломоносовъ, при многочисленномъ собраніи знатныхъ министровъ, придворныхъ кавалеровъ и другихъ знатныхъ персонъ, говорилъ похвальное слово блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государю императору Петру Великому на русійскомъ языкѣ. О полудни у его ясневельможности президента Академіи былъ трапезе къ которому званы были и всѣ члены академическіе.“

Въ галлерей великихъ людей преобразователь Россіи занимаетъ свое, ему одному принадлежащее мѣсто. На него

могутъ походить другіе, онъ не похожъ ни на кого. Ничто не можетъ быть несправедливѣе парадоксальнаго сужденія Руссо *, сказавшаго что Петръ имѣлъ подражательный геній, но не имѣлъ генія творческаго. Прочность всего что выходило изъ рукъ его, неизгладимость каждаго слѣда оставленнаго этимъ совершителемъ дѣла безъ примѣра въ прошломъ, свидѣтельствуютъ о творческой силѣ: безъ нея не удалось бы ввести новаго члена въ тѣсный кругъ народовъ несущихъ на себѣ исторію человѣчества. Оригинальный и величественный образъ сѣвернаго „чудотворца-исполина“, къ которому ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи не приложимы обыкновенныя человѣческіе размѣры, который въ своихъ дѣяніяхъ и страстяхъ шелъ на переборъ природы, покоряя ее, который въ бурномъ шествіи своего генія, дробилъ и крушилъ все противоборствовавшее исполненію великаго замысла, бывшаго постоянною, единственною движущею силой неимовѣрной работы—величественный образъ этотъ не могъ не поразить современниковъ внутри и внѣ Россіи. Знаменитѣйшіе писатели эпохи принесли дань удивленія государю, который, по выраженію Пуффендорфа въ его *Европейской Исторіи*, „по самой строгой справедливости заслужилъ имя великаго и отца отечества.“ Извѣстный полководецъ Морицъ Саксонскій привлеченный гремѣющимъ именемъ Петра (говоритъ Томасъ въ *Пожалованъ словъ* Морицу), летитъ къ осадѣ Риги учиться подражать ученику и побѣдителя Карла XII. Великій Лейбницъ, когда успѣхи Петра омутили нѣкоторыхъ близорукихъ политиковъ, высказывавшихъ опа-

---

* Руссо говоритъ: „Петръ имѣлъ геній подражанія; онъ не имѣлъ истиннаго генія который дѣлаетъ все изъ ничего. Кое-что изъ сдѣланнаго имъ хорошо, большая часть неумѣстна. Онъ видѣлъ что народъ его находится въ состояніи варварства, но не видалъ что онъ не созрѣлъ для образованности. Онъ хотѣлъ его цивилизовать, когда предстояло лишь сдѣлать его воинственнымъ. Онъ захотѣлъ сдѣлать Нѣмцевъ, Англичанъ, когда надлежало начать съ того чтобы сдѣлать Русскихъ. Онъ пресѣкъ навсегда своимъ подданнымъ возможность сдѣлаться тѣмъ чѣмъ они могли бы быть, увѣривъ ихъ что они не то что были на самомъ дѣлѣ.“

сенія что русскій царь сдѣляется опаснымъ для Европы и будетъ нѣчто въ родѣ *Сѣвернаго Турка*, писалъ: „что до меня, то я стою за благо всего человѣчества; я очень радъ что такое обширное царство идетъ по пути разума и порядка, и смотрю на царя какъ на лицо которое Богомъ предназначено для великаго дѣла.“ * „Когда вѣсть о смерти Петра достигла Парижа, краснорѣчивый секретарь Парижской Академіи Наукъ, Фонтенель поспѣшилъ исполнить свою обязанность по отношенію къ царственному академику и произнесъ замѣчательное похвальное слово Петру какъ члену Академіи, не мало способствовавшее прославленію его имени и распространенію въ Европѣ свѣдѣній о его дѣяніяхъ.“ **

* *Жур. Мин. Н. Пр.* февраль 1870, стр. 385, статья г. Герье.

** Во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1717 году Петръ посѣтилъ Парижскую Академію Наукъ, раскрывшую предъ нимъ свои ученые богатства. По отъѣздѣ царя Академія поспѣшила предпринять къ нему полное собраніе своихъ трудовъ съ 1699 года. Петръ пожелалъ видѣть въ этой присылкѣ доказательство что Академія считаетъ его въ числѣ своихъ членовъ и поручилъ своему придворному врачу Арескину написать письмо на имя президента собранія, аббата Биньйона. „Его величество, сказано было въ письмѣ, очень доволенъ что знаменитое собраніе желаетъ считать его въ числѣ своихъ членовъ, предлагая свои благородные труды какъ дань принадлежащую по праву каждому академику и будетъ искать случая доказать свою признательность“. Фонтенель отвѣчалъ отъ имени Академіи: „Государь, честь которую ваше величество оказываете Королевской Академіи Наукъ, соизволяя поставить ваше августѣйшее имя во главѣ списка ея членовъ, безконечно превышаетъ самыя честолюбивыя мысли какія она могла бы питать и всякую мѣру благодарности, выразить которую мнѣ поручено. Ваше великое имя, которое намъ нынѣ позволено считать между своими, на вѣкъ отмѣтитъ эпоху счастливѣйшаго переворота какой только можетъ испытать государство, переворота утверждающаго науки и искусства въ обширной странѣ находящейся подъ владычествомъ вашего величества. Побѣда нами, государь, одержанная надъ варварствомъ тамъ царствовавшимъ самая блестящая, самая необыкновенная изъ всѣхъ вашихъ побѣдъ. Оружіемъ вы приобрѣли новыхъ подданныхъ, подобно другимъ героямъ, но распространеніемъ знаній вы изъ тѣхъ, кого подчинило вамъ рожденіе сдѣлали новыхъ подданныхъ, болѣе просвѣщенныхъ, болѣе счастливыхъ, болѣе достойныхъ вамъ повиноваться. Вы покорили ихъ наукамъ и эта побѣда, столь же полезная для нихъ сколь славная для

Прочность Петровских преобразований, продолжавших развиваться, несмотря на неблагоприятныя историческія условія въ промежутокъ между имъ и Екатериной II, доказала что возвышенные умы привѣтствовавшіе по первому впечатлѣнію смѣлый просвѣтительный замысль Петра привѣтствовали не насильственную ломку природы и исторіи, а великое и мудрое дѣяніе. И въ эпоху когда участіе Россіи въ дѣлахъ Европы посѣяло тамъ и сямъ не мало злобы и зависти и безыменные писатели не мало пустили клевету о характерѣ и дѣйствіяхъ преобразователя, Вольтеръ въ своей Исторіи Петра Великаго имѣлъ право сказать: „Въ первые годы нынѣшняго столѣтія масса публики знала на Сѣверѣ одного героя Карла XII. Нынѣ судятъ что Карлъ XII заслуживалъ быть первымъ солдатомъ Петра Великаго. Одинъ оставилъ лишь развалины, другой во всемъ созидатель.“

Въ Россіи первое ораторское слово въ честь Петра принадлежитъ Псковскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу и произнесено въ день погребенія государя. „Что се есть? До чего мы дожили, о Россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ,“ такъ началъ Ѳеофанъ свою рѣчь, произведшую сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, хотя въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ рѣчь эта есть рядъ витіеватыхъ уподобленій Петра Самсону, Іафету, Моисею, Соломону, Давиду и Константину.

Не трудно догадаться что въ обновленной Россіи имя Петра и его славныя дѣянія составляли главный предметъ къ которому обращались ораторы на собраніяхъ, въ рѣчахъ и всюду гдѣ было мѣсто для краснорѣчія.

—
 вась — ваше исключительное достоиніе. Когда вся земля рукоплещетъ великому замыслу вашего величества, съ какою радостію присоединяется къ этимъ рукоплесканіямъ Академія, въ интересъ наукъ ее занимающихъ и вашей славы, отблескъ которой, она ласкаетъ себя надеждою, отнынѣ падаетъ и на нее.“ Петръ благодарилъ за избраніе письмомъ написаннымъ на русскомъ языкѣ. Этотъ обмѣнъ привѣтствій, замѣтимъ мимоходомъ, продолжался три года: письмо Арескина написано ноября 1717 года и получено въ Парижъ въ концѣ этого года; письмо Фонтенеля помѣчено 27 декабря 1719 года, а рескриптъ Петра подписанъ 11 февраля 1721 года.

Когда прибыли въ Россію первые академики вызванные Петромъ Германъ и Бюльфингеръ, послѣдній при представленіи Екатерины въ Лѣтнемъ саду произнесъ рѣчь въ которой обращался къ заслугамъ Петра, произнося его имя съ волненіемъ и особымъ, „непомѣрнымъ“ по сужденію современниковъ, удареніемъ голоса. Онъ говорилъ:

„Всему свѣту извѣстно, что тамъ дѣйствуетъ перстъ Божій, гдѣ зиждетъ великій государь Петръ — вѣчно памятное имя, котораго я не могу произнести безъ волненія и которое всякій внимаетъ съ благоговѣніемъ — и гдѣ довершаетъ Богомъ ему дарованная преемница престола. Вашему императорскому величеству Богомъ предоставлено — чрезъ насажденіе наукъ сдѣлать понятнымъ для вашихъ народовъ что сдѣлано бессмертнымъ императоромъ Петромъ, и отличить его героическія дѣянія отъ подвиговъ всѣхъ героевъ древняго міра. Отъ сихъ остается только слава, но не польза, а отъ дѣлъ великаго императора Петра, посредствомъ сего учрежденія вашего императорскаго величества, останутся вѣчно не только имя и слава, но и плоды; и повѣсть о его дѣяніяхъ найдетъ себѣ подтвержденіе въ послѣдствіяхъ и пользѣ, какія перейдутъ на потомство“.

Вернувшись на родину, Бюльфингеръ произнесъ въ публичномъ засѣданіи Тюбингенскаго университета рѣчь о достопримѣчательностяхъ Петербурга, * которая вмѣстѣ была и похвальнымъ словомъ Петру. Онъ вознудся того великаго замысла который созрѣлъ въ умѣ Петра, когда, по геніальному изображенію Пушкина, —

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка несла; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И гдѣсь, неизданный лучамъ

---

* Уч. записки Ак. Наукъ, I 340.

Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ онъ:

„Отсель грозить мы будемъ Шведамъ;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ намъ волеямъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ.“

„Уже нѣсколько лѣтъ говорить въ свою очередь Бюльфингеръ, горбѣ Петръ желаніемъ имѣть портъ на Балтійскомъ морѣ. Когда онъ хотѣлъ завладѣть древнею пристанью при Нарвѣ, его худо предводительствуемая армія была уничтожена молодымъ героемъ. И вотъ, два года спустя представляется случай заложить новый портъ, который, если состоится, будетъ такъ удобенъ, что съ большею славой доставитъ и больше пользы.“

„Тутъ нельзя было долго колебаться. Петръ самъ развѣдываетъ воду, и, нашедъ ее годною, назначаетъ пристань: для пользованія пристанью — морскую силу; для безопасности и для охраненія рѣки — крѣпость; для торговли — городъ, и чтобы дать ему вѣсь — достоинство императорской резиденціи. Распорядокъ не трудный и соображеніе не стоившее много времени. Но трудно дѣло и продолжительное исполненіе.“

„Положимъ что во всемъ этомъ никто ему не мѣшаетъ: положимъ что весь строительный снарядъ приготовленъ: положимъ что мастеровъ довольно, рабочихъ множество: положимъ, Государь присутствуетъ и торопитъ работы. Потомъ сдѣлаемъ мысленно смѣту, сколько времени нужно на заложеніе гавани, на устроеніе адмиралтейства, на приобрѣтеніе кораблей, на постройку крѣпости, на основаніе города, на созданіе торговли, и на украшеніе столичнаго града? Сравните съ другими государствами могущественными и хорошо устроенными, и удержите въ памяти то число лѣтъ которое вы сочтете необходимымъ.“

„Послѣ этого рассмотрите противоположный случай: положимъ что не далеко отъ истока рѣки на самомъ берегу находится непріятельская крѣпость; что по обѣимъ сторонамъ рѣки стоятъ шведскія войска; что всѣ сосѣднія мѣста

и дороги заняты; что непріятельскій флотъ крейсруетъ въ окрестныхъ водахъ; прибавимъ что не существуетъ ни одного корабля, ни одного моряка, ни одного строителя, никакихъ снарядовъ, ни одного иностраннаго купца: и еще разъ исчислимъ, сколько нужно времени, чтобы выполнить все вышеупомянутое. *

„Такъ знайте же что Петръ выполнялъ все это въ двадцать лѣтъ: и это не было его главнѣйшимъ дѣломъ; въ то же самое время онъ воевалъ съ героемъ храбрымъ, опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, могущественнымъ, побѣдоноснымъ, который самъ предводительствовалъ, — воевалъ сперва съ переменнымъ счастьемъ, а потомъ побѣдоносно; въ то же время онъ овладѣлъ цѣлыми войсками и многими сильными крѣпостями, завоевалъ Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и Карелію, и удержалъ эти завоеванія; раздвинулъ предѣлы Имперіи на сѣверѣ и на востокѣ; и, что я считаю еще выше, во время самой войны водворялъ всѣ блага мира: правосудіе и порядокъ, торговлю и сношенія соотвѣтственно обстоятельствамъ нынѣшнихъ временъ и новому положенію Россіи въ отношеніи къ другимъ народамъ.

„Конечно, Петръ управлялъ могущественнымъ государствомъ съ неограниченною властью. Онъ могъ приказывать что считалъ необходимымъ или полезнымъ. Но власть не даетъ ума: приказанія не дѣла. Грубо ошибаются тѣ которые полагаютъ что приказывать легко. Да, еслибъ нужно было только приказывать. Но придумать: что приказать? и кому? и когда? Найти средства, ведущія къ конечной цѣли; избѣгать встрѣчающихся препятствій или отстранять ихъ; умѣть пользоваться удобнымъ къ тому случаемъ; показывать какъ однимъ дѣломъ готовить другое: тутъ и совѣтовать и приказывать одинаково трудно.

„И нашъ герой дѣйствовалъ съ великою предусмотрительностію. Прежде всего онъ обезопасилъ и себя и своихъ работниковъ. Нѣншанецъ, крѣпость, мѣшавшая свободному плаванью по рѣкѣ, была взята и скрыта. Выгодные пункты при Систербекѣ, которыми Русскіе и Шведы попеременно овладѣвали, были заняты усиленными гарнизонами и удержаны. На островѣ преграждавшемъ входъ въ Неву стали твердою ногою. И тогда только принялись серіозно за предначертанныя постройки.

„Теперь еще видно что происходило въ началѣ. Гово-

---

* Ту же мысль встрѣтимъ ниже въ рѣчи Ломоносова.

рять что тамъ гдѣ теперь красуется могучій и великолѣпный городъ, стояли нѣкогда двѣ маленькія хижины. О нихъ я больше ничего не знаю. И не могу сказать, принадлежали ли онѣ къ финской деревушкѣ которая теперь еще существуетъ на одномъ изъ петербургскихъ острововъ, или стояли онѣ на такомъ мѣстѣ которое теперь занято городомъ. Но я не разъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на первый „домикъ“, выстроенный для государя. Онъ находится на Петербургскомъ островѣ, не далеко отъ тѣхъ зданій въ которыхъ прежде собирались государственныя коллегіи. Онъ малъ, состоитъ изъ двухъ или трехъ комнатокъ; входишь въ него не подымаясь, и онъ давно бы развалился, еслибъ его не защитили отъ вліянія непогодъ особенною постройкой.

„О, какъ удивлялся я великому ея обитателю, когда я обошелъ эту хижину! Въ этой избушкѣ, подумалъ я, родились всѣ замыслы, распространившіе жизнь по такой обширной Имперіи. Да, избушка эта содержала тѣло, но душа не знала предѣловъ. Онъ обдумывалъ въ этомъ уголкѣ на Балтійскомъ морѣ, что должно было дѣлать на Бѣломъ и Черномъ, на Каспійскомъ и Татарскомъ моряхъ“. *

„Прошло сто лѣтъ, говорить Пушкинъ:

— и юный градъ,

Полнощныхъ странъ краса и диво,

Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ

Вознесся пышно, горделиво:

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,

Печальный пасынокъ природы,

Однѣ у низкихъ береговъ

Бросалъ въ невѣдомны воды

Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,

По оживленнымъ берегамъ,

Громады стройныя тѣснятся

Дворцовъ и башенъ; корабли

Толпой со всѣхъ концовъ земли

Къ богатымъ пристанямъ стремятся;

Въ гранитъ одѣлася Нева;

Мосты повисли надъ водами;

Темнозелеными садами

Ея покрылись острова.

---

* Сравни въ рѣчи Ломоносова.

И передъ младшею столпцею
 Главою склонилася Москва,
 Какъ передъ новою царицею
 Порфиросная вдова.

XVI

Похвальное Слово Ломоносова имѣть значеніе не только какъ произведеніе высокаго ораторскаго таланта, но и какъ историческая оцѣнка Петрова дѣла въ народномъ сознаніи. Первому русскому ученому и поэту по праву принадлежала благодарная оцѣнка преобразованія, безъ котораго появленіе его было бы немислимо. И дѣйствительно увлеченіе гениемъ Петра было однимъ изъ самыхъ страстныхъ движеній души Ломоносова, „исполненной страстей“, по выраженію Пушкина. Всѣ произведенія краснорѣчія и лиры Ломоносова болѣе или менѣе носятъ характеръ похвальнаго слова Петру; онъ самъ, дитя реформы, дѣятельнѣйшей сподвижникъ, хотя и не современникъ великаго государя,—его живое похвальное слово. Съ другой стороны Ломоносову прежде и болѣе всего обязаны мы тѣмъ величавымъ образомъ какой невольно является въ воображеніи всякаго просвѣщеннаго Русскаго при произнесеніи имени Петра. Эти черты величественнаго образа, набросанные Ломоносовымъ, нашъ великій народный поэтъ новаго времени, чуткій ко всему что составляетъ народную особенность и народную силу, умѣлъ воплотить въ своихъ произведеніяхъ въ живыя неисчезающія формы. Ломоносовъ и Пушкинъ истинные выразители народнаго сознанія по отношенію къ Петру.

Произнося слово въ похвалу Петра, Ломоносовъ исполнилъ свое давнее желаніе.

„Давно долженствовали, говорить онъ, науки представить славу его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненнаго дѣла своего основателя: по вѣдаю, коль великое искусство требуется къ сложенію слова ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ герояхъ должно предлагать чего о

другихъ еще не слышано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдую могла безопасно пуститься въ толіеую глубину ихъ множества и величества. Однако на конецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ.

Приведемъ прежде всего знаменитое мѣсто гдѣ Ломоносовъ изображаетъ неутомимую, поразительную своимъ разнообразіемъ дѣятельность Петра и оканчиваетъ уподобленіемъ его божеству. Уже въ одной изъ одъ (XIII) Ломоносовъ говорилъ о Петрѣ:

Онъ живъ, надежда и покровъ,
Онъ живъ, во всѣ страны взирать,
Свою Россію обновляетъ,
Поля, законы, корабли
Самъ строить, править и предводитъ,
Натуру духомъ превосходить,
Герой въ моряхъ и на земли! *

Въ рѣчи онъ выражается такъ:

„Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ застѣваніяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ, я межъ стenanіемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ

* Сравнимъ у Пушкина.

И академикъ и герой
И мореплаватель и плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

У Державина (III, 328. „Къ статуѣ Петра.)“

... Былъ вожь, законодатель,
Строитель, плаватель, работникъ, обладатель.

малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призражня оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто триумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ здѣлалъ въ краткое время своей жизни. Кому жъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я каковъ Тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнеть духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымаются. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю. *

Очеркъ дѣяній Петра Ломоносовъ начинается указаніемъ тѣхъ дѣятельныхъ сношеній какія установилъ Петръ между Россією и странами западной Европы, разрушивъ непо-

---

* Неоднократно указывалось что Ломоносовъ при составленіи своихъ похвальныхъ словъ руководствовался отчасти древними образцами и въ особенности панегирикомъ Траяну Плинію младшаго. Подражаніе ограничивается, впрочемъ, нѣсколькими фразами и оборотами рѣчи. Мѣсто у Плинія, близкое по мысли къ заключенію приведеннаго здѣсь отрывка изъ рѣчи Ломоносова, находится въ 4 главѣ *Панегирика*. „Saepe ege mesum, P. C., tacitus agitavi, qualem quantumque esse oporteret, cujus ditione nutuque maria, terra, pax, bella gererentur: quum interea fingenti formantique mihi principemquem aequata diis immortalibus potestas deceret, nunquam voto saltē concipere succurrat similem huic, quem videmus.“ Тамъ же: Enituit aliquis in bello, sed obsolevit in pace: alium togā, sed non arma honestarunt: reverentiam ille terrore, alius amorem humanitate captavit: ille quaesitam domi gloriam, in publico: hic in publico partam, domi perdidit. *Pan.* c. 4.

движную замкнутость стараго Московскаго государства. Онъ говоритъ:

„Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобіе прилива и отлива въ пространномъ Океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для приобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны Россійскіе, то приходящіе съ разными искусствами, съ книгами, съ инструментами иностранные, безпрестаннымъ текли движеніемъ.“

Чтобы показать громадность переворота свершившагося въ Россіи Ломоносовъ дѣлаетъ такое предположеніе:

„Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому отлучиться изъ Россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы, возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обиходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новой флотъ и войско, всѣхъ силъ не токмо иной образъ, но и теченія рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чтобъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами-человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или на конецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.“

Дѣла Петра послужившія къ возведенію Россіи на степь сильнаго государства: устроеніе регулярнаго войска, утвержденіе на моряхъ, заведеніе флота — естественно даютъ обильную пищу слову Ломоносова. Указавъ великія усилія и успѣхи Петра въ морскомъ дѣлѣ Ломоносовъ, тамъ изображаетъ извѣстный эпизодъ о перевезеніи историческаго ботика, родоначальника русскаго флота:

„Покрываются Невскія струи судами и флагами, не вмѣщаютъ берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума весель, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышущихъ машинъ. Какое щастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику! но въ новомъ и сильномъ первевствующему флотѣ. Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ что сего никому въ свѣтѣ произ-

вести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи, и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой."

Видное мѣсто въ *Словѣ* Ломоносова занимаетъ воспоминаніе о тяжелой и славной эпохѣ, о которой Пушкинъ ска-
зала въ своей вдохновенной поэмѣ.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славя
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ неожиданный и кровавый
Задалъ ей шведскій патадинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Грануль бой, Полтавскій бой! Заря русскаго могущества
наше русское воскресеніе, но выраженію Петра.

„Гдѣ, спрашиваетъ Ломоносовъ, говоря о побѣдахъ подъ
Лѣвнымъ и подъ Полтавою, — болѣе удивилъ Господь свою на
насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильныя имѣло
успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе
и ревностное раченіе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣ-
роятнѣе могло воспослѣдовать? Войско къ регулярству давно
пріобрѣтшее изъ областей непріятельскихъ, дерзостію къ бою
приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальни-
ковъ въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; вой-
ско всякими снарядами прензобильно снабденное, уклоняется
отъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много
меньшими. Но онѣ, не давъ сопротивнымъ отдохновенія, бы-
стрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главной
ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія из-
былъ, чтобы принести своему государю плачевныя вѣсти.
Которыми хотя онъ сильно возмущенъ; однако мужествен-
нымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся
противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтнее
войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей
силы, наступающей подъ его самаго предводительствомъ. И
надѣясь на дерзостія обнадѣживанія безсовѣстнаго Россіи
измѣнника, не усомнился вступить въ украинскіе предѣлы
нашего отечества. Обращалъ высомѣрными размышленіями

Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе трудовъ неуспѣшныхъ воздалъ Петру совершенную побѣдою.“

„Кто, прибавляетъ въ другомъ мѣстѣ Ломоносовъ, безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ Петра между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго?“

Вспомнимъ поразительное изображеніе Пушкина:

Горитъ востокъ зарей новой,
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свистутъ пули;
Нависли холодные штаны.
Сны любимыя побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь конница летитъ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпить.
И битвы полз роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розень сквозь тѣсины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣсимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,

Толпой любимцевъ окруженный,
 Выходить Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза,
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь,
 Дрожить, глазами косо водить,
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордась могучимъ сѣдокомъ.
 Уже близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
 Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
 Равняясь, строятся полки,
 Молчитъ музыка боевая.
 На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се — равнину оглашая,
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радостенъ какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ вослѣдъ неслись толпой
 Сія птенцы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земнова,
 Въ трудахъ державства и войны
 Его товарищи, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпининъ,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дружинъ,
 Несомый вѣрными слугами,
 Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
 Страдая раной, Карлъ явился;
 Вожди героя шли за нимъ.
 Онъ въ думу тихо погрузился,
 Смущенный взоръ изобразилъ

Необычайное волненье.
 Казалось, Карла приводилъ
 Желанный бой въ недоумѣнье...
 Вдругъ слабымъ маніемъ руки
 На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
 Сошлись въ дыму среди равнины —
 И грянулъ бой, Полтавскій бой!
 Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
 Стѣной живою отраженнымъ,
 Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
 Штики смыкаетъ. Тяжкой тучей
 Отряды конницы летучей,
 Браздами, саблями звуча,
 Сшибаясь, рубятся съ плеча.
 Бросая груды тѣлъ на груды,
 Шары чугунные повсюду
 Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
 Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
 Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
 Бой барабанный, клики, скрежетъ.
 Грохъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
 И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Побѣда за нами. Побѣдитель сложилъ, говоритъ Ломоно-
 совъ, —

„гнѣвъ свой кунно со оружіемъ и не токмо изъ непрі-
 ятелей никто живота лишень не былъ какъ только противъ
 его ополченный, но и безприкладная честь имъ показана.
 Скажите, шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣнен-
 ные, что вы тогда помышляли, когда ожидая свиданія пре-
 поясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими, ожи-
 даая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ
 побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были на-
 шими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли.“

Пушкинъ говоритъ:

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
 И славы подонъ взоръ его.
 И царскій пиръ его прекрасенъ.
 При кликахъ войска своего,
 Въ шатръ своемъ онъ угощаетъ

Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Очертивъ Петра какъ героя и созидателя могущества Россіи въ ряду другихъ государствъ, Ломоносовъ изображаетъ его неутомимую созидательную дѣятельность внутри государства.

„Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи награждителя. Чтожъ его путешествія, или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы, великія рѣки, Южная Двина и Полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ, и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которыми древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ, какъ пріятель, обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.“ *

---

* Томасъ, французскій писатель прошлаго столѣтія, упоминая въ своей *Исторіи краснорѣчія* о быстрыхъ успѣхахъ сдѣланныхъ Россією со времени Петра, съ необычайною похвалою отзываясь о похвальномъ словѣ Ломоносова и приводитъ два отрывка. Приведенное нами мѣсто въ переводѣ передано такъ: „Que de courses, de trajets, de voyages! La Duna & le Dniéper, le Volga & le Tanais, la Vistule & l'Oder, l'Elbe & le Danube,

Указывая простоту жизни и обращенія Петра съ подданными, Ломоносовъ говоритъ:

„Часто межъ поданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршескаго присутствія показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. * Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: его снисхожденіе превознесло выше самихъ государей. ** Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умалила ве-

la Seine, la Tamise & le Rhin ont tour-à-tour dans leurs eaux réfléchi son image. Les quatre mers qui bornent cet empire, témoins de ses exploits, se sont tour-tour courbées sous le poids de ses flottes. Parcourez des pays innombrables; par-tout vous trouverez des traces de ses pas. C'est ici qu'il s'arrêta après un voyage de cinq cents lieues; à cette source d'eau il étancha sa soif; dans cette plaine il rangea lui-même son armée en bataille; dans cette forêt il marqua avec la hache les chênes qu'il falloit abattre pour construire des vaisseaux. Ici il travailla comme un simple artisan; là, il écrivit des loix; plus loin il traça des plans de construction pour une flotte. Voici les ports que sa main a creusés; voila les forteresses qu'il a bâties; c'est ici qu'il arrêta le sang qui couloit de la blessure d'un de ses sujets. Semblable à l'astre qui éclaire le monde, semblable à la mer agitée sans cesse par le flux & le reflux, ce héros a été pour ses peuples dans un mouvement éternel.

Приведенное выше мѣсто о предполагаемомъ путешественникѣ выѣхавшемъ изъ Россіи до Петровыхъ преобразованій и возвратившемся по ихъ совершеніи, въ переводѣ передаю такъ: Supposez, un Moscovite sorti de sa patrie avant les entreprises de Pierre le Grand; supposez qu'il ait habité au-delà des mers, dans des climats où le nom & les projets du Czar n'aient pas pénétré. A son retour, que penseroit le voyageur, en trouvant dans son pays les arts établis, de nouveaux habillemens, des mœurs nouvelles, architecture, maisons, citadelles, loix, usages, coutumes, tout enfin jusqu'au cours des fleuves & aux bornes de la mer, changé dans cet empire. Ne croiroit-il pas ou que son absence a duré des siècles, ou que le genre humain s'est réuni pour créer en si peu d'années tant de merveilles, ou que ce spectacle étonnant n'est que l'effet & l'illusion d'un songe?

* Liberum est, ingrediente per publicum principe, subsistere, occurrere, comitari, praeterire; ambulas inter nos, non quasi contingas: et copiam tui, non ut imputes, facis. Haeret lateri tuo quisquis accessit.. *Plin. c. 24.*

** Illos ergo humeri cervicesque servorum super ora nostra; te fama, te gloria... *Ibid.*

сеія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ отвѣчаетъ разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ чистомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятельми въ прохлажденіи. Въ колѣ малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Колѣ часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ!“

Слово Ломоносова заключается обращеніемъ: „А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности, прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше нежели всѣ силы наши!“

XVI.

Въ спискѣ своихъ трудовъ за 1756 годъ Ломоносовъ означилъ: „сочинялъ героическую поэмъ Петръ Великій.“ Первая пѣснь поэмы появилась въ 1760 году, вторая отпечатана лѣтомъ 1761 г. Плодъ возвышеннаго замысла и терпѣливаго труда, но не художественнаго вдохновенія, — поэма остановилась на второй пѣсни. Но хотя и неоконченная, написанная по большей части весьма тяжелыми стихами, носящая явные слѣды усиленнаго напряженія ума и фантазій, выискивающихъ образы, поэтическая лишь на сколько страстное увлеченіе предметомъ, въ соединеніи съ глубокимъ чувствомъ природы, можетъ замѣнить свободную поэтическую струну, — она тѣмъ не менѣе интересна какъ попытка Ломоносова оставить потомству или хотя начать народную эпопею „великаго труда Петрова.“ Онъ никому не хотѣлъ уступить славы

Что пѣлъ дѣла такого человѣка

Каковъ во всѣхъ страхахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.

„Я былъ судьбой избранъ“, прибавляетъ онъ, приступая къ труду тягостъ котораго ясно представлялъ себѣ и посвящая поэмъ Шувалову, поощравшему его вступить на

этотъ путь. Ломоносовъ высказываетъ надежду что его трудъ прикрытый славою Петра, перейдетъ въ потомство.

Онъ говоритъ:

Обильные луга, прекрасны брега рѣкъ,
И только гдѣ живетъ российский человѣкъ,
И почитающа Россію всѣ языки,
У коихъ по трудамъ прославленъ Петръ Великій,
Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,
И станутъ ихъ гласить по рощамъ и лѣсамъ.

Обдумывая свой трудъ, Ломоносовъ, по обыкновенію, обращался къ образцамъ древности и мастерскимъ произведеніямъ новаго времени. Повидимому *Энеида* Виргилія и *Генриада* Вольтера были главными произведеніями имѣвшими вліяніе на построеніе поэмы Ломоносова. Вліяніе это, впрочемъ, весьма ограничено и Ломоносовъ во всѣхъ подробностяхъ своего произведенія является вполне оригинальнымъ,

Поэма начинается стихами:

Пою премудраго российскаго героя,
Что грады новыя, полки и флоты строя,
Отъ самихъ нѣжныхъ дѣтъ со злобой вель войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирить злодѣевъ внутрь, и внѣ попирать противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и лѣстивныхъ;
Среди военныхъ буръ науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Къ тебѣ я вопію, премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности снѣшить въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;....

Вступленіе это напоминаетъ начало *Генриады*:

. Je chante ce héros qui régna sur la France
Et par droit de conquête et par droit de naissance,
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,

Calma les factions, sut vaincre et pardonner,
 Confondit et Mayenne, et la Ligue, et l'Ibère,
 Et fut de ses sujets le vainqueur et le père.

Descends du haut des cieux, auguste Vérité!
 Répands sur mes écrits ta force et ta clarté.

Вольтеръ начинаетъ свою поэму изображеніемъ посланки своего героя, тогда еще короля Новарскаго, въ Англію къ Елизаветѣ отъ имени Генриха III, съ просьбою о помощи противъ Лиги начавшей осаду Парижа. Герой претерпѣваетъ бурю, пристаётъ къ острову гдѣ старикъ католикъ предсказываетъ ему перемѣну религіи и вступленіе на тронъ. Прибывъ въ Англію, Генрихъ разказываетъ Елизаветѣ исторію бѣдствій Франціи.

Ломоносовъ открываетъ разказъ эпохою посѣщенія Петромъ въ 1702 году сѣвернаго края, посѣщеніемъ о которомъ осталось множество преданій на родинѣ поэта и о которомъ онъ въ юности не мало конечно слышалъ разказовъ, быть можетъ отъ очевидцевъ событія, счастію которыхъ онъ невольно завидуетъ, говоря:

О холмы красные и острова зелены,
 Какъ радовались вы симъ счастьемъ возхищены!
 Что поздно я на васъ, что поздно я рождень!
 И тѣмъ толкаго веселія лишень;
 Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ вами.

Петръ претерпѣваетъ бурю у сѣверныхъ береговъ:

Закрылись крайніе лучиною лѣса;
 Лишь съ моремъ видны вокругъ сіянии небеса.
 Тутъ вѣтры сильныя, имѣя флотъ во власти,
 Со всѣхъ сторонъ сложася къ погибельной напасти,
 На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
 Стремятся, и вертять мглу, влагу и песокъ:
 Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
 И громы съ шумомъ воду свой трескъ ооединяютъ;
 Межъ моремъ рухилъ и воздухомъ предѣлъ;
 Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ водъ летѣлъ.

Изобразивъ

Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужас-
ныхъ.

И славы истинной въ блистающихъ лучахъ,

Ломоносовъ весьма живыми красками рисуетъ картину
сѣверной ночи съ незападающимъ солнцемъ:

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалооъ межъ валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.
Отъ сѣвера стада морскихъ приходятъ чудъ
И воду вихрями крутить, и къ верху бьютъ.

Но вотъ вдали показывается Соловецкій монастырь:

Уже на западѣ восточными лучами
Отерлися освѣщенъ съ высокими верхами
Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ днѣхъ камней градъ,
Гдѣ вольны плѣнники спасаясь сидятъ,
Отъ міра отдѣлясь и моремъ и святыней...
Къ симъ строгимъ берегамъ великій Петръ приходитъ,
Внимательный свой взоръ на зданія возводитъ.
Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна,
Водами ото всѣхъ сторонъ окружена,
Его и воиновъ съ веселіемъ приѣмлетъ;
Стрѣльбѣ и пѣнію пустыня купно внемлетъ.
На встрѣчу съ ликомъ Фирсъ усердствуя спѣшитъ.
И гости осѣнивъ, въ восторгъ говорить:
„Благословенъ твой путь Всевышняго рукомъ:
„Могущество его предходить предъ тобою.“

Посѣщеніе Петромъ Соловецкаго монастыря описано въ
лѣтописи монастыря, извлеченіе изъ которой напечатано въ
Путешествіяхъ академика Лепехина въ 1772 году. (Часть
IV, стр. 57; Петербургъ 1805 г.)

Тамъ разсказывается что въ августѣ 1702 года прибылъ къ Соловкамъ Пётръ съ царевичемъ Алексѣемъ и свитою на 13 корабляхъ и сталъ на якоряхъ близъ Заяцкаго острова. Государь прибылъ въ ботѣ вечеромъ въ монастырь и былъ встрѣченъ архимандритомъ Фирсомъ и келаремъ поднесшимъ съ братією подносы съ образомъ, хлѣбомъ и рыбою. Обозрѣвъ монастырскую ограду, государь вступилъ безъ благовѣсту и звону въ монастырь, поклонился святыни и общалъ на другой день кушать въ трапезѣ. Во время недѣльнаго пребыванія на Соловкахъ, Пётръ неоднократно посѣщалъ монастырь, а наканунѣ Успенія прибылъ предъ малою вечернею и указалъ пѣть ее и молебень по монастырскому обыкновенію. Затѣмъ былъ у всенощной. „Съ пѣвчими, говоритъ лѣтописецъ, стоялъ на правомъ крылосѣ и изволилъ пѣть, а на другомъ крылосѣ его же государевы пѣвчіе стояли; пѣніе было все греческаго распѣва.“

„И по доношенію архимандрита изволилъ смотрѣть грамоты праотеческихъ, и отца своего великаго государя блаженныя памяти царя и великаго князя Алексѣя Михайловича о чести монастыря что архимандриту велѣно служить съ осѣненіемъ, и указалъ великій государь противъ прежнихъ великихъ государей указовъ, и служить во всемъ указалъ противъ Чудова монастыря, а именно: служить полною архимандритскою службою противъ грамоты, какова дана архимандриту Іліи въ 1651 году, да въ приращеніе къ тому дано ему архимандриту Фирсу носить мантию со скръжалми, посохъ съ яблоками и по немъ будущимъ архимандритамъ, и именной свой указъ записать приказалъ думному дворянину и печатнику, Никитѣ Моисеевичу Зотову. И по чину къ литургіи благовѣстъ былъ въ 6-мъ часу въ исходѣ и по указу служилъ архимандритъ такъ, какъ его царское Величество указалъ. Онъ же великій государь стоялъ и пѣлъ на крылосѣ, благородный царевичъ стоялъ за архимандритымъ мѣстомъ, и по святой литургіи изволилъ его царское величество пойти въ гостиную келью; тамъ кушалъ съ благовѣрнымъ Царевичемъ. Приспѣшники были дворцовые. Откушавъ изволилъ быть въ монастырѣ и посѣтить старца Лаврентія, Александровца; понеже онъ изъ кельи не выходилъ никуда, ниже въ церковь развѣ причащенія ради.“

Описавъ встрѣчу Петра, Ломоносовъ передаетъ бесѣду государя съ архимандритомъ. Фирсѣ указываетъ ему на слѣды осады бывшей при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда „церковь надъ врагомъ семь лѣтъ ждала побѣды“ и говорить:

„Здѣсь каменны передъ стѣной валы
 „Насыпаны противъ раскола и хулы.
 „Желая ереси изторгнуть, твой родитель,
 „Исправить церкви чинъ послалъ въ сію обитель,
 „Но грубыхъ тѣхъ невѣждъ въ надежныхъ толь стѣнахъ,
 „Не преклонилъ ни гладъ, ни должной казни страхъ.
 „Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
 „Не двинулись своихъ кровавыми струями;
 „Пока упрямство ихъ унижилъ Божій судъ.
 „Уже въ церковной всѣ послушности живутъ.“

Въ 1656 году присланы были въ Соловецкій монастырь изъ Москвы печатныя новоисправленныя церковныя книги. Монахи не хотѣли ихъ принять, но потомъ по совѣту настоятеля, принявъ, положили въ сундукъ въ ружейной палатѣ и запечатали; службу же церковную отправляли по старымъ своимъ книгамъ. Когда слухъ о томъ дошелъ до Москвы, царь вызвалъ изъ Соловковъ архимандрита Вореоломея и бывшаго царскаго духовника архимандрита Никанора, переселившагося въ Соловки ради безмолвія. Братія монастыря отправила съ ними молитвенное прошеніе. Прошеніе не было принято, и архимандриты, къ которымъ присоединенъ былъ новопоставленный въ Соловки архимандритъ Іосифъ, посланы обратно для увѣщанія монаховъ. Но возмущившіеся иноки не пустили ихъ въ монастырь. Вареоломей и Іосифъ вернулись въ Москву, а Никаноръ принялъ сторону мятежниковъ. Когда мѣра увѣщаній не произвела дѣйствія, въ Москвѣ было рѣшено прибѣгнуть къ силѣ. Архимандритъ Іосифъ вновь отправился въ Соловки со стряпчимъ Волоховымъ и начальными людьми; для приведенія же въ страхъ Соловчанъ придано было Двинскихъ стрѣльцовъ 100 человекъ.

„По прибытіи оныхъ, совѣтъ сотворили старцы во обители, на коемъ утвердили чтобы крѣпкодушные остались въ монастырѣ, а немощные и страшливые сердцемъ отѣхали изъ онаго; почему какъ отъ иноковъ, такъ и отъ бѣльцовъ многие восхотѣли отплыть на берегъ, а прочіе, числомъ 1570, затворились въ монастырѣ и не хотѣли слушать ни увѣщаній ни угрозъ, и присланнаго архимандрита не впустили. Но начальнику надъ стрѣльцами Волохову повелѣно было всячески шадить обитель, въ ожиданіи раскаянія и покорности мятежниковъ; почему и провелъ онъ около четырехъ лѣтъ безъ всякаго успѣха; препровождая лѣтнее время во островѣ Заяцкомъ, на зиму же отходя на берегъ въ Сумскій острогъ: по прошествіи сего времени взять онъ былъ къ Москвѣ; а на его мѣсто присланъ голова Московскихъ стрѣльцовъ Климъ Іевлевъ съ 1000 воиновъ съ повелѣніемъ къ крѣпчайшей осадѣ монастыря; сей отогналъ весь монастырской рабочей скотъ, какі-то лошадей, воловъ, и всѣ промышленныя и рыболовныя снасти отнялъ, и истребилъ все строеніе внѣ монастыря бывшее. Но и сими ожесточенные мятежники къ покорности приведены быть не могли; и Іевлевъ по прошествіи двухъ лѣтъ, по непривычкѣ къ морскому климату, впалъ въ жестокую зыбгу и взять былъ къ Москвѣ. На мѣсто Іевлева присланъ былъ подъ монастырь воевода Князь Иванъ Мещериновъ и съ нимъ воиновъ 1300. Сей чрезъ два года, шадя всячески обитель, лѣтомъ стоялъ подъ монастыремъ а на зиму отѣзжалъ на берегъ; но и въ сіе время ни увѣщаніями, ни общаніемъ государскія милости, ни угрозами не могъ привести мятежныхъ старцевъ къ повиненію; ибо по отходѣ войска на берегъ могли они запасаться всѣмъ нужнымъ отъ стороны Керети. Почему предводитель въ послѣдній годъ рѣшился остаться на островѣ Соловецкомъ зиму; и по истощеніи всѣхъ средствъ человѣколюбивыхъ, взять былъ монастырь приступомъ 1676 года Генваря 22 дня. Мятежники Соловецкіе, частію были порублены, частію казнены смертію, а иные разосланы въ ссылку въ Кольскую и Пустозерской остроги, а которые соборной церкви покорились и вину свою Государю принесли, тѣ прощены и жить оставлены въ Соловкахъ.“

Первая пѣснь поэмы Ломоносова оканчивается длиннымъ разказомъ Петра настоятелю о стрѣleckихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольникій. Содержаніе второй пѣсни составляетъ описаніе похода Петра въ Шлиссельбургъ чрезъ Олонецъ, осады и взятія Шлиссельбурга. Лю-

бопытенъ эпизодъ о перевозѣ судовъ по суху. Ломоносовъ помѣщаетъ его на пути отъ Ладоги въ Неву.

Онъ окомъ и умомъ въ округъ мѣста обшедъ,
Избраннне полки къ Орѣховцу ведетъ.
Животворящему его прихода слуху
Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху.
Могущихъ Росскихъ рукъ не воспящаетъ лѣсъ:
Примѣръ изображенъ тутъ Ольговыхъ чудесъ.
Предъ Цареградскими высокими стѣнами
Онъ по полю въ ладьяхъ стремился парусами.
Здѣсь вмѣсто вѣтра былъ усердый нашихъ духъ,
И вмѣсто гарусовъ спряженны силы вдругъ.

Въ Лѣтописцѣ Соловецкаго монастыря подобное происшествіе разказывается при описаніи пути отъ Нюхчи къ Повѣнецкой пристани. Тамъ говорится что —

„Государь изъ Нюхоцкой пристани отпустилъ корабли къ городу Архангельскому, а самъ лѣсами, мхами и болотами отправился къ Повѣнецкой пристани, отстоящей отъ Нюхчи во 160 верстахъ, чрезъ которыя дѣланы были мосты крестьянами Сумскаго острога и Кемскаго городка, которые по мостамъ онымъ тянули двѣ яхты до Повѣнецкой пристани, откуда Онежскимъ озеромъ прибылъ Государь въ Новгородъ, изъ коего съ войсками пошелъ на Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), преславную одержалъ побѣду и взялъ городъ.“

Г. Максимовъ (*Годъ на сѣверѣ*) сообщаетъ народное преданіе объ этомъ происшествіи: „Строили эту дорогу цѣлый годъ всѣми волостями Соловецкими, изъ разныхъ сторонъ народъ пригнанъ былъ нѣсколько тысячъ... Царь спросилъ: „нѣтъ ли-де, да не знаютъ ли гдѣ бы можно водою про-ѣхать.“ Сказали что нѣту. На ту пору подъ яхтами царскими стали подгибаться, и индѣ и совсѣмъ обваливаться мосты. Доложились царю что не ловко-де ѣхать, никакъ не мочно, нудно-де очень (а ѣхалъ онъ на своихъ лошадяхъ на корабляхъ привелъ ихъ изъ Архангельска). Велѣлъ царь на *бермы* поставить — лѣсныя такія сдѣлали въ родѣ лыжъ бы, али нашихъ креневъ. Такъ и потащили царскія тележки и яхты еще дальше къ Пуло-озеру гдѣ курганъ высокій знашь теперь и княжище дубовое.“

Поэма оканчивается строфами посвященными изображенію значенія войны.

Что бы окончить очеркъ произведеній Ломоносова, посвященныхъ памяти Петра упомянемъ о нѣсколькихъ надписяхъ къ изваяніямъ великаго государя. Первая изъ нихъ начинается стихами:

Се образъ изваянь премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принявъ чинъ и царствуя служилъ.

Тогда еще не было воздвигнуто знаменитаго памятника съ знаменательною надписью „Петру I Екатерина II“, который Пушкинъ изобразилъ вдохновенными стихами:

И прямо въ темной вышинѣ
Надъ огражденною скалою
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь!
И гдѣ опустишь ты конята?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездною
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

XVIII.

Обратимся къ рѣчамъ Ломоносова ученаго содержанія. Первая такая рѣчь, *О пользѣ Химіи*, произнесенная въ сентябрѣ 1751 года, имѣетъ своимъ предметомъ, вмѣстѣ съ перечисленіемъ полезныхъ приложений химіи, указаніе значенія какое имѣетъ для химіи математическое изученіе частичныхъ явленій. „Химія, говоритъ Ломоносовъ, — руками, матема-

тика—очами физическими по справедливости назваться может.“ Между тѣмъ. —

„химикъ, видя при всякомъ опытѣ разныя и часто нечаянныя явленія и произведенія, и приманимаясь тѣмъ къ снисканію скорой пользы, математику какъ бы только въ нѣкоторыхъ тщетныхъ размышленіяхъ о точкахъ и линіяхъ упражняющемуся смѣется. Математикъ напротивъ того увѣренъ о своихъ положеніяхъ ясными доказательствами, и и чрезъ неоспоримыя и непрерывныя слѣдствія вывода неизвѣстныя количества свойства, химика какъ бы одною только практикою отягощеннаго, и между многими безпорядочными опытами заблуждающаго презираетъ; и приобичнувъ къ чистой бумагѣ и къ свѣтлымъ геометрическимъ инструментамъ, химическимъ дымомъ и пепеломъ гнушается. И для того по сіе время сін двѣ общею пользою такъ соединенныя сестры толь разномысленныхъ сыновъ по большой части рождали. Сіе есть причиною что совершенное ученіе химіи съ глубокимъ познаніемъ математики еще соединено не бывало.“

Несравненно болѣе важное значеніе имѣетъ вторая ученая рѣчь Ломоносова, *О явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ*, сказанная 26 ноября 1753 года чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ трагической кончины профессора Рихмана и посвященная блестящему очерку вопросовъ возбужденныхъ знаменитымъ открытіемъ 1752 года, сдѣлавшимъ этотъ годъ эпохою въ исторіи электричества.

„1752 годъ, говоритъ Пристлей въ своей *Исторіи электричества*, занимаетъ столь же важное мѣсто въ исторіи электричества какъ и 1746 г., въ который была открыта лейденская банка. Въ 1752 году подтвердилось научное мнѣніе Франклина о сходствѣ матеріи, производящей молнію съ электрическою жидкостью, и его обширный замыселъ, извлечь молнію изъ грозовыхъ тучъ былъ приведенъ въ исполненіе.“ Для привлеченія воздушнаго электричества Франклинъ предлагалъ выставить на какомъ либо высокомъ зданіи металлической шестъ оканчивающійся остріемъ и ждалъ сооруженія какой либо башни въ Филадельфіи, чтобы на опытѣ повѣрить свою идею. Между тѣмъ вѣсть о его планѣ достигла Европа, и въ маѣ 1752 года французскіе естество-

испытатели осуществили мысль Франклина и помощію шпигля средней величины успѣли свести небесный огонь на землю.

При этомъ замѣчательномъ открытіи самыми дѣятельными лицами являются Далибаръ и Делоръ, оба ревностные приверженцы мнѣнія Франклина. Первый изъ нихъ дѣлалъ свои наблюденія въ Марли, мѣстечкѣ лежащемъ недалеко отъ Парижа, послѣдній — въ собственномъ домѣ, находившемся на весьма высокомъ пунктѣ столицы. Машина Далибара* состояла изъ желѣзнаго прута длиною въ сорокъ футовъ, нижній конецъ котораго помѣщался въ маленькой будкѣ, куда не проникалъ дождь, между тѣмъ какъ самый пруть длинными шелковыми шнурками, скрытыми отъ дождя, привѣривался къ тремъ деревяннымъ столбамъ. Машина эта первая удостоилась посѣщенія небеснаго огня. Далибара въ это время не было дома. Заботу о машинѣ онъ поручилъ въ свое отсутствіе одному столяру по имени Куафье, человѣку четырнадцать лѣтъ служившему въ драгунахъ, и на благоразуміе и мужество котораго можно было положиться. Ему были даны инструкціи, какимъ образомъ производить опыты и что дѣлать для своей собственной безопасности; въ особенности же ему было строго приказано созвать сосѣдей и немедленно послать за пасторомъ въ Марли, при появленіи первыхъ признаковъ грозы. Наконецъ случилось давно ожидаемое событіе.

Въ среду 10-го мая 1752 года, послѣ обѣда, въ третьемъ часу пополудни, Куафье услышалъ довольно сильный ударъ грома. Онъ поспѣшилъ къ машинѣ, взялъ стѣлянку, снабженную мѣдной проволокой и приблизилъ конецъ этой проволоки къ желѣзному пруту; тогда изъ него вылетѣла блестящая искорка, трескъ которой онъ явственно слышалъ. При второй искрѣ, которая была гораздо больше первой и сильнѣе трещала, онъ кликнулъ сосѣдей и послалъ за священникомъ. Этотъ послѣдній побѣждалъ опрометью, такъ что прихожане, видя какъ бѣжитъ ихъ ду-

---

* Заимствуемъ описаніе опытовъ какъ французскихъ ученыхъ, такъ и Франклина изъ той же *Истории Пристѣя*.

ховникъ, вообразили что бѣдный Куафье убитъ молніей. Слухъ этотъ разнесся по всему селу и, хотя надалѣ сильный градъ, но ничто не могло удержать паствы отъ желанія не покидать пастыря. Когда почтенный пасторъ прибылъ къ машинѣ и увидалъ что нѣтъ никакой опасности, онъ собственноручно взялъ проволоку и немедленно извлекъ разнообразныя сильныя искры, которыя очевидно были электрическаго свойства. Грозовая туча удалилась отъ зенита машины не болѣе какъ на четверть часа и при этомъ, кромѣ перваго удара, не раздавалось болѣе грома. Когда прекратилась гроза и желѣзный пруть пересталъ испускать искры, пасторъ написалъ Далибару письмо, въ которомъ передавалъ подробности произведеннаго опыта, и отправилъ его съ самимъ Куафье.

Еще прежде чѣмъ извѣстіе о французскихъ опытахъ достигло Филадельфіи, Франклинъ успѣлъ осуществить свой замыселъ посредствомъ обыкновеннаго дѣтскаго змѣя, пущеннаго въ электрическую область грозовыхъ тучъ. Для этой цѣли онъ приготовилъ большой шолковый платокъ, который прикрѣпилъ къ двумъ крѣстообразно сложеннымъ палочкамъ, и снабдилъ снарядъ металлическимъ остріемъ. Змѣй держался на пеньковомъ шнурѣ. Къ концу шнура былъ привязанъ ключъ и за нимъ шелковый шнуръ прикрѣпившійся къ столбу и изолировавшій снарядъ. Франклинъ воспользовался наступленіемъ первой грозы и отправился въ поле. Опасаясь насмѣшекъ, которыя обыкновенно сопровождаютъ всякій неудавшійся научный опытъ, онъ никого не посвятилъ въ свою тайну, за исключеніемъ сына, который былъ его помощникомъ при сооруженіи змѣя.

Когда змѣй былъ спущенъ, долгое время ничто не показывало чтобы электричество его коснулось. Много общавшая туча пронеслась мимо, не обнаруживъ никакого дѣйствія; вдругъ, въ ту минуту когда Франклинъ начиналъ отчаиваться, онъ замѣтилъ что нѣкоторыя волокна, отдѣлившіяся отъ пеньковаго шнура, поднялись и стали удаляться другъ отъ друга, какъ будто были на обыкновенномъ наэлектризованномъ проводникѣ. Ободренный этимъ благоприят-

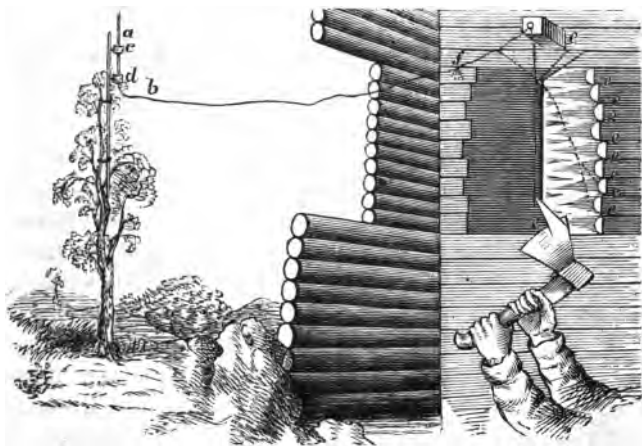
нымъ явленіемъ, Франклинь приходилъ составъ пальца къ ключу, и легко представить себѣ его счастье; когда онъ убѣдился что опытъ удался. Онъ ощутилъ ясный электрическій ударъ, за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ, прежде чѣмъ шнурокъ сдѣлался влажнымъ; когда же дождь его смочилъ, то электрическій огонь скоплялся гораздо чаще. Это происходило въ іюнѣ 1752 года, черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ французскіе ученые подтвердили вѣрность этой теоріи, но прежде чѣмъ слухъ объ ихъ открытіяхъ достигъ Франклина.

Въ послѣдствіи, кромѣ змѣя, Франклинь имѣлъ еще изолированный желѣзный шестъ, который долженъ былъ привлекать воздушное электричество молніи къ дому и дать возможность производить опыты всякій разъ, когда въ атмосферѣ скоплялось его достаточное количество. Чтобы не пропустить малѣйшаго удобнаго случая, Франклинь прикрѣпилъ къ шесту два колокольчика, которые своимъ звономъ увѣдомляли его, когда шестъ былъ достаточно наэлектризованъ.

Когда извѣстіе объ опытахъ французскихъ ученыхъ достигло Петербурга, оно болѣе всего поразило двухъ членовъ Петербургской Академіи, рѣшившихся заняться повтореніемъ и расширеніемъ знаменитаго открытія. Это были Рихманъ и Ломоносовъ. Объ опытахъ Рихмана, начатыхъ въ іюль 1752 года, скажемъ ниже. Первые опыты Ломоносова относятся, по видимому, къ концу того же года. Онъ записалъ о нихъ въ своемъ отчетѣ о занятіяхъ; „имѣлъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію.“ Какъ только наступила весна 1753 года Ломоносовъ возобновилъ изслѣдованія. Способъ какиъ онъ производилъ наблюденія тотъ самый которымъ пользовались французскіе ученые. Ломоносовъ описываетъ его кратко въ томъ мѣстѣ своей рѣчи *О воздушныхъ явленіяхъ отъ электрической силы происходящихъ*, гдѣ сообщаетъ объ опытахъ произведенныхъ въ іюль 1753 года. „Выставленъ былъ мною, говорить онъ, электрической пруть *a b* на высокомъ деревѣ въ деревнѣ, которой сквозь стеклянные тощіе цилиндры *c d* былъ просунутъ и прикрѣпленъ къ шесту шелковыми шнурками; отъ него протянута была по обычаю проволока въ окно, и привѣшенъ желѣзный аршинъ, отъ края другаго не отдѣланнаго

овна разстояніемъ на одинъ футъ; при томъ были два указателя: одинъ состоялъ просто изъ нити къ аршину привѣшенной, другой f изъ многихъ на подобіе кисти, который, несмотря на колебаніе отъ вѣтра, коническою фигурою электрическую силу могъ показывать.“

Фиг. 1.

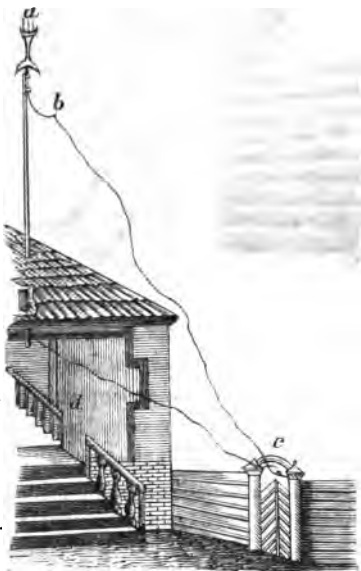
Прилагаемая фигура взята изъ числа рисунковъ приложенныхъ въ рѣчи и, въ числѣ прочаго, изображаетъ любопытное наблюденіе надъ электрическимъ сіяніемъ въ формѣ котораго можно привлечь на землю электрическую силу грозового облака. Ломоносовъ описываетъ свое наблюденіе такъ:

„Въ 12 число Іюля въ первомъ часу по полудни взошла темная туча, частыми блистаніями и тресками сильная; для наблюденія перемѣнъ стоялъ я близъ аршина, и не имѣя въ близости другихъ инструментовъ, употребилъ прилучившейся топоръ, которой къ сему дѣлу довольно былъ пристоеенъ ради трегранныхъ угловъ, и что сухое топорнище при великой электрической силѣ вмѣсто шелковой или стеклянной обыкновенной подпоры служить могло. Между прочими наблюденіями сіи два примѣчанія достойны быть кажутся. Первое, выскакивали искры съ трескомъ безперерывно, какъ нѣкоторая текущая матерія изъ самыхъ угловъ, въ разстояніи неполнаго дюйма, когда топоръ приводя, рукою держалъ

за желѣзо; но когда къ нему не прикасался, тогда коническій шипящей огонь на два дюйма и больше къ оному простирался. Второе въ семъ состояніи внезапно изъ всѣхъ угловъ *е е е* неравныхъ бревенъ, бокъ окна составляющихъ, шипящія коническія сіянія выскочили, и къ самому аршину достигли и почти вмѣстѣ у него соединились. Продолженіе времени ихъ не было больше одной секунды; ибо великимъ блескомъ съ громомъ почти соединеннымъ все какъ бы угаснувъ, кончилось.“

Ломоносовъ сводить это наблюденіе съ тѣми описаніями огней появившихся на остріяхъ какія встрѣчаются у многихъ писателей.

Фиг. 2.

Опыты въ Петербургѣ онъ производилъ, выставивъ шесть какъ показано на фиг. 2, на крышѣ дома. На вершинѣ шеста были привязаны многія иглы *a* служившія привлекающими электричество остріями. Проволока шла къ воротамъ гдѣ была прикрѣплена шесткомъ и оттуда проходила въ домъ, гдѣ производились наблюденія.

Уже въ апрѣлѣ 1753 года Ломоносовъ сдѣлалъ любопытное и новое наблюденіе о которомъ такъ извѣстилъ

Шувалова въ письмѣ отъ 31 мая 1753 года. „Что до электрической силы надлежить, то изысканы здѣсь два особенныя опыта весьма недавно, одного господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ. Первой, что Мушенбровъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто отдѣляя отъ машины на знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ

сообщаю. Второе, примѣтилъ я у своей громовой машины 25 числа сего апрѣля, что безъ грома и молніи, что бы слышать или видѣть можно было, * нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась, и въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака, безъ всякаго чувствительнаго грома и молніи, происходили отъ громовой машины сильныя удары съ ясными искрами и съ трескомъ издадека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено и съ моею давнюю теорію о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ; онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже и приуготовляюсь...“ Въ концѣ письма Ломоносовъ прибавляетъ о затрудненіяхъ имѣть мастеровъ въ Петербургѣ. „Въ мастеровыхъ людяхъ, замѣчаетъ онъ, здѣсь великая скудость, такъ что я для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать, и для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака къ которымъ я съ кровли шести поставилъ.“ Подобныя наблюденія были дѣланы Ломоносовымъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, и о нихъ упоминается въ его рѣчи. Такъ напри- мѣръ, 29 мая „около полудни весьма великая темная туча съ дыханіемъ зюдь-веста двигалась. Грому и молніи отнюдь не было слышно, ни прежде, ни вмѣстѣ, ниже послѣ. Однако указатель подымался выше тридцати градусовъ, и искры съ трескомъ изъ желѣзнаго прута выскакивали едва сносныя; ниже частымъ прикосновеніемъ при томъ стоявшихъ электрическая сила чувствительно умалалась, за тѣмъ что указатель не понижался, и на всякую секунду выскакивали по три и по четыре искры. Продол-

---

* Объ этомъ наблюденіи Рихманъ упоминаетъ въ рѣчи которую заготовлялъ для акта (*Novi Commentarii* за 1752 и 1753 г., стр. 337): „Ломоносовъ наблюдалъ какъ безъ всякаго грома и молніи значительное электричество сообщалось желѣзному шесту правильно установленному.“

жаршись около получаса, во время сильного дождя, электрическая сила перестала и послѣ пяти минутъ началась снова при дождѣ; но спустя съ четверть часа окончилась.“ Другое любопытное явленіе замѣченное Ломоносовымъ есть различіе цвѣта извлекаемыхъ искръ, смотря по тому изъ какого вещества онѣ вылетаютъ: опытъ свидѣтельствующій что въ искрѣ находятся частицы отторгнутыя отъ металла изъ котораго она извлекается.

XIX.

Первые опыты Рихмана, какъ и опыты Ломоносова, были произведены лѣтомъ 1752 года. Они описаны въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ въ номерѣ 50 этого года находимъ:

„Понеже въ разныхъ вѣдомостяхъ объявлено важнѣйшее изобрѣтеніе, а именно: что электрическая матерія одинакая съ матеріею грома, то здѣшній профессоръ физики экспериментальной, г. Рихманъ, удостовѣрилъ себя о томъ и нѣкоторыхъ зрителей слѣдующимъ образомъ. Изъ середины дна бутылочнаго выбилъ онъ иверень и сквозь бутылку продѣлъ желѣзный пруть, длиною отъ 5 до 6 футовъ, толщиною въ одинъ палецъ, тупымъ концемъ и заткнулъ горло ее коркою. Послѣ велѣлъ онъ изъ верхушки кровли вынуть черепицъ и пропустилъ туда пруть, такъ что онъ отъ 4 до 5 футовъ высунулся, а дно бутылки лежало на кирпичахъ. Къ концу прута, который подъ кровлею изъ подъ дна бутылочнаго высунулся, укрѣпилъ онъ желѣзную проволоку и велъ ее до средняго апартамента все съ такою осторожностію, чтобъ проволока не коснулась низкаго тѣла, производящаго электрическую силу. Наконецъ, къ крайнему концу проволоки приложилъ онъ желѣзную линейку, такъ что она перпендикулярно внизъ висѣла, а къ верхнему концу линейки привязалъ шелковую нить, которая съ линейкою параллельно, а съ широчайшею стороною линейки въ одной плоскости висѣла. Описаніе сихъ приготовленій къ опыту читалъ онъ, при изслѣдованіи объявленнаго отдаленія грома отъ строенія, въ началѣ сего іюля мѣсяца въ академическомъ собраніи членамъ, и началъ уже сначала онаго мѣсяца по вся дни слѣдовать, отскочить ли нить отъ линейки и произведетъ ли потому какую электрическую силу, токмо не примѣтилъ ни малѣй-

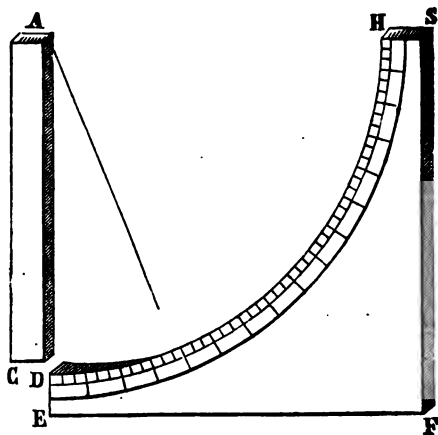
шей перемѣны въ нити. Чего ради съ великою нетерпѣливостію ожидалъ грома, которой 18 іюля въ полдень и случился. Громъ повидимому былъ не близко отъ строенія, однакожь онъ послѣ перваго удара тотчасъ примѣтилъ, что шелковая нить отъ линейки отскочила, и матерія съ шумомъ изъ конца линейки въ свѣтлыя искры рассыпалась, и при каждомъ осязаніи причиняла ту же чувствительность, какую обыкновенно производятъ электрическія искры. У нѣкоторыхъ, державшихъ линейку, шло потрясеніе по всей рукѣ. Шумъ исходящей матеріи былъ сначала столь великъ, что нѣкто, бывшій при томъ, на нѣсколько шаговъ отъ линейки, шумъ могъ слышать. Во время дождя примѣченны на линейкѣ электрическія, искры, также и послѣ грома. Все сіе продолжалось больше полутора часа, и электрическія дѣйствія были то больше, то меньше. Въ третьемъ часу пополудни окончилась электрическая сила, и болѣе не слышно было, чтобы гремѣло. По сему не надобно къ тому опыту ни электрической машины, ни электризованнаго тѣла, но громъ совершенно служитъ вмѣсто электрической машины.... И такъ совершенно доказано, что электрическая матерія одинакова съ громовою матеріею, и тѣ раскаяваться стануть, которые преждевременно маловѣроятными основаніями доказывать хотятъ, что обѣ матеріи различны.

Лѣтомъ 1753 года Рихманъ возобновилъ свои изысканія. Наблюденія онъ производилъ въ домѣ гдѣ жилъ на Васильевскомъ островѣ. „Я выбралъ говорить онъ, двѣ желѣзныя цѣпи въ 66 лондонскихъ футовъ длиною и вѣсомъ въ 9 фунтовъ. Одинъ изъ концевъ каждой цѣпи я повѣсилъ на шелковомъ снуркѣ на высотѣ около 40 футовъ надъ поверхностію рѣки Невы и устроилъ все такъ что бы шелковые шнуры не намокали отъ дождя и чтобы имѣть возможность опускать и подымать цѣпь. Другой конецъ я съ надлежащею предосторожностію провелъ въ комнату гдѣ имѣлъ въ виду производить наблюденія и соединилъ посредствомъ шелкового шнура со вбитымъ въ стѣну гвоздемъ.“ Находившійся на высотѣ конецъ одной изъ цѣпи былъ снабженъ желѣзнымъ остріемъ. Опытъ показалъ что цѣпь съ остріемъ сильнѣе привлекаетъ электричество чѣмъ не снабженная имъ; потому въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ Рихманъ пользовался главнымъ образомъ ею. Наблюденія надъ привлеченнымъ

изъ атмосферы электричествомъ онъ производилъ помощію своего электрическаго указателя (подобнымъ указателемъ пользовался и Ломоносовъ).

Это было „не что иное какъ льняная нить (Фиг. 3) въ $2\frac{1}{2}$ лондонскихъ дюйма длиною и въ $\frac{1}{2}$ аптекарскаго грана вѣсомъ укрѣпленная подлѣ широкой вертикальной линейки АС и повѣшенная съ верхней части линейки у ея узкой стороны. Подъ нею помѣщается деревянный квадрантъ DEFGH, немного большаго радіуса, чѣмъ длина нити, такимъ образомъ чтобы точка прикрѣпленія нити была центромъ квадранта и плоскость его находилась въ одной плоскости съ вертикальнымъ сѣченіемъ линейки. Если такая линейка приведена въ связь съ наэлектризованною массой, то, будучи сама наэлектризована, отталкиваетъ наэлектризованную нить, которая сверхъ того притягивается ненаэлектризованнымъ деревяннымъ квадрантомъ. Чѣмъ болѣе нить отходить отъ линейки, тѣмъ, значитъ, сильнѣе возбужденное электричество.“

Фиг. 3.

Линейка указателя была нижнимъ концемъ вставлена въ стеклянный сосудъ, не позволявшій электричеству уходить въ землю. Задержанное въ своемъ потокѣ электричество,

въ случаѣ значительнаго напряженія, должно было находить исходъ чрезъ приближаемыя тѣла, пробивая воздухъ въ формѣ искры. Это обстоятельство дѣлало опыты во время грозы весьма опасными.

О результатахъ новыхъ наблюденій Рихмана сообщено въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ въ номерѣ 56 отъ 3 іюля 1753 года читаемъ:

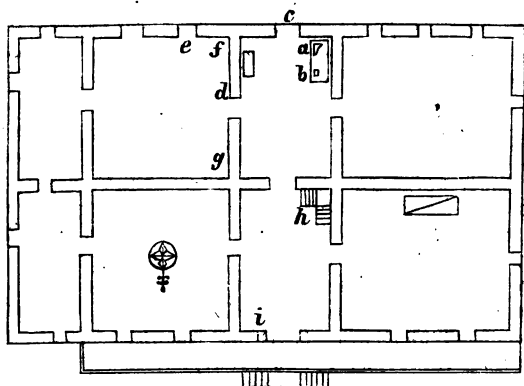
„Сего мѣсяца 11 числа, во время случившагося по полудни грому, господинъ профессоръ Рихманъ примѣчалъ въ началѣ 5 часа на повѣшенной своей цѣпи оказывающееся электрическое дѣйствіе. Сими примѣчаніями отчасти подтверждены были прежнія, отчасти усмотрѣны нѣкоторыя новыя дѣйствія, которыхъ прежде примѣтить ему не случилось. Электрическое дѣйствіе началось съ 5 часа и продолжалось до 7 часа, а во все то время было такъ сильно, что нитка на указатель электрической силы всегда стояла между 28 и 29 градусомъ, хотя иногда и чрезъ нѣсколько минутъ не было ни молніи, ни грому. Иногда электрическое дѣйствіе безъ грому и безъ молніи умножалось, а иногда безъ грому жъ и молніи уменьшалось. Также электрическая сила иногда во время блистанія молніи умножалась, какъ то примѣчено однажды что нитка поднялась отъ 15 до 20 градуса, а иногда во время блистанія жъ молніи уменьшалась, а именно нитка упала съ 27 градусовъ до 10; съ слѣдующимъ же потомъ громомъ опять поднималась до 20 градусовъ, а послѣ того въ три минуты, считая со времени блистанія молніи поднялась по маленьку до 28 градусовъ. Когда же потомъ опять молнія блеснула, и господинъ профессоръ разстояніе времени между громомъ и молніею счелъ 8 секундъ, тогда нитка показывала еще 25 градусовъ. Въ другой разъ, когда господинъ профессоръ между громомъ и молніею начелъ 24 секунды, тогда усмотрѣно было весьма слабое электрическое дѣйствіе, а когда онъ счелъ между громомъ и молніею 40 секундъ, тогда не примѣчено ни малѣйшаго дѣйствія. И такимъ образомъ господинъ профессоръ впервые примѣтилъ, что могло быть и грому и молніи, не сообщая электрической силы повѣшенной цѣпи. Еще жъ онъ примѣтилъ что во время электрической силы 25 градусовъ въ безвоздушномъ мѣстѣ * повѣшенной на шелковой ниткѣ фосфорической барометръ, въ такомъ мѣстѣ гдѣ

---

* То есть въ Торричеллиевой пустотѣ. Дурной переводъ сдѣлалъ сразу не ясной. Дѣло идетъ о томъ что барометръ издавалъ свѣтъ въ своей пустотѣ.

ему способно читать можно было, издавалъ отъ себя свѣтъ, а именно когда въ ртуть, что въ барометровой трубкѣ, отъ электризованной громомъ цѣпи проведенная желѣзная проволока опустится и когда онъ до барометровой дощечки перстомъ дотронется. Во время электрической же силы 25 градусовъ, загоралась грѣтая нефть нѣсколько разъ съ ряду, а понеже онъ употреблялъ притомъ и мушенброково стеклянное судно съ водою,* то и одна искра могла зажечь нефть способно, когда токмо отъ мѣднаго таза, въ которомъ мушенброково стеклянное судно съ водою стояло, проведенная желѣзная проволока въ зажигаемую нефть опущена была. Когда жъ онъ наконецъ самъ себя цѣпью электризовать началъ и притомъ дотрогивался до другой электрической цѣпи подлѣ себя повѣшенной, то иногда примѣчены были искры, а иногда искра не была, потому что электрическая сила въ цѣпяхъ иногда равно дѣйствовала, иногда не равно. Еще примѣчено изрядное дѣйствіе, когда нѣсколько съ пылью смѣшанной таянущейся нефти на подобіе нитки, къ круглому концу желѣза, отъ котораго нефть зажигается, ненарошно прильнуло, а именно: стекалъ съ нѣкоторымъ шумомъ синей свѣтъ на подобіе тонкой синей ниточки нѣсколько минутъ съ помянутаго конца въ сосудъ въ которомъ нефть находилась.“

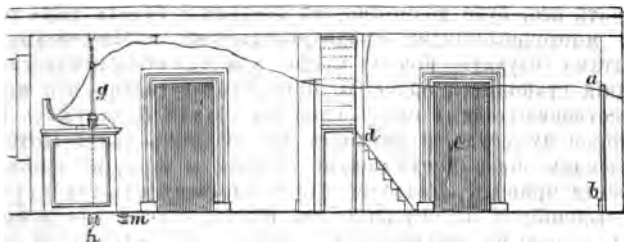
Фиг. 4.

Въ рѣчи Ломоносова мы находимъ планъ и профиль комнатъ гдѣ Рихманъ производилъ свои наблюденія.

* Лейденская банка.

Фиг. 3.

Опыты производились въ сѣняхъ около окна (фиг. 4) у котораго въ *a* стоялъ Рихманъ и которое было всегда затворено чтобы привѣшенной нити указателя не качалъ вѣтеръ. Окно *e* въ ближайшемъ покоѣ, гдѣ при *f* стояли часы, было въ день происшествія отворено. Проволока проходила отъ двери *i* чрезъ первое отдѣленіе сѣней во второе гдѣ производились опыты. На фиг. 5 видно какъ направлялась проволока до указателя *g*. Мѣсто гдѣ стоялъ при своихъ наблюденіяхъ Рихманъ обозначено буквою *h*; буквою *m* обозначается мѣсто гдѣ во время происшествія стоялъ граверъ Соколовъ.

И Ломоносовъ и Рихманъ знали опасность какой подвергались, производя свои опыты. Упомянувъ о своихъ наблюденіяхъ 1752 года Ломоносовъ занесъ въ свой отчетъ, что чинилъ ихъ „съ великою опасностію.“ Рихманъ заготовляя рѣчь писалъ слѣдующія строки:

„Атмосферное электричество имѣетъ такіа свойства, что не удивительно если нѣкоторые скорѣе въ изумленіи и недоумѣніи смотрѣли на это необычайное явленіе, чѣмъ заботились объ опредѣленіи сопровождающихъ его обстоятельствъ. Однихъ отъ дальнѣйшаго изслѣдованія могъ отелонить естественный ужасъ, другихъ опасеніе вкоренившееся отъ воспитанія. Отсюда возникаютъ вопросы: могутъ ли подобныя наблюденія быть произведены безъ опасности? и не можетъ ли отъ тѣхъ наэлектризованныхъ веществомъ молніи произойти страшное дѣйствіе молніи и привлечена опасность въ высшей степени неосмотрительной наукой? Этотъ ужасъ и эти опасенія могутъ быть уничтожены не иначе,

какъ если будетъ показано, что подобнаго рода наблюденія могутъ быть производимы безъ опасности или что можетъ быть дано отвращающее средство, если есть опасность. Но рѣшить это, буде возможно, въ состояніи будетъ лишь тотъ кто многочисленными предварительными наблюденіями и опытами изучитъ почему и при какихъ обстоятельствахъ молнія становится опасною. Ясно, слѣдовательно, что нынѣ естествоиспытателямъ представляется случай обнаружить нѣкоторое мужество и смѣлость въ опасномъ дѣлѣ. Потому, такъ какъ обязанность моя, на сколько я могу, изслѣдовать явленія природы, ничто не отелоняло меня отъ такого рода наблюденій; я не опускалъ ни одного случая когда была возможность не только наблюдать, но и до нѣкоторой степени измѣрить явленія естественнаго электричества. Особенно въ текущемъ году я приготовилъ всѣ средства, дабы имѣть возможность наблюдать явленія при опредѣленныхъ обстоятельствахъ.“

Помѣщая въ *Novi Commentarii Academie Petropolitanae* (Т. IV, за 1752 и 1753 г.) то что сохранилось по смерти Рихмана отъ заготовлявшейся имъ рѣчи, академическая редакція замѣчаетъ:

„Настоящее разсужденіе знаменитый авторъ предназначалъ для академической рѣчи, которая долженствовала быть произнесена 6-го сентября 1753 года въ торжественномъ собраніи Академіи; но предупрежденный смертію онъ не произнесъ ее. Поэтому, такъ какъ она не напечатана отдѣльно, какъ бывало въ другихъ случаяхъ, мы отвели ей мѣсто здѣсь, устранивъ то что носило отличительныя черты рѣчи и представлялось не совсѣмъ подходящимъ къ этому собранію. Этотъ небольшой трудъ довершаетъ физическія изслѣдованія Рихмана. Это предѣлъ поприща имъ пройденнаго. Это похоронная пѣснь, въ которой онъ, подобно лебедямъ, повидимому, самъ себѣ предсказалъ смерть. Онъ сказалъ, что въ настоящія новѣйшія времена для естествоиспытателей открывается возможность показать нѣкоторое мужество и смѣлость въ опасномъ дѣлѣ.“

XX.

Въ роковой день 26 іюля и Ломоносовъ и Рихманъ одновременно наблюдали громовую электрическую силу. Ломоносовъ сидѣлъ при указателѣ съ веществами различнаго рода, помощію которыхъ извлекалъ искры наблюдая ихъ

разные цвѣта. Внезапный сильный ударъ умалилъ и скоро отнялъ всю силу изъ прута. Это былъ ударъ сразившій Рихмана.

Судьба сохраняла Россіи ея перваго ученаго; Рихманъ почилъ „славною смертію“, по выраженіи его собрата по опасности.

Ломоносовъ, какъ только былъ извѣщенъ о печальномъ событіи, поспѣшилъ въ домъ Рихмана, котораго засталъ уже бездыханнымъ. Свои первыя впечатлѣнія онъ изложилъ въ замѣчательномъ письмѣ къ Шувалову написанномъ въ тотъ же день.

„Что я нынѣ къ вашему превосходительству пишу, за чуждо почитайте, для того что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойной профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время какъ я руку держалъ у желѣза, и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила чтобы я прочь шолъ. Лыбодытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынуть, а при томъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *профессора громомъ зашибло*. Въ самой возможной скорости, какъ силъ было много, пріѣхавъ, увидѣлъ что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и друж-

ба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лица, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линей съ ниткою пришолъ ему въ голову, гдѣ красновиншневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини, и башмакъ разодранъ, а не прожжонъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шесть съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько хочеть. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ обѣ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради ваше превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лутчаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивой государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградить, и я буду больше почитать нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки

Вашего превосходительства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

Михайла Ломоносова.

Вскорѣ описаніе трагической кончины Рихмана появилось въ *С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ августа 3 читаемъ:

„О скоропостижной смерти господина профессора Рихмана, который публикованными неоднократно въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ опытами о громѣ и молніи довольно знаемымъ

себя учинилъ, сообщается слѣдующее обстоятельное извѣстіе. А именно: 26 числа прошедшаго іюля мѣсяца въ началѣ 1 часа пополудни, хотѣлъ онъ при академическомъ гридоровальномъ мастерѣ Иванѣ Соколовѣ, учиня къ тому свои приуготовленія, примѣчать электрическое дѣйствіе громовой тучи возставшей отъ сѣвера при ясномъ солнечномъ сіяніи. Оныя приуготовленія учинены были имъ въ сѣняхъ, которыя шириною были на 4, а длиною на 13 шаговъ; и гдѣ на сѣверъ находились двери, а къ югу окно, которое отворено ли было или нѣтъ, о томъ заподлинно извѣститься не можно было. Не далеко отъ сего окна стоялъ шкафъ вышиною въ 4 фута, на которомъ учреждена была машина для примѣчанія электрической силы, называемая *указатель электрической* съ желѣзнымъ прутомъ, толщиною въ палецъ, а длиною въ 1 футъ, котораго нижней конецъ опущенъ былъ въ наполненный отчасти мѣдными опилками хрустальный стаканъ. Къ сему пруту съ кровли онаго дому проведена была сквозъ сѣни подъ потолокъ тонкая желѣзная проволока. Когда господинъ профессоръ, посмотрѣвши на указателя электрическаго, разсудилъ, что громъ еще далеко отстоитъ, то увѣрилъ онъ гридоровальнаго мастера Соколова, что теперь нѣтъ еще никакой опасности, однако, когда подойдетъ очень близко, то де можетъ быть опасность. Вскорѣ послѣ того, какъ господинъ профессоръ, отстоя на футъ отъ желѣзнаго прута, смотрѣлъ на указателя электрическаго, увидѣлъ помянутой Соколовъ что изъ прута, безъ всякаго прикосновенія вышелъ блѣдно-синеватой огненный клубъ съ вулакъ величиною, шелъ прямо ко лбу господина профессора, которой въ самое то время не издавъ ни малаго голоса упалъ назадъ, на стоящій позади его у стѣны сундукъ. Въ самый же тотъ моментъ послѣдовалъ такой ударъ будто бы изъ малой пушки выпалено было, отъ чего и оной гридоровальный мастеръ упалъ на земь, и почувствовалъ на спинѣ у себя нѣкоторые удары, о которыхъ послѣ усмотрѣно, что оныя произошли отъ изорванной проволоки, которая у него на кафтанѣ съ плечъ до фалды оставила знатныя горѣлыя полосы. Какъ оной гридоровальной мастеръ опять всталъ и за оглушеніемъ оперся на шкафъ, то не могъ онъ отъ дыма видѣть лица господина профессора, и думалъ, что онъ только упалъ, какъ и онъ; а понеже видя дымъ, подумалъ онъ, что молнія не зажгла ли дому, то выбѣжалъ, будучи еще въ безпамятствѣ, на улицу и объявилъ о томъ стоящему не далеко оттуда пикету. Какъ жена господина профессора, услышавши такой сильной ударъ, туда прибѣжала, то увидѣла она, что сѣни дымомъ, какъ

отъ пороху, наполнены. Соколова тутъ уже не было, и какъ она оборотилась, то примѣтила, что господинъ профессоръ безъ всякаго дыханія лежитъ навзничъ на сундукѣ у стѣны. Тотчасъ стали его тереть, чтобъ отвѣдать не оживетъ ли, а между тѣмъ послали по господина профессора Краценштейна и по лѣкаря, которые чрезъ 10 минутъ послѣ удара туда пришли и изъ руки кровь ему пустили; однако крови вышла только одна капелька, хотя жила, какъ то уже послѣ усмотрѣно, и дѣйствительно отворена была. Біенія же жилъ и на самой груди примѣтить не возможно было. Господинъ Краценштейнъ нѣсколько разъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ съ задушившимися людьми, зажавъ господину Рихману ноздри, дулъ ему въ грудь, но все напрасно. На внѣшнихъ членахъ не примѣчено ни малѣйшаго знаку какого поврежденія. При осмотрѣ явилось на верхней части лба, гдѣ волосы начинаются, къ лѣвой сторонѣ продолговато-круглое красное пятно величиною съ рублевикъ, на которомъ кровь безъ поврежденія кожи сквозъ поры вышла. Башмакъ на лѣвой ногѣ къ лѣвой сторонѣ въ двухъ мѣстахъ былъ прорванъ, токмо безъ всякаго знаку сожженія. У дыръ видны были малыя бѣлыя крапины. На голый ногъ усмотрѣно въ томъ же мѣстѣ кровавое пятно величиною также съ рублевикъ. На тѣлѣ, особливо на лѣвой сторонѣ отъ шеи до ладышки примѣчено 8 большихъ и малыхъ красныхъ и синихъ пятенъ. Прочія совсѣмъ малыя казались какъ обожженные порохоми. Какъ послѣ того осматривали сѣни, гдѣ сіе приключилось, то найдено, что косякъ у дверей, которыя растворены были, сверху до низу отколотъ, и вмѣстѣ съ дверьми въ сѣни брошенъ. У поваренныхъ дверей въ тѣхъ же сѣняхъ снизу длиною на 2 фута отколота была щепка толщиною съ гусиное перо, и брошена на шестую ступень, стоящей не далеко оттуда вверхъ лѣстницы. У хрустальнаго стакана, которой употребляемъ былъ вмѣсто мушенброкова стекляннаго сосуда отшибена была половина, а мѣдныя опилки разбросаны, желѣзная же проволока изорвана на мелкія части.

„На другой день по призыву Академіи Наукъ, господинъ профессоръ Краценштейнъ съ адъюнктомъ анатоміи господиномъ Клейнфелтомъ, при господинѣ профессорѣ Шрейберѣ, спустя цѣлыя сутки послѣ того, тѣло вскрыли и нашли, что пятна всѣ засохли и ожесточали, а на находящихся въ тѣхъ мѣстахъ волосахъ никакого знаку обожженія не было. По отдѣленіи кожи найдено что пятна нигдѣ далѣе не проходили какъ только серозъ кожу; также ни на мускулахъ, ни на костяхъ не видно было никакого повреж-

денія; мозгъ былъ цѣлъ и въ самомъ здоровомъ состояніи, и ничуть не видно было, чтобы кровь вышла. Также въ груди переднія части легкаго, которыя обыкновенно грудь наполняютъ, находились безъ всякаго поврежденія въ натуральномъ своемъ состояніи; въ сердцѣ хотя крови не было, однакожъ оно не повреждено было. Вся же задняя половина легкаго, а особливо правая сторона была черна и выступившею кровью вездѣ изнаполнена. Въ груди найдено около полуфунта вышедшей чистой крови. Но какъ горло отъ желудочнаго жерла отдѣлили, то увидѣли, что задняя часть онаго дыхательнаго прохода чрезвычайно мягка, тонка и разодрана была. Отпуски дыхательнаго прохода отчасти были чистою, отчасти жъ пенистою кровью наполнены, а прежде того до вскрытія тѣла, при оборачиваніи, кровь изо рта шла. Переднія кишки также были безъ поврежденія, а лежащія у позвонковъ, а особливо мница и ея пространство выступившею кровью наполнены были. Прочее же внутреннее, какъ печень, селезенка и почки находились въ совершенно здоровомъ состояніи. Впрочемъ господинъ профессоръ, при такъ отдаленной тучѣ, по всему виду могъ бы быть безопасенъ; ибо оная туча была у сѣвернаго горизонта, и отстояла отъ его зенита слишкомъ на 6 градусовъ; а по прежде бывшимъ, и потомъ воспослѣдовавшимъ весьма яснымъ пяти или шести ударамъ, особливо по времени изчисленномъ между громомъ и молніею, котораго примѣчено отъ 15 до 20 секундъ, о далекомъ отстояніи совершенно увѣрену быть можно было. Сей смертельной ударъ былъ токмо одинъ, при которомъ ударъ за молніею непосредственно слѣдовалъ; а совѣтникъ и профессоръ господинъ Ломоносовъ, которой въ то же время въ своемъ домѣ, недалеко отъ господина профессора Рихмана, отстоящемъ, у электризованной же проволоки находился, при семъ ударѣ видѣлъ однѣ токмо сильныя искры.“

Дополняя и исправляя описаніе *Вѣдомостей*, Ломоносовъ замѣчаетъ, что окно у котораго производились опыты было закрыто; но „отворено было окно въ сосѣднемъ покоѣ (е на фиг. 4) и половина двери, такъ что движеніе воздуха быть могло съ протяженіемъ проволоки согласно. Мушенброкковой машины не было, но конецъ лишила стоялъ въ опилкахъ для того чтобы электрическая сила изъ угловъ не терялась, и указатель не матался.“ Далѣе Ломоносовъ прибавляетъ что у Рихмана „въ лѣвомъ кафтанномъ карманѣ было семьдесятъ руб. денегъ, которыя цѣлы

остались; часы въ углѣ *f* (фиг. 4) движеніе свое остановили, а въ другомъ углу *g* съ печи песокъ разлетѣлся.“ Наконецъ Ломоносовъ даетъ важное показаніе, что „молнію извѣѣ къ стрѣлѣ блеснувшую многіе сказывали что видѣли.“

Скоро описаніе кончины Рихмана появилось и въ иностранныхъ изданіяхъ. Извѣстіе, по русски напечатанное въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, на нѣмецкомъ языкѣ появилось въ *Данцигскихъ извѣстіяхъ* (*Danziger Erfahrungen und Nachrichten*) съ замѣчаніями издателя, профессора Ганова (Hapow), потомъ издано отдѣльное брошюрой и наконецъ вошло въ сдѣланное Тиціусомъ (Johann Daniel Titius) изданіе статей Ганова подъ заглавіемъ *Seltenheiten der Natur und Oekonomie* (Leipzig, 1755). Гановъ пришелъ къ странному убѣжденію что явленіе поразившее Рихмана вовсе не было электрическимъ. Электрическое напряженіе шеста казалось ему слишкомъ слабымъ чтобъ произвести подобное дѣйствіе. Въ петербургскомъ происшествіи онъ видѣлъ случай ближайшимъ образомъ сходный съ случаемъ бывшимъ въ Варшавѣ 2 февралѣ 1724 года, когда писецъ королевской конторы былъ испуганъ вихремъ съ пылью и паромъ ворвавшимся въ комнату, разбивъ окно. Изъ пыли и пара выдѣлился огненный клубъ величиною съ кулакъ, упалъ близъ камина и исчезъ съ сильнымъ трескомъ и пламенемъ (очевидно, случай такъ называемой клубообразной молніи). Пятно на вискѣ Рихмана и дырочку въ башмакѣ Гановъ объяснялъ разрѣженіемъ воздуха около огненного шара и полагалъ что Рихманъ задохнулся въ разрѣженной атмосферѣ, пропитанной къ тому же сѣрыми парами. Мнѣніе Ганова что явленіе причинившее смерть Рихману не было явленіемъ электрическимъ не выдерживаетъ критики. Случай въ Варшавѣ, очевидно, самъ былъ электрическимъ явленіемъ. Но замѣченная Соколовымъ искра величиною съ кулакъ, вылетѣвшая изъ показателя, дала поводъ нѣкоторымъ ученымъ, и послѣ Ганова, видѣть въ происшествіи съ Рихманомъ не обыкновенный случай удара молніи, а явленіе болѣе исключительное. Араго въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *Огромъ* помѣ-

щаетъ искру поразившую Рихмана въ числѣ случаевъ молніи клубообразной формы и какъ объ особенностяхъ происшествіи упоминаетъ будто бы извѣстнаго не было замѣчено ни грому, ни молніи. Изъ точныхъ свѣдѣній доставленныхъ Ломоносовымъ и другими товарищами Рихмана видимъ что это утвержденіе несправедливо. Араго не указываетъ источника откуда заимствовалъ онъ свое краткое описаніе, но какъ видно изъ примѣчаній Ганова въ нѣкоторыхъ современныхъ изданіяхъ дѣйствительно неточно говорилось что молнія поразившая Рихмана продолжала свой путь въ формѣ огненного клуба. Вотъ, напримѣръ, не точное описаніе приводимое Гановымъ изъ одного непоминаннаго имъ журнала. „Громъ коснулся острія выставленной на дворѣ машины (Der Donner hieng sich an die Spitze der im Hofe aufgerichteten Maschine), огненной струей пробѣжалъ по цѣпи, мгновенно убилъ профессора Рихмана занимавшагося при концѣ цѣпи наблюденіями надъ силою электричества. Громъ поразилъ его въ голову гдѣ замѣчена была потомъ рана величиною въ рубль; затѣмъ пробѣжалъ вдоль спины и вышелъ чрезъ лѣвую ногу разорвавъ башмакъ. Русскій упалъ безъ памяти и когда очнулся бросился въ ближайшую церковь благодарить Бога за спасеніе жизни. У входной двери оборвана балка (am Eingange der Thüre riss der Balken herunter) а на сосѣднихъ доскахъ расплавлено желѣзо. Дойдя до конца цѣпи громъ вышелъ изъ дому на улицу гдѣ понесся въ формѣ огненного клуба (wo er in Form eines Feuerklumpens heraufstieg). До и послѣ пагубнаго удара громъ слышался только вдали.“

Весьма обстоятельное описаніе смерти Рихмана находимъ въ ученыхъ запискахъ въ Лондонскаго Королевскаго Общества. * Оно напечатано въ *Philosophical Transactions* 1755

---

* Петербургская Академія съ самаго основанія своего находилась въ сношеніяхъ съ Королевскимъ Обществомъ, въ архивахъ котораго (*Letter-Book of the Royal Society*, Vol. XVIII, pages 340—342) сохранились два письма присланные въ Общество въ концѣ 1726 года съ извѣщеніемъ объ осуществленіи идеи Петра. Приводимъ въ переводѣ съ латинскаго два эти письма, копія съ которыхъ получены нами отъ секретаря Королевскаго

года, въ переводѣ съ нѣмецкаго, и замѣчательно точнымъ изложеніемъ физическихъ условій при какихъ произошло роковое событіе. Считаемо нелишнимъ привести это любопытное описаніе.

„Г. Рихманъ, желая съ болѣею достовѣрностію излагать то о чемъ предполагалъ бесѣдовать въ рѣчи, пользовался каждымъ случаемъ появленія громовой тучи чтобы

Общества чрезъ посредство К. И Ренара, секретаря Московскаго Общества Испытателей Природы.

Первое письмо отъ 11 октября 1726 года писано секретаремъ Петербургской Академіи и имѣетъ болѣе или менѣе характеръ оффиціального извѣщенія объ учрежденіи въ Петербургѣ ученаго общества. Въ письмѣ этомъ, адресованномъ на имя президента Лондонскаго Общества, сказано: „Такъ какъ учрежденіе вашего Общества и главныя открытія, которыя оно сдѣлало такъ благоприятно подѣйствовали на Французовъ и Нѣмцевъ, что и они въ свою очередь начали основывать подобныя собранія и академіи, будучи возбуждены примѣромъ Англичанъ, то мы не сомнѣваемся, что всѣ ученые признаютъ достойнымъ высочайшей похвалы осуществленіе щедротами Августѣйшей Монархини плана Петра Великаго основать въ Петербургѣ Академію, которая не только преподавала бы въ Россійской Имперіи науки, дотогѣ мало здѣсь разрабатывавшіяся, но и сверхъ того обогащала бы новыми открытіями и освѣщала новыми методами врачебное искусство и математику. Но въ особенности для преуспѣванія астрономіи, надѣемся, будутъ полезны наши наблюденія: они будутъ для васъ, мы увѣрены, тѣмъ пріятнѣе, что ихъ такъ мало доселѣ дѣлано было на сѣверѣ. Между тѣмъ, пока другіе труды Академіи собираются въ надлежащій томъ, мы рѣшили присоединить къ настоящему письму два разсужденія нашихъ академиковъ. Для насъ ничего не можетъ быть почетнѣе, ничего пріятнѣе какъ если попытки наши со дня на день болѣе и болѣе будутъ встрѣчать одобреніе вашего ученаго общества, которое и по времени старше другихъ и по числу и заслугамъ членовъ не уступаетъ ни какому. Петербургъ 11 октября 1726 г. Христіанъ Гольдбахъ, секретарь Академіи.“

Второе письмо помѣченное 27 апрѣля 1727 году писано на имя секретаря Общества Петербургскимъ академикомъ Бюльфингеромъ и содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Кто по мѣрѣ своихъ способностей старается подражать прекраснымъ примѣрамъ другихъ, тотъ обыкновенно не безъ права ожидаетъ признательности за доброе намѣреніе отъ ученыхъ вообще, и въ особенности благорасположенія отъ своихъ предшественниковъ. И въ этомъ, знаменитый мужъ, заключается причина, почему я рѣшаюсь обратиться къ тебѣ съ настоящимъ письмомъ. Въ Петербургѣ собрано нѣсколько ученыхъ мужей, которымъ Августѣйшая Монархиня, кромѣ обученія русскаго юношества, сдѣ-

старательно опредѣлять ея силу. Для сей цѣли на крышѣ его дома всегда стояли шесты. Они воспринимали электрическую силу облаковъ и сообщали ее прикрѣпленнымъ къ нимъ цѣпямъ, посредствомъ коихъ она проводилась въ одну изъ комнатъ, гдѣ былъ его аппаратъ. Онъ присутствовалъ на обычномъ засѣданіи академіи 26 іюля 1753 года, около полудня, когда въ солнечный день, при ясномъ небѣ, на порядочномъ разстояніи раздался громъ. Тогда онъ поспѣшилъ домой, въ надеждѣ подтвердить свои прежнія наблюденія или можетъ быть, при случаѣ, сдѣлать новыя. Граверъ Соколовъ, имѣвшій попеченіе объ изданіи его будущаго

зала еще порученіе, чтобы они, по примѣру Лондонскаго и Парижскаго Королевскихъ Обществъ, дѣятельно занимались развитіемъ и усовершенствованіемъ точныхъ наукъ, преимущественно естественныхъ и математическихъ, (*ut... excolendis, perficiendisq. scientiis solidioribus, praecipue physicis et mathematicis tenebre incubant*) и чтобы для болѣе удачнаго достиженія этой цѣли старались вступить съ означенными обществами въ письменныя сношенія и поддерживать оныя въ послѣдствіи. Знаю сколь большую помощь можемъ мы получить въ изслѣдованіи истины, если вы удостоите насъ благовременнымъ сообщеніемъ наиболѣе замѣчательныхъ наблюденій, которыя у васъ теперь производятся. Но я увѣренъ также, что найдутся нѣкоторыя явленія, которыя въ здѣшнихъ странахъ могутъ быть наблюдаемы удобнѣе и, будучи описаны, принести вамъ нѣкоторую пользу. И такъ, чтобы не остаться въ этомъ отношеніи безъ услуги съ нашей стороны, мы предлагаемъ вамъ, славные и знаменитые мужи, содѣйствіе, какое только будемъ въ состояніи оказать вамъ по вашему указанію, чтобы отблагодарить за ваше благорасположеніе. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, главный предсѣдатель академіи, Блуменроствъ, поручилъ занятіе опытною физикой: поэтому съ тѣмъ болѣею увѣренностью я могу обѣщать, что, если вы пожелаете, чтобы у насъ производились какіе наблюденія или опыты, то это будетъ исполнено со всевозможною заботливостью. Я узналъ изъ программы, изданной тобою — и присоединенной моимъ теперешнимъ товарищемъ, профессоромъ у насъ практики, Лейтманомъ къ его сочиненію объ метеорологическихъ инструментахъ, изданному въ Виттенбергѣ въ 1725 году, — о желаніи вашемъ чтобы метеорологическія наблюденія производились общими силами; потому мы озаботились, чтобы они производились здѣсь въ Петербургѣ въ разныхъ мѣстахъ, и постараемся, чтобы съ теченіемъ времени производились во многихъ пунктахъ имперіи. Они, по исполненіи, могутъ быть сравнены съ вашими. Между прочими предосторожностями, на которыя будетъ обращено вниманіе въ этомъ отношеніи, я поставилъ еще и то, чтобы, на сколько это возможно, дѣйствія теплоты отдѣлялись отъ дѣйствій атмосфернаго давленія. Для достиженія этой цѣли я не такъ давно предложилъ нашему обществу новаго рода барометръ, который

трактата, сопровождалъ его съ цѣлью ближе ознакомиться съ главными обстоятельствами электрическаго опыта дабы быть въ состояніи точнѣе изобразить его на мѣдной доскѣ. Г. Рихманъ привелъ гравера тотчасъ къ аппарату и сдѣлалъ наблюденія надъ электрическою силою шеста, которая оказалась только 4; отсюда можно было заключить что шесть очень мало получилъ отъ громовой силы. Рихманъ объяснялъ Соколову опасныя послѣдствія, какія можно бы ожидать, если бы электрическая сила возрасла до 45 и болѣе градусовъ указателя. Въ это время, въ половинѣ перваго по полудни, и случилось несчастіе стоившее жизни профессору Рихману. Густое облако шедшее съ сѣверо-востока и, казалось, низко плававшее въ воздухѣ было замѣчено находившимися на улицѣ; они утверждаютъ что ясно видѣли какъ, при блеснувшей молніи и раздавшемся громѣ, нѣкоторое количество парообразнаго вещества вышло отъ него и разстѣлось въ окружающемъ пространствѣ. Подобный ударъ трудно припомнить въ Петербургѣ; погода осталась ясной и послѣ удара какъ была до него. Одинъ англійскій капитанъ замѣтилъ что вѣтеръ, въ началѣ бывшій восточнымъ, не долго до удара повернулъ съ запада, но послѣ удара возвратился къ прежней точкѣ на востокъ. Этимъ повидимому объясняется какимъ образомъ такъ быстро послѣдовало воспламененіе электризованныхъ частицъ: вѣтеръ притянулъ облако на встрѣчу другому менѣе проникнутому воспламеняющейся матеріей. Сосѣди объявили что въ окна видѣли какъ паръ разными лучами стремительно распространился вдоль улицы и всюду гдѣ касался земли давалъ искры. Этому можно вѣрить, ибо нѣкоторые изъ проходящихъ, попавъ между такими лучами пара, были оглушены, и нѣкоторые повержены на землю, хотя скоро опять пришли въ себя. Сторожъ на Большемъ Проспектѣ, недалеко отъ Рихманова

не только гораздо чувствительнѣе простаго, но сверхъ того при помощи не трудной операціи показываетъ что слѣдуетъ приписать дѣйствию теплоты и что дѣйствию тяжести. Но дабы это письмо пришло къ тебѣ не безъ положительныхъ результатовъ и чтобы въ случаѣ если я ошибаюсь, освободиться отъ ошибокъ при твоихъ указаніяхъ, я присоединяю къ настоящему письму описаніе этого снаряда. Въ случаѣ, если замѣчу что для васъ не отяготительны письменныя сношенія съ нашимъ обществомъ, буду писать о болѣе важныхъ предметахъ, указывая на труды моихъ товарищей, ибо я не хочу писать о предметахъ, на которые не имѣю ни какого права. Прощай, знаменитый мужъ, и если одобряешь мое намѣреніе, то прими благосклонно наши попытки."

дома, стоявшій на углу сказаннаго проспекта, былъ отброшенъ на нѣсколько шаговъ отъ будки, но не потерпѣлъ никакого вреда. Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться что дѣйствительно грозовое облако своимъ электрическимъ разрядомъ поразило желѣзный шестъ бывшій на крышѣ Рихманова дома; значительная часть электрической силы была проведена имъ, помощію цѣпей, къ электрическому указателю. Это-то и произвело печальное дѣйствіе, подобнаго которому нельзя указать. Согласно разказу гравера Соколова, г. Рихманъ наклонилъ голову къ указателю чтобы наблюдать какую степень силы онъ обнаруживалъ; и пока онъ стоялъ въ такомъ наклоненномъ положеніи, большое бѣлое и голубоватое пламя показалось между электрическимъ указателемъ и головою Рихмана. Въ то же время обнаружился какъ бы родъ струи или пара, совсѣмъ лишившій гравера чувства и повергнувшей его къ землѣ, такъ что онъ не можетъ вспомнить что-бы слышалъ громкій ударъ грома. Желѣзная линейка указателя, висѣвшая вертикально, принимая всю электрическую силу отъ шестовъ и цѣпей, отталкивала отъ себя нить и заставляла ее подыматься. Чтобы этотъ желѣзный проводникъ могъ указывать степень силы электричества, онъ былъ, для болѣе сильнаго дѣйствія, нижнимъ концомъ опущенъ въ стеклянный сосудъ наполненный мѣдными опилками. Этотъ прямо висѣвшій проводникъ всегда производилъ шаровидное пламя какъ отъ искусственнаго электричества, такъ и отъ электричества облаковъ которое можетъ быть названо естественнымъ. Будучи задержано опилками и стекляннымъ сосудомъ отъ направленія внизъ, электричество, повидимому, распространилось вокругъ проводника и благодаря этимъ тѣламъ, которыя не могли его увести, направилось на г. Рихмана. Это подтверждается далѣе тѣмъ что въ послѣдствіи стеклянный сосудъ найденъ разбитымъ на части и опилки разсыянными вокругъ. Подробностей о томъ что случилось съ г. Рихманомъ г. Соколовъ не знаетъ. Какъ только къ нему возвратилось чувство, онъ поднялся и выбѣжалъ изъ дому, извѣщая всѣхъ и каждаго кого встрѣчалъ на улицѣ что громъ ударилъ въ домъ г. Рихмана. Съ другой стороны, какъ только г-жа Рихманъ услышала очень сильный ударъ грома, она поспѣшила въ комнату, опасаясь не случилось ли какого несчастія. Она нашла своего мужа безъ чувствъ сидящаго на скамьѣ, случившейся позади его, и прислоненнаго къ стѣнѣ; положеніе это, должно быть, произошло отъ того что онъ упалъ назадъ при полученіи электрическаго удара, который убилъ его на мѣстѣ. Не было ни малѣйшихъ признаковъ

жизни. Сѣрный запахъ, нѣсколько похожій на запахъ отъ взрыва пороха распространился по всему дому. Нѣсколько слугъ работавшихъ на кухнѣ, ощутили его дѣйствіе и были какъ одурманенные. Электрическій указатель стоялъ на невысокомъ столикѣ гдѣ находилась также китайская ваза; она была разбита въ дребезги, и во всемъ домѣ было такое потрясеніе что даже остановился маятникъ англійскихъ часовъ висѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ. Никакого другаго воспламененія въ домѣ не случилось. Но дѣйствіе силы электричества или громоваго удара можно было замѣтить на дверныхъ косякахъ, потому что они были расщеплены вдоль, и самая дверь съ частью оторваннаго косяка брошена въ переднюю. Причиной сего, какъ кажется, было то что одна изъ вышеупомянутыхъ цѣпей, которыя были проведены отъ стоявшихъ на крышѣ шестовъ къ указателю, проходила близъ этой двери. У кухонной двери, бывшей въ небольшомъ разстояніи, былъ оторванъ плитусъ и брошенъ на лѣстницу идущую на верхъ дома, такъ что повидимому часть электрическаго вещества приняла направленіе въ эту сторону, не причинивъ, впрочемъ, большаго вреда. Дважды открывали вену у бездыханнаго тѣла профессора, но кровь не пошла. Старались привести его въ чувство сильными натираніемъ, но напрасно. Когда во время растиранія перевернули тѣло ничкомъ, то изо рта вытекло незначительное количество крови. На лбу было замѣтно красное пятно, изъ котораго, безъ пораненія кожи, просочилось нѣсколько капель крови. Сапогъ на лѣвой ногѣ былъ разорванъ. Обнаживъ ногу, на этомъ мѣстѣ нашли синее пятно, изъ чего заключаютъ что электрическая сила грома ударивъ въ голову, вышла вонъ изъ тѣла у ноги. На тѣлѣ, въ особенности на лѣвой сторонѣ, было нѣсколько красныхъ и синихъ пятенъ похожихъ на кожу сморщившуюся при горѣніи. Нѣсколько синихъ пятенъ были еще замѣчены послѣ на всемъ тѣлѣ и въ особенности на спинѣ. Цвѣтъ пятна на лбу измѣнился въ темнокрасный. Волосы на головѣ не были опалены, хотя пятно отчасти захватило ихъ. На мѣстѣ гдѣ былъ разорванъ сапогъ, чулокъ былъ цѣлъ, какъ былъ также вездѣ цѣлъ и сюртукъ, и только жилетъ былъ опаленъ на переднемъ отворотѣ въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ соединялся со спинкой. Но на спинкѣ сюртука гравера были замѣчены длинныя узкія полосы какъ будто ворсъ сукна былъ сожженъ раскаленными проволоками.

При вскрытіи тѣла на слѣдующій день, черезъ 24 часа спустя по смерти, черепъ оказался цѣлымъ безъ всякихъ трещинъ или разломовъ; мозгъ въ неповрежденномъ состояніи; прозрачныя перепонки гортани были чрезвычайно нѣжны, уступ-

чивы и легко отдирались. Въ ней и въ полости подъ легкими было нѣкоторое количество излившейся изъ сосудовъ крови; переднія части легкихъ были совершенно въ хорошемъ состояніи и не повреждены, но части легкихъ обращенныя къ спинѣ были темнаго цвѣта и болѣе переполнены кровью; ни одна изъ внутренностей не была тронута; глотка, железы и тонкія кишки были воспалены. Опаленныя пятна не проникали далѣе кожи. Однимъ словомъ, хотя можно было прослѣдить всѣ послѣдствія мгновеннаго удара по всему тѣлу, но многія изъ нихъ не замѣчались у другихъ людей пораженныхъ громомъ, когда ихъ осматривали. Не слѣдовало ли по этому придти къ заключенію что электрическая сила причинившая смерть г. Рихмана, была иной субстанціи чѣмъ обыкновенная молнія. Что она была гораздо болѣе тонкаго свойства это очевидно изъ того она оставила такъ мало видимыхъ слѣдовъ на тѣлѣ въ которое проникла. Черезъ двое сутокъ, тѣло такъ испортилось, что съ трудомъ было уложено въ гробъ.

„Г. Рихманъ родился въ Пернавѣ 11-го іюля 1711 года, по смерти своего отца, шведскаго королевскаго рентмейстера, умершаго отъ чумы въ концѣ 1710 г. Получивъ начальное образованіе въ ревельской гимназій, онъ продолжалъ свое ученіе въ Галльскомъ и Іенскомъ университетахъ, гдѣ главными предметами его занятій были математика и философія. Въ 1735 году онъ былъ сдѣланъ членомъ Императорской Академіи, въ 1741 году экстраординарнымъ и, наконецъ, въ 1745 году ординарнымъ профессоромъ физики“.

Еще прежде приведеннаго описанія, въ *Philosophical Transactions* 1754 года встрѣчаемъ записку составленную извѣстнымъ ученымъ Уатсономъ (Watson) въ отвѣтъ на запросъ о смерти Рихмана, послѣдовавшій онъ доктора Лайнинга (Linning) изъ южной Королены, внимательнаго корреспондента Королевскаго общества, находившагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этимъ ченымъ собраніемъ. Докторъ Лайнингъ интересовался подробностями петербургскаго событія и спрашивалъ о нихъ одного изъ своихъ академическихъ корреспондентовъ, г. Пинкнея. Мнѣніе Уатсона (славившагося изслѣдованіями въ области электричества) относительно ближайшей причины смерти Рихмана, и также нѣсколько подробностей о рѣчи и наблюденіяхъ Ломоносова, присоеди-

-ненныя къ письму, дѣлають статью *Philosophical Transactions* для насъ интересной. Въ ней читаемъ:

„6-го августа (н. ст.) 1753 года способный и трудолюбивый профессор Рихманъ лишился жизни, наблюдая вмѣстѣ съ г. Соколовымъ, граверомъ при Императорской Академіи въ Петербургѣ, дѣйствіе электричества на своемъ гномонѣ, во время громовой бури. Какъ только разнеслась вѣсть о его смерти, пришло въ голову что электричество направилось въ его комнату посредствомъ вышеозначеннаго аппарата. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что подозрѣніе не было лишено основанія, потому что г. Соколовъ видѣлъ какъ шаръ синяго пламени, величиной съ кулакъ, отскочилъ отъ гномона по направленію къ головѣ профессора Рихмана который въ эту минуту стоялъ на разстояніи около фута отъ снаряда, наблюдая электрической указатель. Этотъ огненный шаръ поразившій профессора Рихмана сопровождался громомъ какъ бы пистолетнаго выстрѣла. Металлическая проволока была разорвана на части, и обломки ея попавшіе на платье г. Соколова прожгли на немъ знаки соотвѣтствовавшіе ихъ размѣрамъ. Половина стекляннаго сосуда была разбита, и бывшія въ немъ металлическія опилки разбросаны по комнатѣ. Отсюда ясно что сила молніи сосредоточилась въ прямомъ шестѣ который касался металлическихъ опилокъ въ стеклянномъ сосудѣ. Когда стали изслѣдовать дѣйствіе молніи въ комнатѣ профессора, то нашли что дверной косякъ былъ на половинѣ расщепленъ, а дверь сорвана и брошена въ комнату. Такимъ образомъ молнія, повидимому, шла вдоль цѣпи проведенной подъ потолкомъ, но какъ она прошла изъ аппарата на крышѣ дома къ двери и потомъ въ комнату этого не видно изъ свѣдѣній которыя могли быть собраны.

„Если вполнѣ достовѣрно что молнія бывшая причиной смерти профессора Рихмана, скопилась на аппаратѣ по той причинѣ что онъ въ минуту появленія молніи былъ способенъ привлечь и удержать электричество, то было бы въ нашей власти иногда отвращать дѣйствіе молніи. Но объ этомъ фактѣ мы должны будемъ узнать истину съ теченіемъ времени и дальнѣйшими опытами.

„Такимъ образомъ г. Пинкней можетъ извѣстить доктора Лайниппа, что, по мнѣнію г. Уатсона, во время смерти профессора Рихмана, его аппаратъ былъ совершенно изолированъ и не имѣлъ сообщенія съ землею посредствомъ металлическихъ или иныхъ предметовъ способныхъ проводить электричество; что большое количество электричества коимъ, по обширно-

сти производящей причины, аппарат былъ переполненъ, разрядилось черезъ тѣло профессора Рихмана какъ чрезъ ближайшій неэлектрическій предметъ имѣвшій сообщеніе съ поломъ, и тѣмъ къ несчастію причинило его смерть. Этого, какъ можно предполагать не случилось бы, если бы цѣпь или какая другая часть аппарата касалась полу, посредствомъ коего электричество могло бы имѣть сообщеніе съ землей.

„По прочтеніи вышесказаннаго, Королевскому Обществу былъ сообщенъ трактатъ на латинскомъ языкѣ, озаглавленный: *Oratio de theoria vi electrica ortis*, написанный г. Ломоносовымъ, членомъ Императорской Академіи въ Петербургѣ. Изъ него, кромѣ многихъ другихъ любопытныхъ фактовъ, мы узнали нѣкоторыя подробности относительно смерти профессора Рихмана о которыхъ здѣсь не лишнее упомянуть слѣдующее.

„Г. Ломоносовъ замѣчаетъ что въ отношеніи внезапной смерти вышеназваннаго джентльмена, въ сообщенныхъ публикѣ свѣдѣніяхъ иныя обстоятельства были неточно изложены, а другія имѣющія нѣкоторую важность вовсе опущены. Въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, во первыхъ, что окно въ комнатѣ профессора Рихмана оставалось закрытымъ, что вѣтеръ не могъ имѣть никакого вліянія на его электрометръ; что окно въ слѣдующей комнатѣ было открыто и дверь между этими двумя комнатами была полуотворена, такъ что можно подозрѣвать что движеніе воздуха слѣдовало по направленію желѣзнаго проводника аппарата профессора, проведеннаго съ крыши дома. Вовторыхъ, что этотъ проводникъ находился не вдалекѣ отъ двернаго косяка, часть коего была оторвана. Втретьихъ, что въ это время вовсе не употреблялась лейденская банка, но что желѣзный шестъ былъ вставленъ въ стеклянный сосудъ дабы предотвратить разсѣяніе электрической силы и дать гномону обнаружить свое дѣйствительное напряженіе.

„Относительно другихъ обстоятельствъ до сихъ поръ не было упомянуто что у профессора Рихмана, въ минуту его смерти было 70 рублей (серебряными деньгами) въ лѣвомъ карманѣ сюртука, которые отъ сего случая нисколько не измѣнились. Вовторыхъ что его часы стоявшіе въ углу слѣдующей комнаты, между открытымъ окномъ и дверью, остановились и что зола изъ печки была разбросана по комнатѣ. Втретьихъ, что многія лица бывшія внѣ дома, объявили что они видѣли какъ молнія ударила изъ тучи на аппаратъ профессора на крышѣ его дома. Къ трактату при-

ложенъ видъ комнаты, гдѣ профессоръ былъ пораженъ молніей... *

„Въ семь трактатѣ г. Ломоносовъ, въ числѣ другихъ явленій электричества, замѣчаетъ что онъ однажды видѣлъ, во время громовой бури, какъ полосы электрическаго огня со свистомъ простирались отъ желѣзнаго шеста его аппарата къ краю окна, и что они были въ три фута длиной и одинъ футъ шириной. Подобныя явленія чикто кромѣ него не имѣлъ случая наблюдать.“

XXI.

Слѣдующій отрывокъ изъ письма графа Ивана Григорьевича Чернышева представителя, роскоши, модъ и веселой жизни XVIII вѣка, ** къ Ивану Ивановичу Шувалову присланное отъ 8 августа 1753 года изъ Каширы, гдѣ Чернышевъ жилъ тогда въ своемъ имѣнии, можетъ дать понятіе о томъ какаго рода впечатлѣніе произвела роковая смерть Рихмана на людей петербургскаго общества тогдашняго времени.

„Что касается до извѣстія, которое ваше превосходительство сообщили мнѣ о бѣдномъ профессорѣ Рихманѣ, то я пораженъ былъ онымъ какъ нельзя болѣе. Можете судить ваше превосходительство, что я представилъ себѣ какимъ опасностямъ вы подвергались отъ этой проклятой машины и какъ мы всѣ бѣгали за ней и забавлялись ею какъ игрушкою, что и продолжалось бы безъ этого случая съ бѣднымъ Рихманомъ. Но теперь, конечно, ваше превосходительство будете осторожны и не станете рисковать жизнию изъ за такого бесполезнаго любопытства. Еслибъ я теперь былъ въ Москвѣ и ваше превосходительство захотѣли бы меня выслушать, то я бы принялъ смѣлость вамъ посовѣтовать (и боюсь что этотъ совѣтъ проистекаетъ отъ сердца по истинѣ обожающаго ваши добродѣтели) чтобы вы совсѣмъ бросили ту машину хотя бы только для того, чтобы успокоить души друзей вашихъ и слугъ. Любопытно знать теперь что говорить объ электрической машинѣ Романъ Ла-

* Два рисунка изъ рѣчи Ломоносова, изображающіе мѣсто наблюденій Рихмана, приложены и къ статьѣ *Philosophical Transactions*.

** Выраженіе редактора *Русскаго Архива*, гдѣ въ № XI, 1869 г. помѣщено письмо Чернышева.

ріоновичъ *. Онъ и прежде, когда мы еще не знали что она смертоносецъ, ненавидѣлъ ее.“

Малосвѣдущій Чернышевъ, смѣшалъ, повидимому, громовый шестъ Рихмана съ комнатною электрическою машиною, и вообразилъ что смерть несчастнаго академика послѣдовала отъ снаряда подобнаго невинной машинѣ, какой забавлялись у Шувалова, но которую *ненавидѣлъ* старый Воронцовъ, какъ дерзкое орудіе испытанія тайнъ природы.

Не менѣе любопытенъ отзывъ ** встрѣчающійся въ *Запискахъ Василія Александровича Нащокина*.

„Іюля 26, пишетъ Нащокинъ, убило громомъ въ Санкт-петербургѣ профессора Рихмана, который машиною старался о удержаніи грома и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ... Съ нимъ, Рихманомъ, о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о аеинейскомъ стихотворцѣ Евсхиліи, что и оной чрезъ астрономію лозналъ убіеніе себя верженіемъ съ верху, и для того изыде изъ града и въ пустѣ мѣстѣ сѣдѣше на яснѣ; орелъ же, на воздухѣ носяи желвъ, иска каменіе, да съ высоты разбіетъ, а у Евсхиліи глава была лыса; по случаю орелъ опусти желвъ, и паде на главу. И такъ нечаянный конецъ вымыслу и онаго Рихмана, какъ и Евсхилій получи. А о Евсхиліи пишется въ книгѣ Ионей и Іерополитикѣ на листѣ 183“.

При такихъ воззрѣніяхъ ходившихъ въ обществѣ, понятны опасенія Ломоносова, высказанныя имъ въ письмѣ къ Шувалову при первомъ извѣстіи о смерти Рихмана: „чтобы сей случай не былъ протолкованъ противъ приращенія наукъ.“ Въ Петербургскихъ нѣмецкихъ кружкахъ толковали что Рихманъ, бывший въ долгахъ, недовольный, какъ и большинство академиковъ его товарищей своимъ положеніемъ, самъ искалъ смерти и, какъ выражается Шлецеръ въ своей автобіографіи, „вслѣдствіе долговъ убилъ себя электрическимъ ударомъ.“ Шлецеръ не сопровождаетъ этихъ словъ никакимъ замѣчаніемъ. Между тѣмъ онъ могъ слышать всѣ подробности

* Воронцовъ, отецъ княгини Дашковой.

** Это мѣсто приведено г. Пекарскимъ въ его *Исторіи Академіи Наукъ въ Петербургѣ*. 1871 г. (стр. 712).

о Рихманѣ, часто бывая въ семьѣ академика Брауна женившагося на вдовѣ Рихмана. Въ народѣ толковали о Рихманѣ какъ чародѣй созвавшемъ громъ съ неба и поплатившемся жизнью за свою дерзость.

Академическая канцелярія, съ Шумахеромъ во главѣ, даже сочла было неудобнымъ справлять торжественное собраніе на которомъ читалось бы объ электрическихъ явленіяхъ; и не очень заботясь о Ломоносовѣ, готовившемся къ акту одновременно съ Рихманомъ, опредѣлила донести о своихъ сомнѣніяхъ президенту Академіи. „Понеже по причинѣ случая смертнаго профессора Рихмана канцелярія Академіи Наукъ (сказано въ журналѣ 5 августа) сомнѣвается, угодно ли то будетъ, ежели такую при асамблеѣ диссертацию читать въ которой электрическія притяганія нѣкоторымъ образомъ изъясняемы будутъ; а къ тому же самъ авторъ проф. Рихманъ умеръ, то кажется за неприличное, чтобъ его диссертацию читать кому иному, и для того опредѣлено его сіятельству представить репортомъ, чтобы намѣривающуюся асамблею для предъявленныхъ обстоятельствъ отложить до другаго времени.“ Это опредѣленіе разстроивало планы Ломоносова, считавшаго, напротивъ того, предстоявшій актъ наиболѣе удобнымъ случаемъ, чтобъ разсвѣтъ нелѣпныя сужденія и показать что случай съ Рихманомъ никакъ не долженъ быть истолковываемъ противъ испытанія природы, требующаго отъ ученыхъ не только знанія и труда, но нерѣдко и мужества. Ломоносовъ двоекратно писалъ къ президенту, прося назначить, вопреки мрѣнію канцеляріи, день для торжественнаго собранія. Убѣжденный доводами Ломоносова, Разумовскій отмѣнилъ свое состоявшееся уже распоряженіе объ отложеніи акта, и 18 октября Шумахеръ получилъ письмо, въ которомъ значилось:

„Г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ представляетъ мнѣ двоекратно, что онъ изготвилъ къ публичному академическому акту диссертацию на латинскомъ языкѣ, тамъ оную перевелъ на руссійской, въ которой предлагаетъ теорію о электрической матеріи подъ титуломъ *Oratio de metheoris vi electrica ortis*, при чемъ и переводу своего копію мнѣ прислалъ, прося чтобъ изволено ему было чи-

татъ оную для новости ея еще въ нынѣшнемъ году, а именно, для празднуемаго торжества восшествія Ея И. В. на всероссійскій прародительскій престолъ, то-есть ноября 25 числа. Хотя я отъ 3 сентября и опредѣлилъ было ассамблею публичной не быть за объявленными въ вашемъ представленіи, учиненномъ отъ 5 августа, резонами: однакожь дабы г. Ломоносовъ съ новыми своими изобрѣтеніями между учеными въ Европѣ людьми не опоздалъ, и чрезъ то трудъ бы его въ чиненныхъ до сего времени электрическихъ опытахъ не пропасть: того ради извольте такъ расположиться, чтобъ для вышеупомянутаго высочайшаго торжества ноября 25 числа сего текущаго года актъ академическій конечно былъ для публики, въ которомъ г. Ломоносовъ читать имѣетъ слово о явленіяхъ отъ электрической силы происходящихъ, а отвѣтствовать на оное г. профессоръ Гришовъ будетъ, о которомъ онъ же г. Ломоносовъ меня увѣдомляетъ, что онъ имѣетъ пристойную матерію, то-есть новыя наблюденія о тягости учиненныя на островѣ Эзелѣ.“

За нѣсколько дней Ломоносовъ писалъ кромѣ того къ Ивану Ивановичу Шувалову, прилагая переписанную рѣчь и прося его предстательства „о произведеніи оной“. „Ибо мнѣ, продолжаетъ Ломоносовъ, дадутъ навѣтки что ее въ комментаріи напечатать; однако я тѣмъ отнюдь не могу быть доволенъ, и за прямой отказъ почестъ долженъ. Она такимъ образомъ сочинена чтобы говорить въ собраніи и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствахъ долженъ я буду много перемѣнить и выкинуть, что мнѣ много труда стоитъ; сверхъ того съ комментаріями выйдетъ она весьма поздно.“ Замѣтимъ, впрочемъ, что распоряженіе Разумовскаго, сколько можно заключить по числамъ (оно послѣдовало 11-го октября, письмо же къ Шувалову подписано 7 октября, а въ ту эпоху сообщеніе между Петербургомъ и Московію требовало недѣлю времени) состоялось независимо отъ предстательства Шувалова.

Во вторникъ 26 ноября актъ состоялся. Его описаніе встрѣчаемъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ сказано: „Сего мѣсяца 26 числа, для пресвѣтлаго дня восшествія на престолъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшейнашей Государыни происходилъ, предъ полуднемъ въ Академіи Наукъ, по повелѣнію ясновельможнаго малороссій-

скаго гетмана и онѣя Академіи президента, его сіятельства графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, публичный актъ, при чемъ коллежскій совѣтникъ и химіи профессоръ господинъ Ломоносовъ говорилъ рѣчь на російскомъ языкѣ: „О явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ,“ на которую именемъ Академіи отвѣтствовалъ г. Гришовъ астрономіи профессоръ и въ то же время объявилъ свое разсужденіе: „О разныхъ необыкновенныхъ воздушныхъ явленіяхъ,“ имъ самимъ примѣченныхъ. Затѣмъ были предложены академическія задача на премію во сто червонцевъ (на 1755 годъ): „сыскать подлинную электрической силы причину, и составить теорію.“ На 1754 годъ оставлена таже задача (по химіи), какая была назначена на 1753 годъ и не получила разрѣшенія.“

XXII.

Рѣчь *О явленіяхъ воздушныхъ* принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ ученыхъ трудовъ Ломоносова и отличается живымъ и блестящимъ изложеніемъ, хотя то обстоятельство что она первоначально писана по-латыни не осталось безъ вліянія на слогъ и строеніе фразъ, мѣстами довольно тяжелыхъ. Введеніе написано подъ впечатлѣніемъ смерти Рихмана, да и въ самой рѣчи Ломоносовъ не разъ обращается къ этому событію, желая очистить мракъ которой „смутнымъ симъ рокомъ внесенъ въ мысли“ и „извести изъ помраченія прежнее достоинство предлагаемой вещи.“

„У древнихъ стихотворцевъ,—такъ начинаетъ Ломоносовъ свое слово,—обычай былъ, слушатели, что отъ призванія боговъ или отъ похвалы между богами вмѣщенныхъ героевъ стихи свой начинали, дабы слогу своему приобрѣсти больше красоты и силы; сему я послѣдовать въ начинаніи нынѣшняго моего слова разсудилъ за благо, приступая къ предложенію матеріи, которая не токмо сама собою многотрудна, и неизчетными преткновеніями превязана; но сверхъ того скоропостижнымъ пораженіемъ трудолюбиваго раченія нашего сообщника много прежняго ужаснѣе казаться можетъ.

Не трудно догадаться къ какому герою обратится Ломоносовъ, чтобъ дать силу своему слову и указать примѣръ уваже-

нія къ наукамъ. Этотъ герой—Петръ, дѣла котораго „по всей подсолнечной устамъ рода человѣческаго проповѣдуются“.

„Монархъ говорить Ломоносовъ,—къ великимъ дѣламъ рожденный, когда новое войско противъ непріятеля поставить, новымъ флотомъ занять море, новымъ величествомъ законовъ умножить правосудія святость, новыми стѣнами укрѣпить города, новыми грамотами и вольностями поощрить кунечества и художествъ прилежаніе, и словомъ всѣхъ подданныхъ нравы исправить, и цѣлое отечество якобы снова родить намѣрился; тогда усмотрѣлъ ясно, что ни полковъ, ни городовъ надежно укрѣпить, ни кораблей построить, и безопасно пустить въ море, не употребляя математики; ни оружія, ни огнедышущихъ машинъ, ни лѣкарствъ поврежденнымъ въ сраженіи воинамъ безъ физики приготовить; ни законовъ, ни судовъ правости, ни честности нравовъ, безъ ученія философіи и краснорѣчія ввести; и словомъ ни во время войны государству надлежащаго защищенія, ни во время мира украшенія безъ вспоможенія наукъ приобрѣсти невозможно.“

Обращаясь далѣе къ служителямъ науки, смѣло стремящимся проникнуть въ тайны природы, и отвѣчая на ходившія въ обществѣ мнѣнія, обращикъ которыхъ мы видѣли выше въ письмѣ Чернышева и въ запискахъ Нащокина, Ломоносовъ говоритъ:

„Людей которые бѣдственными трудами или паче исполнскою смѣлостію тайны естественныя испытать тѣются, не надлежитъ почитать продерзкими, но мужественными и великодушными, ниже оставлять изслѣдованія натуры, хотя они скоропостижнымъ рокомъ живота лишились. Не утѣшили ученыхъ людей Плиній въ горячемъ пепелѣ огнедышущаго Везувія погребенный, ниже отвратилъ пути ихъ отъ шумящей внутреннимъ огнемъ крутости. Смотрятъ по вся дни любопытныя очи въ глубокую и адъ отрывающую пропасть. И такъ не думаю, чтобы внезапнымъ пораженіемъ нашего Рихмана натуру испытующіе умы утѣшились, и электрической силы въ воздухѣ законы извѣдывать перестали; но паче упдваю, что все свое раченіе на то положить съ пристойною осторожностію, дабы открылось, какимъ образомъ здравіе человѣческое отъ оныхъ смертоносныхъ ударовъ могло быть покрыто...

„Почитаютъ ли (прибавляетъ Ломоносовъ въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, гдѣ говорится о предразсудкѣ будто бы

изыскивать средство защититься отъ молніи * значить „предерзостнымъ усиленіемъ гнѣву Божию противиться“), — тѣхъ продерзкими и нечестивыми, которые ради презрѣннаго прибытка неизмѣримыя и бурями свирѣпствующія моря переѣзжаютъ, зная, что имъ тоже удобно прильнуться можетъ, что прежде ихъ многіе, или еще и родители ихъ претерпѣли? Никоею мѣрою; но похваляются, но еще сверхъ того всенароднымъ моленіемъ въ покровительство Божіе препоручаются. По сему должно ли тѣхъ почитать дерзостными и богопротивными, которые для общей безопасности, къ прославленію Божія величества и премудрости, величія дѣла Его въ натурѣ молніи и грома слѣдуютъ? Никакъ; мнѣ кажется, что они еще особливою Его щедротою пользуются, получая пребогатое за труды свои издовоздавні, то-есть толь великихъ естественныхъ чудесъ откровеніе; Отворено видимъ его Его святилище по открытіи электрическихъ дѣйствій въ воздухѣ, и мановеніемъ природы во внутренніе входы призываемся. Еще ли стоять будемъ у порога, и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою; но напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, далѣе простираться не перестанемъ, осматривая все къ чему умное око проникнуть можетъ.“

Приступая къ изложенію самаго предмета рѣчи, Ломоносовъ указываетъ прежде всего на младенчское состояніе

---

* Въ числѣ средствъ защиты отъ молніи Ломоносовъ упоминаетъ и о металлическихъ остріяхъ, но предлагаетъ ставить ихъ на пустыхъ мѣстахъ, а не на зданіяхъ, какъ громоотводы по идеи Франклина. „Извѣстно всѣмъ, говоритъ онъ, что въ заостроватыя верьхи высокихъ башенъ всего чаще молнія ударяетъ, особливо ежели желѣзными указательными вѣтра украшены или металломъ покрыты. Ибо сухое дерево или воздреватый камень, изъ которыхъ верьхи строятся, такую имѣютъ натуру, что толь великой электрической силы на себя, какъ металлы, принять не могутъ. Того ради, когда она въ металлахъ зародится безмѣрно велика, тогда подъ ними сухое дерево и воздреватый камень за прямую электрическую подпору почтены быть могутъ. Слѣдовательно востроверхія башни тогда во всемъ подобны стрѣламъ электрическимъ, которыя испытатели громовой силы нарочно выставляють и которыхъ дѣйствіе въ притяганіи оной многими опасными опытами и смертію господина профессора Рихмана, довольно извѣстно. Такія стрѣлы, на мѣстахъ отъ обращенія человѣческаго по мѣрѣ удаленныхъ, ставить за безвредное дѣло почитаю; дабы ударяющая молнія больше на нихъ нежели на головахъ человѣческихъ и на храминахъ силы свои изнуряла.“

человѣческихъ знаній о явленіяхъ воздушнаго круга. „Часто, замѣчаетъ онъ, въ свободные часы, смотря на небо, не безъ сожалѣнія привожу на память, что многія главы натуральной науки и въ малѣйшихъ частяхъ весьма ясно истолкованы, но знаніе воздушнаго круга еще великою тьмою покрыто.“

Мысли Ломосова о значеніи метеорологіи, ея состояніи и будущности принадлежать къ числу самыхъ свѣтлыхъ и замѣчательнѣйшихъ соображеній его проникательнаго ума. Многое высказанное имъ лишь нынѣ сдѣлалось общепринятымъ. Указавъ, что несмотря „на почти безчисленные наблюденія перемѣнъ и явленій атмосферныхъ, производимыя по всей Европѣ“, наблюденія эти представляютъ лишь громадный беспорядочный матеріалъ, Ломоносовъ замѣчаетъ, что воздушныя перемѣны наблюдаются физиками „не столько для истолкованій оныхъ, сколько для исполненія должности“, и вслѣдствіе того „утомлена и почти умерщвлена сія лучшая часть натуральной науки“; отъ которой при другихъ условіяхъ можно бы ждать даже разрѣшенія вопроса о предсказаніи погоды, котораго Ломоносовъ далеко не считалъ неразрѣшимымъ. Если сравнить замѣчанія Ломоносова съ тѣми, какія относительно современной разработки метеорологическихъ вопросовъ, дѣлали лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Парижской Академіи Наукъ Біо, Ренью и нѣкоторые другіе, то нельзя не сознаться, что въ теченіе ста лѣтъ, несмотря на значительныя усилія, познаніе воздушнаго круга не много подвинулось впередъ. Какъ на могущественное средство подвинуть успѣхи метеорологіи, Ломоносовъ указывалъ на тотъ самый способъ производить наблюденія какой нынѣ мало по малу входитъ въ употребленіе и отъ котораго ожидается реформа метеорологіи. Этотъ способъ, давно занимавшій умъ Ломоносова, есть употребленіе (по его выраженію) „самоищушихъ“ метеорологическихъ снарядовъ, то-есть такихъ, которые сами отмѣчаютъ свои показанія. Указаніе на такой способъ, мы встрѣчаемъ не въ разбираемой нами рѣчи „О воздушныхъ явленіяхъ“, а въ другомъ сочиненіи Ломоносова, „Разсужденіе о большей точности морскаго пути“ (читанномъ

на публичномъ собраніи Академіи Наукъ 8 мая 1759 года). Здѣсь, говоря о важности наблюденія морскихъ теченій и воздушныхъ перемѣнъ, онъ говоритъ что истинная ихъ теорія можетъ быть достигнута „ни чѣмъ другимъ какъ частыми и вѣрными мореплавающихъ наблюденіями и записками перемѣнъ воздуха... А особливо когда бы въ разныхъ частяхъ свѣта, въ разныхъ государствахъ, тѣ кои мореплаваніемъ пользуются *учредили самопишущія метеорологическія обсерваторіи*, къ коихъ расположенію и учрежденію съ разными новыми инструментами имѣю новую идею особливаго требующую описанія.“ Къ сожалѣнію Ломоносову не удалось осуществить своего замѣчательнаго замысла, и задуманный планъ имъ не былъ подробно высказанъ. Впрочемъ, идея самопишущихъ аппаратовъ, долго, повидимому, занимавшая Ломоносова, не осталась у него, въ формѣ теоретическихъ только соображеній и предположеній, Она нашла практическое осуществленіе въ нѣсколькихъ интересныхъ снарядахъ. Еще въ 1748 году Ломоносовъ представилъ Академіи о изобрѣтенномъ имъ новомъ анемометрѣ для опредѣленія силы и направленія вѣтра. Объ этомъ аппаратѣ Мунке, авторъ статьи о вѣтрѣ въ *Геллеровомъ словарѣ*, отзывается какъ о необыкновенно остроумно задуманномъ. Знаменитый учитель Ломоносова Вольфъ занимался этимъ вопросомъ, и есть анемометръ его изобрѣтенія. Въ свою очередь, членъ Петербургской Академіи Лейтманъ, основатель измѣренія силы вѣтра на употребленіе маленькихъ крыльцевъ. Ломоносовъ сдѣлалъ снарядъ самоотмѣчающимъ.

Сохранилось извѣстіе о другомъ любопытномъ снарядѣ изобрѣтенномъ Ломоносовымъ, замѣчательномъ по замыслу, хотя повидимому, неудовлетворившемъ ожиданіямъ изобрѣтателя. Въ отчетѣ о занятіяхъ Ломоносова въ 1754 году читаемъ: „дѣлалъ опытъ машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднимать съ собою маленькій термометръ, дабы узнавать градусъ теплоты на вышинѣ; которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.“ Нѣсколько свѣдѣній объ этой машинѣ находится въ протоколѣ засѣданія Академіи 1 іюля 1754 года. Но изъ краткаго описанія здѣсь находящагося трудно

составить себѣ ясное представленіе о подлинномъ устройствѣ снаряда. Въ протоколѣ значится: „Ломоносовъ показывалъ изобрѣтенную имъ машину, которую называетъ аэродромическою. Дѣйствіемъ крыльевъ, движимыхъ горизонтально въ разныхъ направленіяхъ механизмомъ, подобнымъ часовому, воздухъ нагнетается (*aer deprimatur*), и машина поднимается къ верхнимъ слоямъ, дабы можно было, помощію присоединенныхъ къ ней метеорологическихъ снарядовъ, изслѣдовать состояніе верхняго воздуха. Машина вѣшается на веревкѣ чрезъ два блока и уравнивается грузами привѣшенными съ противоположной стороны (*suspendebatur machina ex funiculo per duas trochleas extenso et per pondusculo ex adversa parte adpressa aequilibrio tenebatur*). Когда пружина была заведена, поднялась къ верху. Такимъ образомъ общала желаемое дѣйствіе. Дѣйствіе это должно по мнѣнію автора увеличиться, если увеличить силу пружины и разстояніе между каждою парюю крыльевъ, а коробку содержащую пружину, для легкости, сдѣлать изъ дерева. Авторъ общалъ озаботиться этими измѣненіями.“

Наконецъ, въ числѣ многихъ инструментовъ задуманныхъ Ломоносовымъ для астрономическихъ и другихъ наблюденій на морѣ, встрѣчаемъ самопишущій компасъ съ часовымъ механизмомъ движущимъ валъ покрытый бумагою, на которомъ тонкій карандашъ соединенный съ магнитной полосою компаса, или точнѣе съ компаснымъ кругомъ утвержденнымъ на полосѣ, чертитъ уклоненія магнита.

Если мы припомнимъ что первый самопишущій барометръ былъ сдѣланъ въ 1780 г. (мысль снаряда была высказана кавалеромъ Вреномъ въ концѣ XVII вѣка), то не можемъ не признать въ Ломоносовѣ одного изъ первыхъ изобрѣтателей самоотмѣчающихъ приборовъ. Замѣчательная мысль объ устройствѣ метеорологическихъ станцій съ приборами этого рода, лишь нынѣ мало по малу осуществляющаяся, едва ли не всецѣло принадлежитъ Ломоносову.

Но возвратимся къ рѣчи *О воздушныхъ явленіяхъ*. Главная физическая теорія, которую развиваетъ Ломоносовъ въ своей рѣчи, есть теорія погруженія холоднаго воздуха.

въ теплый. Теорія эта, въ связи съ объясненіемъ сѣвернаго сіянія, родилась у Ломоносова за нѣсколько лѣтъ до составленія рѣчи. Въ маѣ 1751 года въ протоколѣ академической конференціи отмѣчено, что Ломоносовъ говорилъ о мнѣніяхъ физиковъ относительно причинъ сѣвернаго сіянія и предложилъ новую теорію. „Извѣстно,—сказано въ протоколѣ,— между физиками что холодная вода, будучи налита въ теплую, производитъ особаго рода движеніе, происходящее отъ стремленія теплой воды, какъ удѣльно легкой, къ верхней поверхности. Такъ какъ подобное движеніе должно происходить въ атмосферѣ, когда холодный воздухъ вторгается въ теплый, то можно думать, что это замѣчательное явленіе (сѣверное сіяніе) можетъ имѣть причину въ такого рода движеніи.“

Теорію эту Ломоносовъ развиваетъ подробно въ рѣчи, выходя отъ слѣдующаго факта:

„Часто, говоритъ онъ, я тому дивился, когда примѣтилъ, что зимнимъ временемъ, по раствореніи воздуха въ которомъ снѣгъ таетъ, внезапно ужасные наступаютъ морозы, которые по нѣсколькихъ часахъ ртуть въ термометрѣ отъ третьяго или пятаго градуса выше предѣла замерзанія, за тридцать ниже онаго предѣла опускаютъ, и въ самое то время пространство больше ста миль во всѣ стороны занимаютъ, о чемъ слухомъ тогда довольно увѣриться можно. Потомъ, сравняя сіе съ зимами 1709 и 1740 года, которыя почти во всей Европѣ свирѣпствовали, еще болѣе чудился, и больше возымѣлъ охоты изыскать причину только крутой перемены. Чуднѣе всего быть казалось сіе особливо, что оттепели почти всегда съ дыханіемъ и скорымъ стремленіемъ вѣтра въ пасмурную погоду случаются; морозъ напротивъ того послѣ утихнувшихъ вѣтровъ съ ясностію неба жестокость свою показывать начинается.“

Причину оттепелей Ломоносовъ видитъ въ теплыхъ вѣтрахъ; внезапное наступленіе морозовъ объясняетъ погруженіемъ внизъ верхняго, очень холоднаго воздуха, который, по его мнѣнію, не рѣдко можетъ сдѣлаться плотнѣе нижняго.

„Признакъ, или лучше дѣйствіе оныхъ движеній въ воздухѣ весьма ясно оказывается смѣшеніемъ дыма, который изъ трубъ выходитъ: ибо воздухъ, который отъ огня съ дымомъ вставляется, всегда бываетъ много теплѣе и рѣже протчаго: для того и въ лѣтнее время до нарочитой вышины восходитъ, пока

получивъ одинъ градусъ теплоты съ прочимъ, перестаетъ восходить выше. Того ради въ зимніе дни восхожденію дыма должно быть скорѣе и выше, нежели лѣтомъ: однако многократно совсѣмъ противное тому случается, и дымъ, изъ трубы выхода, больше къ низу, нежели къ верху простирается, на самомъ выходѣ разбиваясь; отъ чего дымовая мгла отъ верху домовъ до земли простирается. Сіе что не отъ морозовъ и чрезвычайной густости воздуха происходитъ, явствуетъ отсюда что въ продолженіе чрезъ нѣсколько дней морозу дымъ не токмо до земли достигающаго тумана не производитъ, но и, далѣе обыкновенной мѣры восходя, высокихъ деревъ видъ въ тихомъ воздухѣ изображаетъ.“

Ученіе Ломоносова о погруженіи верхней атмосферы въ нижнюю встрѣтило много противниковъ, какъ въ Академіи, такъ отчасти и внѣ ея, когда латинскій текстъ рѣчи былъ разосланъ иностраннымъ ученымъ, бывшимъ членамъ Академіи, сохранившимъ съ нею добрыя отношенія. Когда Ломоносовъ прочелъ свое сочиненіе въ академической конференціи, профессоръ Гришовъ заявилъ свои „сумнительства“ и потомъ изложилъ ихъ письменно. Также сдѣлалъ профессора Браунъ и Поповъ, особенно рѣзко возставшій противъ ученія своего товарища. Канцелярія, то есть Шумахеръ всегда довольный сдѣлать что-нибудь противъ Ломоносова, опредѣлила: „Г-ну автору сообщить чтобы онъ опровергнулъ и свое мнѣніе утверждалъ доказательствами; ежели же по сему не исполнить, то всѣ показанныя сумнительства объявлены будутъ въ отвѣтъ, который г-ну профессору Гришову именемъ Академіи сочинить приказано.“ Въ новомъ засѣданіи конференціи Ломоносовъ отвѣчалъ и, повидимому, побѣдоносно; ибо, какъ записано въ протоколѣ, „показалъ что утвержденія его подтверждаются достаточными доказательствами и теоретическія объясненія совершенно новы (*asserta sua non carere argumentis ac denique probavit modum explicandi theoriam suam plane novum esse*)“. Попову Ломоносовъ отвѣтилъ рѣзко и по поводу возраженій его о погруженіи верхняго воздуха упрекнулъ въ назнаніи первыхъ началъ аерометріи (*qui de his dubitet ille juxta sententiam ejus prima principia aerometriae penitus ignorare*

sit censendus). Поповъ въ свою очередь не уступилъ и потребовалъ чтобы его особое мнѣніе было сохранено въ дѣлахъ Академіи (in scriniis academicis asservandam esse voluit). Вниманіе иностранныхъ ученыхъ также главнымъ образомъ сосредоточилось на теоріи погруженія верхняго воздуха. Крафтъ (бывшій петербургскій академикъ) въ письмахъ къ Шумахеру и къ президенту высказалъ что, по его мнѣнію, теорія погруженія совершенно ложна. Съ другой стороны Эйлеръ и Гейнзіусъ высказались рѣшительно въ пользу Ломоносова.

Эйлеръ призналъ ученіе Ломоносова вполне основательнымъ и согласнымъ съ теоріей равновѣсія атмосферы. „Другія предположенія (автора), прибавляетъ онъ, столь же остроумны, какъ и вѣроятны и показываютъ въ авторѣ по истинѣ счастливое искусство расширять истинныя познанія въ области ученія о природѣ, чему и въ прежнихъ сочиненіяхъ своихъ далъ блестящія обращенія. Никѣ такіе таланты (solche Ingenia) очень рѣдки, ибо большинство ученыхъ остаются лишь при опытахъ и не хотятъ о нихъ размышлять; другіе же внадають въ разсужденія противныя всѣмъ основаніямъ здраваго природоученія.“ Гейнзіусъ полагалъ, что мысли Ломоносова должны побудить физиковъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, чтобы оправдать или опровергнуть предположеніи Ломоносова. Онъ указывалъ какія по его мнѣнію могли бы быть произведены опыты относительно смѣшенія паровъ и предполагаемаго Ломоносовымъ возбужденія электричества въ этомъ случаѣ.

Смѣшенію восходящихъ и нисходящихъ слоевъ атмосферы Ломоносовъ приписываетъ самое происхожденіе атмосфернаго электричества, котораго источникъ онъ видитъ въ треніи воздуха и мельчайшихъ горючихъ частицъ, по его мнѣнію, въ обиліи наполняющихъ атмосферу. Безъ сомнѣнія въ настоящее время, когда и составъ атмосферы и условія при которыхъ возбуждается электричество отъ тренія, значительно болѣе извѣстны чѣмъ въ эпоху Ломоносова, ученіе его не выдерживаетъ критики. Самый фактъ погруженія воздуха и смѣшенія его слоевъ, въ условіяхъ имъ указанныхъ, да-

леко не имѣть того обширнаго значенія, какое придавалъ ему Ломоносовъ. Теорія Ломоносова стносится къ случаю покоящейся атмосферы, и смѣшеніе слоевъ для него есть явленіе обусловливающееся мѣстными явленіями. Между тѣмъ вся совокупность явленій воздушнаго круга опредѣляется главнымъ образомъ тѣми общими потоками атмосфернаго моря, изъ которыхъ слагается его крутообращеніе. Тѣмъ не менѣе теорія Ломоносова имѣетъ значительный историческій интересъ.

Любопытно совпаденіе идей Ломоносова, добытыхъ имъ путемъ совершенно самостоятельнымъ, съ идеями другихъ замѣчательныхъ ученыхъ его эпохи, въ особенности съ идеями Франклина. Ломоносовъ усердно старается оградить свою самостоятельность и указать отличіе своихъ теорій отъ теорій Франклина. Для насъ это совпаденіе лишь возвышаетъ значеніе трудовъ Ломоносова, свидѣтельствуя о проницательности ума перваго русскаго натуралиста. Франклинъ упоминаетъ о погруженіи верхнихъ холодныхъ слоевъ воздуха въ нижнюю атмосферу и, подобно Ломоносову, приписываетъ этому явленію большое участіе въ образованіи грозъ. „Если, говорить онъ, на нѣкоторомъ мѣстѣ данной страны развивается значительная теплота, — если, на примѣръ, солнце нагрѣвало его въ продолженіи нѣсколькихъ дней, тогда какъ сосѣднія мѣстности были покрыты облаками, — то нижній воздухъ разрѣжается и восходитъ къ верху; верхній же, болѣе холодный и плотный, опускается. При этомъ всѣ облака находящіяся въ этомъ воздухѣ должны встрѣтиться и соединиться надъ нагрѣтымъ мѣстомъ. Если нѣкоторыя изъ нихъ наэлектризованы, другія нѣтъ, то должны произойти громъ и молнія, и падаютъ мѣстные дожди. Отсюда происходятъ грозы послѣ сильныхъ жаровъ и холодный воздухъ, слѣдующій за такими бурями: ибо вода и облака, ихъ поражающія, нисходятъ изъ верхней, холоднѣйшей воздушной области.“ Объ отношеніи своей теоріи къ мыслямъ Франклина Ломоносовъ выражается такъ: „Погруженію и восхожденію атмосферы кратко коснулся славной господинъ Франклинъ въ своихъ письмахъ; одна-

ко, что я въ моей теоріи о причинѣ электрической силы въ воздухѣ ему ничего не долженъ, изъ слѣдующихъ явствуетъ. Впервые о погруженіи верхняго воздуха я уже мыслилъ и разговаривалъ за нѣсколько лѣтъ: Франклиновы письма увидѣлъ впервые когда уже моя рѣчь была почти готова, въ чемъ я посылаюсь на своихъ господъ товарищей. 2) Погруженіе верхней атмосферы Франклинъ положилъ только догадкою въ нѣсколькихъ словахъ; я свою теорію произвелъ изъ наступающихъ внезапно великихъ морозовъ, то есть, изъ обстоятельствъ въ Филадельфіи, гдѣ живетъ Франклинъ, неизвѣстныхъ. 3) Доказалъ я выкладкою что верхній воздухъ въ нижнемъ не токмо погрузиться можетъ, но иногда и долженъ. 4) Изъ сего основанія истолкованы мною многія явленія съ громовою силою бывающія, которыхъ у Франклина нѣтъ и слѣду.

„Все сіе не того ради здѣсь прилагается, чтобъ я хотѣлъ себя ему предпочесть, но послѣдовалъ изволенію господъ товарищей, которые сіе къ моему оправданію присовокупить мнѣ приговорили.“

Замѣчательная теорія электрическаго происхожденія сѣвернаго сіянія почти одновременно родилась въ головахъ трехъ ученыхъ: знаменитаго истолкователя молніи и изобрѣтателя громоотводовъ Франклина, извѣстнаго англійскаго ученаго Кантона и нашего Ломоносова.

Кантонъ, внимательно наблюдая явленія электрическаго свѣта въ разряженномъ воздухѣ, указалъ аналогію между мерцающими потоками свѣта, наполняющими безвоздушное пространство когда чрезъ него проходитъ электрическій разрядъ, и волнующимися столбами сѣвернаго сіянія. Ту же аналогію указываетъ Ломоносовъ. „Электрическій свѣтъ, говоритъ онъ, троякаго рода извѣстенъ. Первый въ искрѣ съ трескомъ, которая часто съ излучиною и по разности матерій разнаго цвѣту примѣчена; особливо когда натуральная электрическая сила въ металлическій пруть приведенна была изъ облака. Второй родъ и шипящій и холодный пламень, который особливо изъ заостроватыхъ металлическихъ концовъ приближеннымъ матеріямъ встрѣчается; и который, во время превеликаго грома и молніи, видѣлъ я шириною одинъ, длиною три фута въ своей горнищѣ, блѣднаго же какъ обыкновенно цвѣту, съ шипѣніемъ безъ треску. Третій

родъ—блѣдной, слабой цвѣтъ, который въ весьма рѣдкомъ воздухѣ или въ мѣстѣ воздуха отнюдь не имѣющемъ надъ ртутью въ барометрѣ показывается, и при исчезаніи электрической силы перерывно блещетъ въ разные времени разстоянія.“

Электрическія искры Ломоносовъ сравниваетъ съ молніей, шипящій свѣтъ съ огнемъ Кастора и Полуасе; въ третьемъ родѣ свѣта—видитъ „подобіе сѣвернаго сіянія“. „Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, что сѣверныя сіянія рождаются отъ происшедшей на воздухѣ электрической силы. Подтверждается сіе подобіемъ явленія и исчезанія, движенія, цвѣту и виду, которые въ сѣверномъ сіяніи и въ электрическомъ свѣтѣ третьяго рода показываются. Возбужденная электрическая сила въ шарѣ, изъ котораго воздухъ вытянутъ, внезапные лучи испускаетъ, которые во мгновеніе ока исчезаютъ, и въ то же почти время новые на ихъ мѣста выскакиваютъ, такъ что непрерывное блистаніе быть кажется. Въ сѣверномъ сіяніи всполохи или лучи хотя не такъ скоропостижно происходятъ по мѣрѣ пространства всего сіянія, однако видъ подобный имѣютъ: ибо блистающіе столпы сѣвернаго сіянія полосами отъ поверхности электрической атмосферы, въ тончайшую, или и весьма въ чистой эфиръ перпендикулярно почти простираются; не иначе какъ въ упомянутомъ электрическомъ шарѣ отъ вогнутой круглой поверхности къ центру сходящіеся лучи блистаютъ. Цвѣтъ въ обоихъ явленіяхъ блѣдный. Всѣ сѣвернаго сіянія показанные виды не могутъ быть пары или облака какимъ-нибудь блистаніемъ освѣщенные, что регулярная почти всегда фигура и сквозь свѣтящія звѣзды явственно показываютъ. Не мало вѣроятности прибавляется изъ моихъ наблюденій, по которымъ оказалось, что въ началѣ осени и въ концѣ лѣта, тяжкаго многократными громовыми тучами, чаще сѣверныя сіянія являются, нежели по иныхъ лѣтахъ. Сверхъ сего иногда во время самаго сѣвернаго сіянія блескъ зарницы мною примѣченъ. Изъ сего оказывается что сѣверное сіяніе и зарницы всполохи не натурою, но градусомъ силъ и мѣстомъ разнятся. Зарница слѣдуетъ послѣ крѣпкой электрической силы, при ея исчезаніи, ночью, въ рѣдкой

атмосферѣ; сѣверное сіяніе отъ слабаго тренія паровъ въ средней атмосферѣ выше предѣловъ ея показывается.“

Ломоносовъ помѣщалъ сѣверныя сіянія выше предѣловъ атмосферы, основываясь на опредѣленіяхъ ихъ высоты сдѣланныхъ, какъ можно догадываться, по методѣ Мейера (описанной въ I томѣ академическихъ *Комментаріевъ* и принятой также Крафтомъ). Смѣривъ вышину дуги сѣвернаго сіянія 16 октября 1753 г., Ломоносовъ опредѣлилъ ее въ 20°, ширину въ 136°. Отсюда вычисленіе дало ему для „вышины верхняго края дуги около 420 верстъ“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Ломоносова, „электрическая сила, рождающая сѣверное сіяніе, около верхней части средней атмосферы возбуждается; воздухъ самаго верхняго слоя движетъ и трясеніемъ чистаго эфира столпы и стрѣлы простираетъ. Весь воздухъ атмосферы, около такой густоты, которая въ стеклянномъ шарѣ электрическое сіяніе погашаетъ, остается мраченъ, окружаясь свѣтлою дугою, которая подаетъ нетрудный способъ опредѣлять вышину и разстояніе сѣвернаго сіянія“.

Такова теорія Ломоносова. На составленіе ея имѣло прямое вліяніе желаніе свести блестящую догадку объ электрическомъ происхожденіи сѣвернаго сіянія къ ученію о погруженіи верхняго воздуха и ошибочное убѣжденіе что сѣверное сіяніе происходитъ на высотѣ нѣскольکو сотъ верстъ. Принимая мѣстное, вслѣдствіе взаимнаго тренія атмосферныхъ частицъ, происхожденіе электричества поражающаго сѣверное сіяніе, Ломоносовъ естественно затруднялся объяснить почему явленіе бываетъ преимущественно въ сѣверныхъ странтхъ и далъ этому обстоятельству довольно натянутое объясненіе,

Ближе къ современнымъ понятіямъ стоитъ теорія Франклина, указанная имъ въ письмахъ объ электричествѣ, съ которыми Ломоносовъ ознакомился, когда уже слово его было почти готово. Въ пятомъ письмѣ (1749 или 1750 г.) Франклинъ говоритъ:

„Когда воздухъ вмѣстѣ съ находящимися въ немъ парами, заимствованными изъ океана, между поворотными кру-

гами восходить въ высоту и направляется въ полярныя страны, приходя тамъ въ прикосновеніе съ парами тамъ поднимающимися, то происходитъ сообщеніе принесеннаго имъ электрическаго огня, и огонь сей можно бываетъ явственно видѣть въ свѣтлыя ночи. Онъ становится видимымъ прежде всего въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ прежде всего приходитъ въ движеніе, другими словами въ сѣверныхъ частяхъ. Отсюда встанутъ огненные потоки на югъ и даже переходятъ чрезъ зенитъ полярныхъ странъ. Но хотя свѣтъ и кажется распространяющимся отъ сѣвера къ югу, однако истинное теченіе электрическаго огня происходитъ отъ юга къ сѣверу, и только начинается его движеніе на сѣверѣ. Электрическій огонь бываетъ видимъ только когда находится въ движеніи и переходитъ отъ одного мѣста къ другому, или въ воздухѣ отъ одной части къ другой. Пока онъ пробѣгаетъ твердыя тѣла, то остается невидимъ, даже когда при разрядѣ лейденскихъ банокъ въ большомъ количествѣ стремительно пробѣгаетъ въ проволоку составляющей части цѣпи, въ которой происходитъ разрядъ. Но когда онъ, пробѣгая цѣпь, переходитъ отъ одного ея звена къ другому, то становится видимымъ. Когда онъ бѣжитъ чрезъ тонкой золотой листокъ, то также видимъ, ибо листокъ представляетъ множество трещинокъ: стоитъ держать его противъ свѣта, и онъ представится точно сѣткѣ; потому и огонь бываетъ видимъ, когда проходитъ чрезъ пустые промежутки. Происходитъ тоже что съ трубкой наполненной водою. Если открыть такую длинную, полную стоящей воды трубку на одномъ ея концѣ и дать водѣ вытекать, то движеніе начинается прежде при открытомъ концѣ и оттуда распространяется къ закрытому, но сама вода между тѣмъ движется отъ закрытаго къ открытому концу. Подобнымъ образомъ когда электрическій огонь изливается изъ воздуха, простирающагося на тысячи миль и наполненнаго парами, въ около-полярныя страны, то онъ долженъ прежде обнаружиться тамъ гдѣ возникаетъ первое движеніе, то-есть въ полярныхъ странахъ; и явленіе должно казаться распространяющимся къ югу, хотя огонь въ дѣйствительности движется къ сѣверу. Мы придумали это для объясненія сѣвернаго сіянія.“

Различіе своей теоріи отъ теоріи Франклина Ломоносовъ указываетъ слѣдующими словами:

„Франклинова догадка о сѣверномъ сіяніи, котораго онъ въ тѣхъ же письмахъ нѣсколькими словами касается, отъ моей теоріи весьма разнится. Ибо онъ матерію электрическую для произведенія сѣвернаго сіянія отъ жаркаго пояса

привлечь старается; я довольную нахожу въ самомъ томъ мѣстѣ, то-есть зѣирѣ, вездѣ присутствующій. Онъ мѣста ея не опредѣляетъ; я выше атмосферы полагаю. Онъ не объявляетъ какимъ она способомъ производится; я изъясняю понятнымъ образомъ. Онъ никакими не утверждаетъ доводами, я сверхъ того истолкованіемъ явленій подтверждаю. Сего ради никто не можетъ подумать, чтобы я, похитивъ его мысли, истолковалъ пространнѣе; а особливо, какъ выше упомянуто, что сіе мое слово было уже почти готово, когда я о Франклиновой догадкѣ увѣдалъ. Сверхъ сего ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена 1743 года, а въ 1747 году въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе: что сѣверное сіяніе движеніемъ зѣира произведено быть можетъ.“

Наблюденіе сѣверныхъ сіяній интересовало Ломоносова во все время его ученой дѣятельности, и въ маѣ 1764 года, за годъ до своей смерти, онъ представилъ въ Академію тринадцать рисунковъ „сѣверныхъ сіяній наблюденныхъ имъ въ разныя времена въ С.-Петербургѣ“, и „требовалъ о вырѣзаніи оныхъ на мѣди, которыя по резолюціи академической канцеляріи вырѣзать было и велѣно въ гридировальной палатѣ“. Пять рисунковъ вольнымъ мастеромъ Штенглиннымъ были доставлены въ декабрѣ 1864 года и одобрены Ломоносовымъ. Съ какимъ вниманіемъ Ломоносовъ производилъ свои наблюденія можно видѣть изъ слѣдующаго описанія сіянія 23 января 1750 года, помѣщеннаго въ рѣчи *О воздушныхъ явленіяхъ* и замѣчательнаго по отчетливости и наглядности изображенія.

„По прошествіи шести часовъ послѣ полудни и по вскрытіи вечерней зори, показалось тотчасъ на сѣверѣ порядочное сіяніе весьма ясно. Надъ мрачною хлябю бѣлая дуга сіяла, надъ которою, за сінею полосою неба, появилась другая дуга, того же съ нижнею центра, цвѣту алаго весьма чистаго. Отъ горизонта, что къ лѣтному западу, поднялся столпъ того же цвѣту и простирался близко къ зениту. Между тѣмъ все небо свѣтлыми полосами горѣло. Но какъ я взглянулъ на полдень, равную дугу на противной сторонѣ сѣвера увидѣлъ съ такою разностію, что на алой верхней полосѣ розовые столпы возвышались, которые сперва на востокъ, послѣ на западъ многочисленнѣе были. Вскорѣ послѣ того между бѣлою и алою дугою южнаго сіянія небо покрылось травѣ подобною зеленью: и пріятной видъ па

подобіе радуги представлялся; послѣ чего алые столпы по малу исчезли; дуги еще сіяли; и не подалеку отъ зенита бѣлое сіяніе, величиною съ солнце, расходящіеся лучи испускало, къ которому отъ лѣтнаго запада вставали столпы, и почти онаго касались. Послѣ сего между лучами онаго сіянія, къ западу, алое пятно появилось. Между симъ временемъ осьмь часовъ было, и небо алыми и муроваго цвѣту полосами безпорядочной фигуры горѣло; муроваго цвѣту больше было, нежели алаго. Въ зенитѣ, вмѣсто лучи, испускающаго сіянія, двѣ дуги показались, одна другую взаимно пересѣкающія. Которая вогнутою стороною стояла на сѣверѣ — имѣла струи поперечныя, къ центру склоняющіяся, а та, что вогнутою стороною обращена была на полдень, имѣла струи продольныя, параллельныя съ периферіею. Обѣихъ концы около пяти градусовъ отъ взаимнаго пресѣченія и отъ зенита отстояли. Всѣ сіи перемѣны съ девятымъ часомъ окончались, и осталось одно порядочное сіяніе на сѣверѣ, каковы здѣсь часто бываютъ.

Мы разобрали съ нѣкоторою подробностію рѣчь *О воздушныхъ явленіяхъ*, занимающую весьма видное мѣсто въ ряду ученыхъ трудовъ Ломоносова. Сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ ученыхъ заслугахъ перваго русскаго естествоиспытателя, надѣясь подтвердить ихъ послѣдующемъ разборомъ другихъ ученыхъ сочиненій Ломоносова. Ученныя заслуги Ломоносова, значеніе въ исторіи науки его изслѣдованій, какъ естествоиспытателя, служили и служатъ у насъ предметомъ весьма разнообразныхъ и даже противоположныхъ сужденій. Не разъ высказывалось мнѣніе что Ломоносовъ, какъ ученый, не былъ довольно оцѣненъ современниками, ибо стоялъ выше уровня своего вѣка; что соотечественники, по недостатку знаній, не могли имѣть надлежащаго сужденія о трудахъ проницательнаго ученаго, въ которомъ читли великаго поэта и оратора, а не гениальнаго испытателя природы; что иностранцы, одни не зная и не желая знать трудовъ русскаго ученаго, другіе изъ зависти и недоброжелательства не воздали ему должной чести. „Вы зовете — слышится съ другой стороны, — Ломоносова гениальнымъ уче-

нымъ. Но геній есть творчество. Гдѣ же тѣ открытія, какими наука обязана Ломоносову; гдѣ страница въ исторіи науки вписанная его трудами?“ Сохранился отзывъ историка Шлецера о Ломоносовѣ. Въ этомъ отзывѣ,—гдѣ севозъ иронію и нерасположеніе, невольно просвѣчиваетъ признание высокихъ достоинствъ Ломоносова,—сосредоточено все что могъ сказать, не погрѣшая явно противъ истины, умный противникъ, знающій куда направить ударъ. „Ломоносовъ, говоритъ Шлецеръ, былъ истинный геній, который сдѣлалъ бы честь всему сѣверному полюсу и Ледовитому морю и могъ бы дать новое доказательство того, что геній не зависитъ отъ широты и долготы. Онъ такъ поздно поднялся отъ Двинскаго острова и все-таки въ десять послѣднихъ лѣтъ приобрѣлъ столько разнообразнѣйшихъ свѣдѣній. Онъ творецъ новой русской поэзіи; онъ же первый писалъ русскою прозою съ свойственною ей силой и крѣпостью. Благодарное отечество наградило его; его кліенты, пользовавшіеся его значеніемъ чтобы продвигаться впередъ, обоготворяли его и пѣли что Цидеронъ и Виргилій соединились въ этомъ мужѣ изъ Холмогоръ. Это испортило его.... Высокое мнѣніе о себѣ увлекло его предаться множеству самыхъ разнородныхъ предметовъ. Останься онъ при своихъ двухъ специальностяхъ, онъ, вѣроятно, былъ бы въ нихъ великъ, тогда какъ теперь и въ нихъ не выше посредственности, мня себя превеликимъ во всемъ.“

Нельзя не признать что съ именемъ Ломоносова не связано никакихъ особенно замѣчательныхъ открытій; мы даже почти не встрѣтимъ его имени въ исторіи науки; и не потому чтобы иностранные ученые не хотѣли воздать справедливости русскому естествоиспытателю. Ученые труды Ломоносова, всѣ напечатанные на латинскомъ языкѣ, были доступны ученому міру, возбуждали интересъ во всѣхъ слѣдившихъ за успѣхами Петербургской Академіи, были предметомъ разбора, похвалъ и враждебныхъ выходокъ,—сопутниковъ успѣха; были поставляемы наравнѣ съ трудами его ученыхъ товарищей по Академіи, между которыми были такіе замѣчательные испытатели какъ Эппнусъ и Рихманъ, такіе

многосвѣдущі ученые, какъ Браунъ; вообщемъ были оцѣнены не ниже своего достоинства. Еслибы мы нынѣ, забывая обстоятельства времени и историческія условія, пожелали измѣрять значеніе изслѣдованій Ломоносова общемою мѣрою прилагаемою къ трудамъ служителей европейской науки безъ различія странъ и народностей, то мы не имѣли бы права отводить трудамъ нашего ученаго какое-либо особое мѣсто, выходящее изъ ряда, а должны бы были поставить ихъ въ общемъ ряду полезныхъ трудовъ современныхъ ему многочисленныхъ служителей науки; помѣстить работы русскаго ученаго *наравнѣ* съ трудами иностранныхъ мастеровъ науки и его ученыхъ товарищей. Остроуміе теоретическихъ соображеній, принципательность догадокъ, постоянная ясность представленія, разнообразіе замысла (трудно вообразить сколько приборовъ разнороднаго механическаго устройства задумано Ломоносовымъ) отличаютъ труды Ломоносова. Отсутствие математической обработки теорій, недовольное подтвержденіе остроумныхъ догадокъ, недостатокъ настойчиво доводимой до конца, правильной экспериментальной методы (Ломоносову приходилось дѣлать опыты урывками, въ минуты отдыха вмѣсто бильярду или иной забавы *) — главные источники ихъ несовершенства. Значительнѣйшую часть ихъ составляютъ физическія теоріи, въ духѣ ученій того времени, но въ тоже время весьма оригинальныя, представляющія рядъ собственныхъ объясненій главнѣйшихъ явленій природы, объясненій которыя Ломоносовъ замышлялъ свести въ цѣлую физическую систему. Такія теоріи, если лишены глубокой математической обработки и не вели къ открытію новыхъ фактовъ, быстро забываются. Такъ было и съ трудами Ломоносова, тѣмъ болѣе, что они скорѣе обрашки трудовъ, чѣмъ труды доведенные до конца. Но именно въ томъ обстоятельствѣ что, не смотря на свои несовершенства, труды эти могутъ быть, по справедливости, приписаны трудами самостоятельнаго мастера;

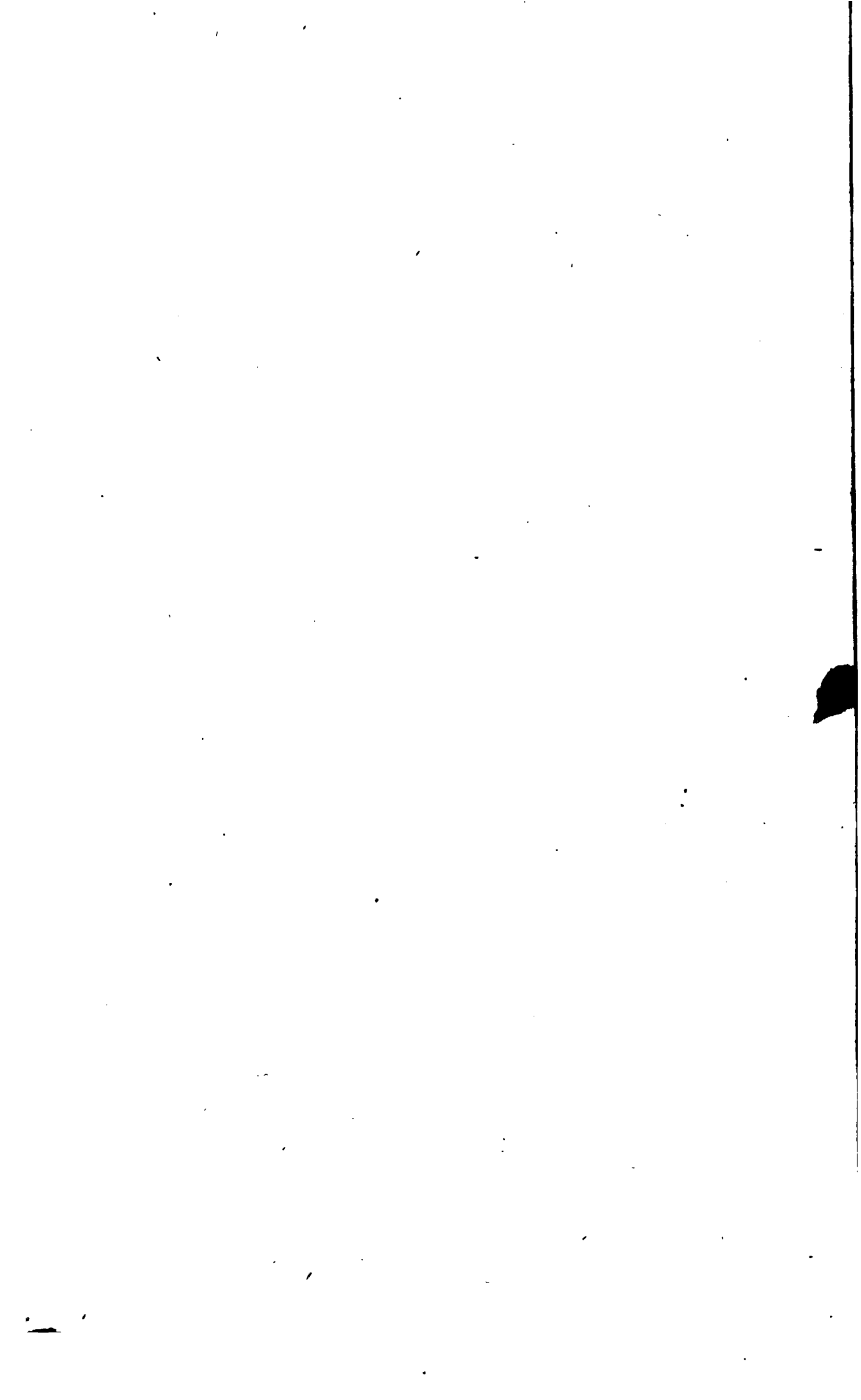
* Письмо къ Шувалову, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше на стр. 73.

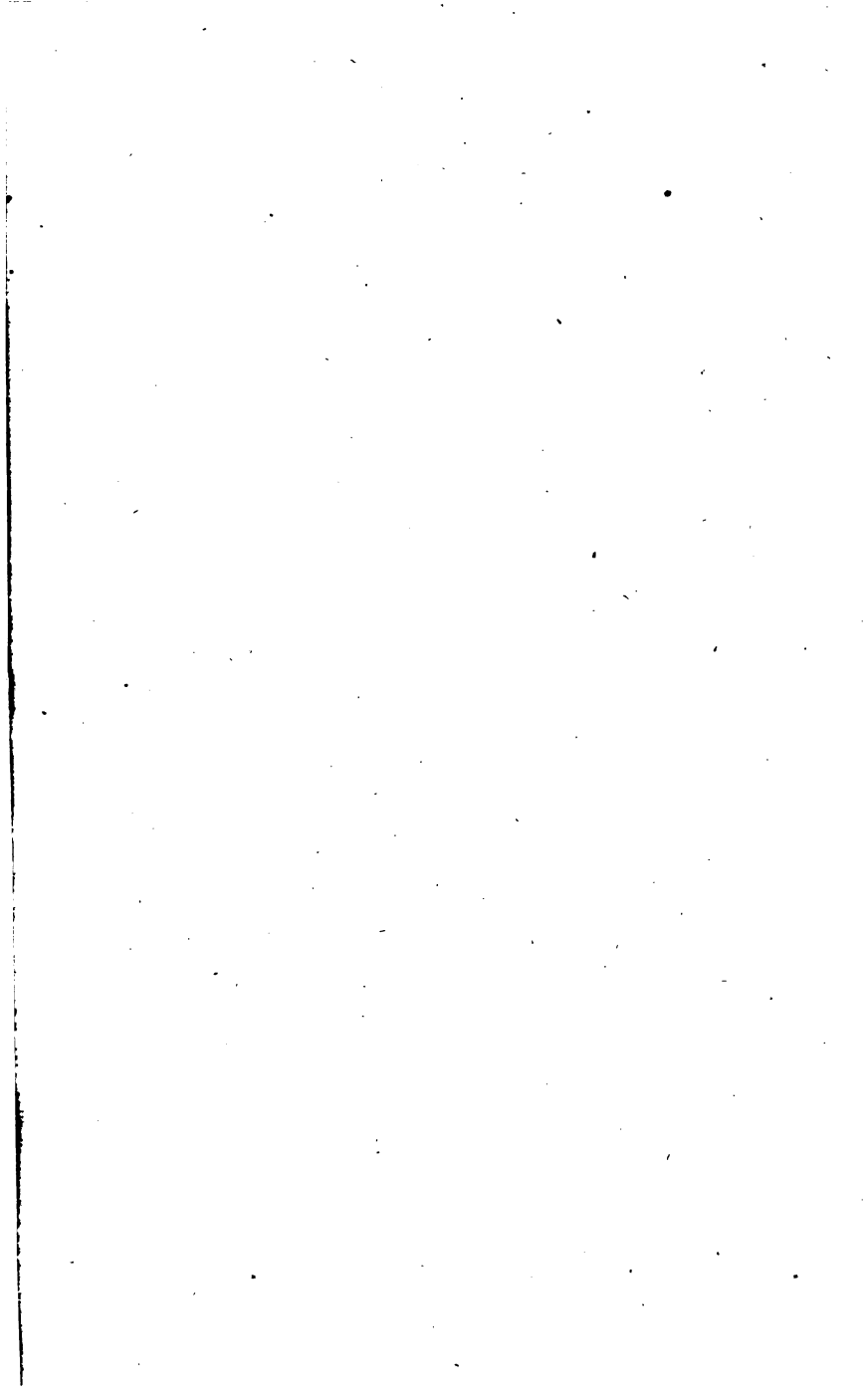
въ этомъ полномъ равенствѣ *перваго* русскаго академика съ современными ему представителями европейской науки и заключается великое для насъ значеніе Ломоносова какъ перваго русскаго ученаго. Нѣтъ ничего фальшивѣе стремленія выискивать въ Ломоносовѣ представителя русской науки и руской цивилизаціи какъ чего то особаго отъ науки и цивилизаціи „запада“, иною мѣрою измѣряемаго, иному міру принадлежащаго. Ничто такъ не противорѣчитъ всему характеру дѣятельности Ломоносова, всему духу Петровскаго преобразованія какъ такое стремленіе противоположать русское европейскому, вмѣсто того чтобы противоположать его французскому, англійскому или германскому, на равномъ правѣ въ европейской семьѣ. По отношенію къ Ломоносову это стремленіе столь же фальшиво, какъ стремленіе изобразить Ломоносова непонятнымъ, неопѣненнымъ и изнемогающимъ въ борьбѣ съ завистью и недоброжелательствомъ академиковъ-Нѣмцевъ, свившихъ будто бы себѣ теплое гнѣздо въ Петербургѣ и старающихся повредить дѣлу русскаго просвѣщенія. Истинное значеніе Ломоносова, какъ ученаго, въ томъ что онъ былъ первымъ русскимъ ученымъ въ европейскомъ смыслѣ, живымъ оправданіемъ замысла Петра ввести Россію, какъ равнаго члена, въ семью европейскихъ народовъ. Ломоносовъ былъ ученый въ томъ же смыслѣ какъ его знаменитые учителя и его талантливые товарищи. Заслуги Ломоносова достаточно велики, онѣ не нуждаются ни въ преувеличеніи, ни въ фальшивомъ освѣщеніи.

Шлецеръ упрекаетъ Ломоносова зачѣмъ не остался онъ при своихъ двухъ специальностяхъ, не предался вполне физическимъ и химическимъ изысканіямъ, чтобы сдѣлаться великимъ въ этой области. Не повторимъ этого упрека. Прославимъ Ломоносова за то что онъ не остался при своихъ специальностяхъ, ибо, благодаря именно этому обстоятельству, можемъ мы привѣтствовать въ немъ великаго насаждителя просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Забудемъ ли условія среди какихъ онъ дѣйствовалъ? Забудемъ ли въ какомъ состояніи находилось наше образованіе въ началѣ прош-

лаго столѣтія, и какой великій шагъ былъ сдѣланъ отъ той эпохи, когда наши предки едва начинали разбирать азбуку европейской науки, до Ломоносова, явившагося мастеромъ въ труднѣйшихъ вопросахъ науки и относившагося къ европейскимъ ученымъ своего вѣка, какъ равный къ равнымъ? Забудемъ ли что въ то время когда въ Англіи Ньютонъ раскрывалъ великія тайны небесной механики, когда Лейбницъ въ Германіи полагалъ начало исчисленію безконечно-малыхъ, когда Франція имѣла уже Паскаля и Декарта,—наши предки еще не знали употребленія арабскихъ цифръ и усердно переписывали какой-нибудь „Алманахъ на многія впредь будущія лѣта отъ Германъ еже отъ Нѣмцевъ изобрѣтенъ, художествомъ ученія и пресвѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ,“ въ которомъ родившемуся въ мартѣ рекомендовалось „храниться отъ пса“?

Для русской рѣчи, для русской мысли наступила новая эпоха когда рука великаго мастера коснулась богатаго, но необработаннаго матеріала какимъ былъ нашъ языкъ во время Ломоносова. Наука въ ея разнообразныхъ отрасляхъ свободно заговорила по русски. Поставимъ ли въ упрекъ Ломоносову цылкую готовность съ какою онъ брался за самые разнородные предметы! Современные ему европейскіе ученые, какъ и его академическіе товарищи, не связанные съ страной гдѣ имъ пришлось дѣйствовать узами крови, работали на готовой уже почвѣ европейской науки; ихъ умъ спокойно сосредоточивался на частномъ вопросѣ изслѣдованія, они клали свой камень въ давно воздвигаемое зданіе. На Ломоносовѣ лежало дѣло начпнанія; тогда у насъ наука была невѣдомымъ храмомъ, въ который желалъ онъ ввести своихъ соотечественниковъ, съ безграничною пытливостью переносясь съ предмета на предметъ. Истинно великое значеніе трудовъ Ломоносова не въ исторіи науки вообще, а въ исторіи русскаго образованія: это блестящія въ ней страницы.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.